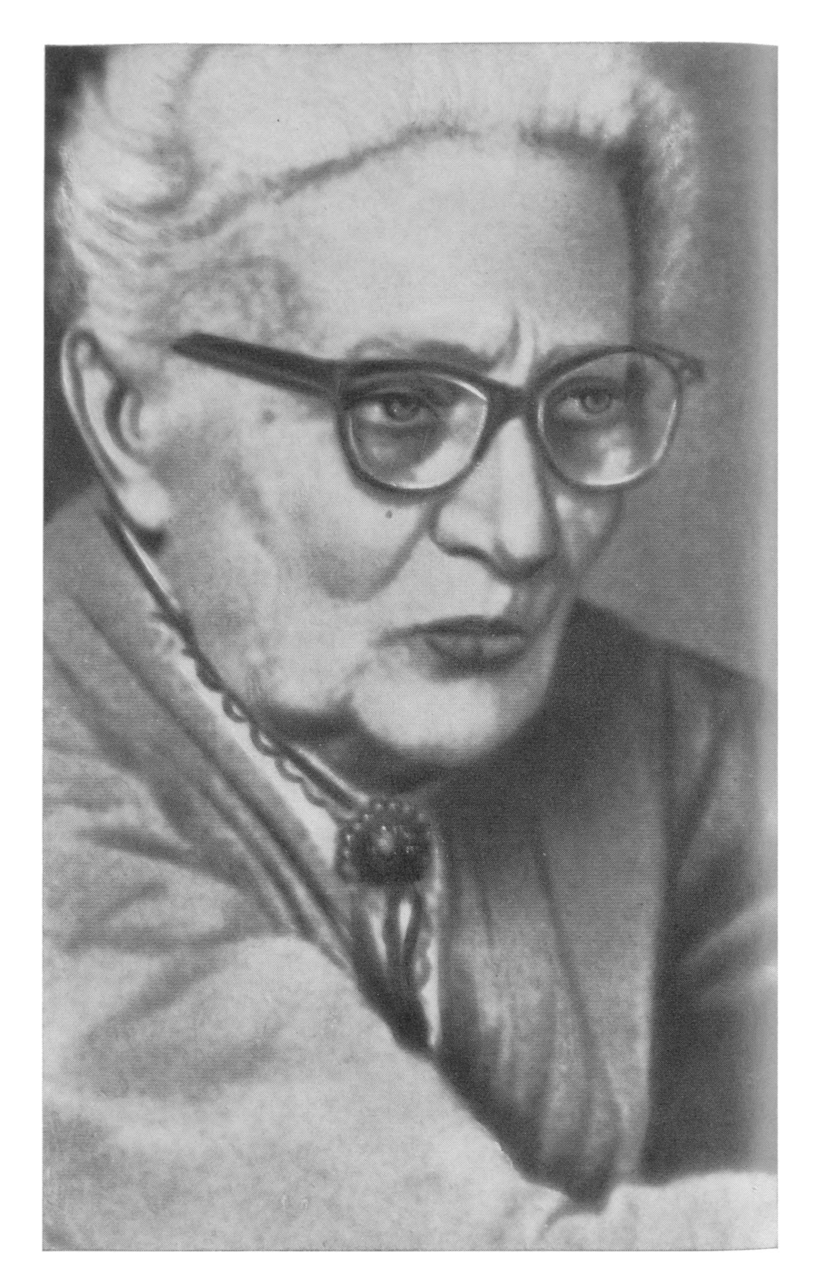
Камилла Равера

Воспоминания

Политиздат
1976

КАМИЛЛА РАВЕРА

ВОСПОМИНАНИЯ

Сокращенный перевод с итальянского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1976

3КИ1(092)
Р13

Послесловие
Г. П. СМИРНОВА

Равера К.

Р13 Воспоминания. Сокр. пер. с итал. М., Политиздат, 1976.

271 с.; 1 л. портр.

Воспоминания видной деятельницы итальянского коммунистического движения Камиллы Раверы опубликованы издательством «Эдитори Риунити» в 1973 году под названием «Дневник за тридцать лет. 1913—1943 годы» («Diario di trent'anni. 1913—1943»).

Автор воспоминаний К. Равера (род. в 1889 г.) — член Итальянской коммунистической партии с момента ее основания. В 1922—1926 годах она заведовала работой среди женщин и была редактором газеты «Компанья». С 1923 года Камилла Равера — член ЦК Компартии Италии, а с 1926 года — член Политбюро КПИ. Она принимала участие в работе IV и VI конгрессов Коминтерна. По возвращении на родину в 1930 году была арестована и осуждена Особым фашистским трибуналом. В общей сложности К. Равера отбыла 5 лет в тюрьме и 8 лет в ссылке. После освобождения избиралась в состав ЦК ИКП (1946—1951 годы). С 1951 года — член ЦКК ИКП.

Воспоминания Камиллы Раверы, публикуемые на русском языке, охватывают период 1913—1930 годов.

$Р\frac{10302-149}{079(02)-76}$ 254—75 3КИ1(092)

I

РАБОТА В «ОРДИНЕ НУОВО» В ТУРИНЕ

Помню, как в апреле 1913 года во время 90-дневной забастовки рабочих металлообрабатывающих заводов Турина я внимательно следила из своего окна за движением многочисленной колонны бастующих, которые молча направлялись в парк Микелотти, где у них обычно проходили митинги. Колонна постепенно становилась все мощнее: в нее вливались рабочие разных предприятий, и ритм их мерных шагов был отчетливо слышен в тишине туринских улиц.

Тогда я уже была знакома в общих чертах с учением Маркса и с интересом следила за положением трудящихся, за их жизнью, бывала в пролетарских районах Турина, откуда демонстрации рабочих, несмотря на полицейские заслоны, шли к центру города.

Год назад умер отец, которого я очень любила, и все заботы легли на плечи матери и Карло, старшего из моих братьев. Семья у нас была очень дружная, и мы, семеро детей, старались, чем могли, помочь им.

Отец всегда был моим товарищем и учителем. Именно он привил мне интерес к истории, к учению Карла Маркса, научил читать его труды. И в то утро 1913 года, глядя на шагающих рабочих, полных решимости объединиться, бороться и победить, я неожиданно почувствовала, как оживают идеи Маркса, как они выражаются в реальной жизни людей труда.

Постепенно я начала понимать, что недостаточно признавать справедливость и историческую необходимость борьбы рабочего класса, а надо активно в ней участвовать.

Однако я не сразу вступила в Итальянскую социалистическую партию — мне мешала природная застенчивость, к тому же я полагала, что только выдающиеся люди могут быть членами партии, которая поставила своей целью коренным образом преобразовать общественный строй

и саму жизнь людей. Конец моим колебаниям положила начавшаяся в августе 1914 года первая мировая война.

Вызревавшая в течение десятилетий в империалистических кругах различных стран, эта война многим далеким от политики людям показалась неожиданным и непонятно по каким причинам разразившимся бедствием.

В Италии народные массы всегда выступали против войны, но если во время попытки завоевать Абиссинию[1] женщины Алессандрии, Анконы, Брешии вставали на рельсы перед отходящими воинскими эшелонами и останавливали их, а общественному мнению удавалось влиять на позиции правительства, то потом на смену этой борьбе пришел период широко распространенного доверчивого пацифизма. С высоких трибун и в повседневной пропаганде все взывали к миру, и внешне единый хор этих голосов привел к тому, что простой, политически неграмотный народ уверовал в возможность мира без борьбы.

Развитию такого доверия способствовало и медленное улучшение условий жизни трудящихся масс. В промышленных центрах увеличилась заработная плата и был уменьшен рабочий день, повышался спрос на жилые дома. Завоевания трудящихся, достигнутые ими в организованной борьбе, отражались на всей жизни в стране.

Во всех отраслях действовали профсоюзные организации. Единое руководство широким профсоюзным движением, охватывавшим все категории трудящихся, осуществляли Палаты труда[2] и Всеобщая конфедерация труда. В городах и сельской местности ряда северных и центральных районов Италии успешно развивались кооперативы.

Авангард рабочего класса был организован в Итальянскую социалистическую партию, имевшую своих представителей в палате депутатов. Многочисленные первичные организации социалистической партии вели доходчивую и убедительную пропаганду идей социализма. Делегации ИСП принимали участие в конгрессах II Интернационала, что способствовало распространению в партии и в народе идеалов интернациональной солидарности и мира.

---

[1] Речь идет об итало-эфиопской войне 1895—1896 годов. 1 марта 1896 года итальянская армия была разгромлена в битве при Адуа.— *Ред.*

[2] Палата труда — местное объединение профсоюзов в каждом крупном населенном пункте.— *Ред.*

На моих глазах происходило общее развитие борьбы трудящихся, причем в Турине, и особенно в таких отраслях, как металлообрабатывающая, автомобильная, текстильная, швейная и кондитерская промышленность, оно протекало быстрее, чем в других местах. Четкое классовое сознание прежде всего сформировалось у металлистов. Уже в 1906 году они наряду с повышением заработной платы и снижением продолжительности рабочего дня потребовали права принимать участие в решении трудовых споров и добились в ходе борьбы удовлетворения своих требований: в конторе ФИАТа предприниматели и представители рабочих обсудили и подписали соглашение об установлении 10-часового рабочего дня, о повышении оплаты за сверхурочные и о праве трудящихся, хотя и выраженном еще в очень расплывчатой форме, иметь своих представителей для решения споров между предпринимателями и рабочим коллективом.

Обеспокоенные этим, представители наиболее крупного капитала в Турине (Аньелли, Гуалино, Понти) возглавили организацию Лиги промышленников. Таким образом, в Турине сложилась характерная для развитого капитализма картина, когда сталкиваются две организованные и сплоченные антагонистические силы: трудящиеся и предприниматели.

Известие о начале войны рабочие Турина восприняли с тревогой.

Итальянское правительство решило придерживаться нейтралитета, но война все расширялась. II Интернационал, который должен был стать оплотом в борьбе всех народов против войны, не только не смог предотвратить ее, но и сам оказался втянутым в войну. Лишь русские большевики, небольшая Сербская социал-демократическая партия и небольшие течения меньшинства в социалистических партиях других стран выступили против войны. Большинство же социалистических лидеров вторили лжепатриотическим лозунгам буржуазии своих стран, стали на путь предательства социализма и интернационализма.

ИСП подтвердила свою верность антимилитаристским позициям и потребовала, чтобы Италия придерживалась абсолютного нейтралитета. Против войны были и народные массы Турина. Матери, приводившие детей в школу, где я преподавала, говорили: «Каждый любит свою родину, но эта война натравливает одно государство на другое,

одни страны нападают на другие, чтобы победить их, а в итоге проигрывает все человечество».

Тем не менее итальянское правительство все больше склонялось к участию в военных действиях. Росли военные заказы, заводы работали на полную мощность, промышленники, удовлетворенные перспективой погреть руки на войне, переходили на позиции милитаризма.

Муссолини, возглавлявший газету социалистов «Аванти!» [1] и проводивший ранее на ее страницах в соответствии с указаниями партии горячую антивоенную пропаганду, перешел на сторону буржуазных националистов и в ноябре 1914 года неожиданно высказался за выступление Италии на стороне Антанты. После исключения из ИСП он в своей новой газете «Пополо д'Италиа» [2] начал кампанию за вступление Италии в войну. Вокруг него в интервентистских [3] «союзах» наряду с явно заинтересованными в войне кругами объединялась также националистически настроенная молодежь, воспринимавшая войну не как порождение империализма, а как последний вынужденный бой за воссоединение Италии.

Интервентисты проводили шумные демонстрации, организовывали стычки и погромы. Буржуазная оппозиция войне была напугана происходящим. Полиция потворствовала интервентистам. 17 мая 1915 года во время всеобщей антивоенной стачки, когда 100 тысяч демонстрантов собрались в Турине у Палаты труда, военные власти пустили в ход кавалерию, заняли Палату и арестовали ее руководителей. Туринский пролетариат оказался изолированным в этой борьбе, за ним не шли организованные общенациональные силы, не было правильного руководства ими. В такой обстановке, при торжестве интервентистского меньшинства, было объявлено о вступлении Италии в войну.

ИСП заявила: «Мы добровольно отходим в сторону. Пусть буржуазия сама ведет свою войну» — и сформулиро-

---

[1] «Аванти!» («Вперед!») — ежедневная газета, центральный орган Итальянской социалистической партии, основана в 1896 году.— *Ред.*

[2] «Пополо д'Италиа» («Народ Италии») — газета, созданная Муссолини на деньги крупных предпринимателей Северной Италии, центральный орган интервентистов, а затем фашистов.— *Ред.*

[3] Интервентисты (от *intervento* — вмешательство) — сторонники немедленного вступления Италии в войну на стороне Антанты.— *Ред.*

вала свою позицию пассивного нейтралитета в лозунге: «Не поддерживать, но и не саботировать войну». Однако в Турине в социалистической секции и среди большинства трудящихся было по-прежнему сильно развито стремление к борьбе против войны, и это проявлялось на деле.

Когда в Турине распространилось известие о Февральской революции в России, оно было воспринято с удовлетворением всеми слоями, так как туринцы всегда враждебно относились к царизму.

Трудящиеся, связывавшие революцию с именем Ленина, восприняли ее как начало крушения всей капиталистической системы, вызывавшей социальное неравноправие и губительные войны. «Это наступление нового строя»,— писал Грамши в «Гридо дель пополо»[1]. Для туринских рабочих русская революция стала примером, которому надо следовать, и на заводах распространился лозунг «Сделать, как в России».

К 1 Мая были подготовлены крупные антивоенные демонстрации, но префект запретил митинг в Палате труда, разрешив лишь собрания в рабочих кружках. Хотя за антивоенную пропаганду было арестовано около 40 рабочих, волнения распространились также на Милан и Лигурию.

Туринские социалисты и Серрати[2] предложили руководству ИСП возглавить стихийные выступления народных масс, чтобы вести их к организованному восстанию. Однако верх взяла реформистская тенденция руководства социалистической партии, желавшего видеть ее более умеренной, призывавшего местные организации к «дисциплине», с целью избежать общих политических волнений. Колебания и противоречия в руководстве ИСП усилили недовольство и гнев в народных массах Турина.

Я чувствовала, что антивоенные настроения охватывают в Турине не только рабочих и социалистов, но и самые широкие слои населения. В нашей школе в кругу преподавателей все чаще можно было услышать высказывания, в которых открыто осуждалась война, навязанная заинтересованными в ней немногочисленными группировками и несущая неисчислимые беды и страдания народу. Недо-

---

[1] «Гридо дель пополо» («Клич народа») — туринская социалистическая еженедельная газета.— *Ред.*

[2] Серрати, Джачинто Менотти (1872—1926) — деятель итальянского рабочего движения. В 1915—1923 годах — директор газеты «Аванти!». В 1924 году вместе с группой «третьеинтернационалистов» был принят в Компартию Италии. Член ЦК КПИ.— *Ред.*

вольство, неуверенность и страх способствовали возрождению позиций буржуазного нейтрализма.

12 июля Тревес[1] заявил в палате депутатов: «...ближайшую зиму не проводить более в траншеях!» Эти слова разнеслись по всем рабочим кружкам, их повторяли на предприятиях и в пролетарских семьях, о них говорили на улицах и в очередях.

5 августа в Турин прибыла делегация Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов[2]. В ее честь у Палаты труда был устроен грандиозный митинг, в котором приняли участие 40 тысяч человек. Не переставая гремели возгласы: «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует русская революция!» Серрати, переводивший речи ораторов, закончил свое выступление призывом к революции в Италии.

Тем временем жизнь в Турине становилась все более трудной. Не хватало хлеба. Темный, сырой, он тем не менее был основным продуктом питания трудящихся масс. Женщины, работавшие на фабриках по 10—12 часов в сутки, не могли заранее занять место в нескончаемых очередях, а уже к полудню повсюду висели картонки: «Хлеб кончился».

21 августа совсем не оказалось хлеба в булочных. На улицах собирались толпы протестующих женщин. На следующий день голодные волнения еще более усилились.

23 августа женщины, работавшие на заводе «Пройеттили», отказались выйти на работу. «Мы голодны и не можем работать,— заявили они.— Требуем хлеба и мира!» Их примеру последовали работницы других предприятий. Забастовка ширилась, перерастая во всеобщую.

Улицы заполнялись людьми, среди них особенно много было женщин, вышедших из дому в поисках хлеба. Волнения нарастали, выливаясь подчас в стихийные вспышки гнева.

---

[1] Тревес, Клаудио (1869—1933) — деятель итальянского рабочего движения, реформист. В 1909—1912 годах — редактор «Аванти!». В 1906—1926 годах — депутат парламента. В 1926 году эмигрировал во Францию. Антифашист.— *Ред.*

[2] Делегация Петроградского Совета, состоявшая из эсера Гольденберга и меньшевика Смирнова, приехала в Италию для того, чтобы договориться с ИСП о ее участии в Стокгольмской социалистической конференции. Поездка делегации в Италию вылилась в демонстрацию итальянских трудящихся в поддержку Ленина, русской революции и мира.— *Ред.*

В то утро я вышла из дому вместе со своим младшим братом Чезаре. Тогда он уже был членом Федерации социалистической молодежи. В нашем квартале пока было тихо — сюда докатывались лишь разноречивые слухи о волнениях. Вскоре мы повстречали первые группы женщин, безоружных, но сплоченных и решительных. Постепенно они сливались в плотные колонны, превращаясь в настоящую демонстрацию. Полиция и карабинеры[1] при помощи броневиков пытались рассеять людей, но демонстранты упорно шли к центру города.

В толпе я потеряла брата, и меня понесло по течению. Неожиданно раздались выстрелы. В толпе послышались стоны и гневные выкрики. Улица быстро пустела. Какая-то высокая и плотная женщина схватила меня за руку и втащила в ближайший подъезд, прикрыв за нами дверь. Снаружи продолжалась стрельба. Я огляделась. Кроме нас в подъезде находилось еще несколько женщин. Они молча прислушивались к пальбе. Наконец все стихло.

Выйдя из укрытия, мы увидели, что на улице вновь появился народ.

Позже, уже подходя к дому, я с удивлением заметила двух малышей, сидящих на тротуаре. Склонившись над большой коробкой с печеньем, они жадно ели. Их чумазые мордашки сияли от удовольствия.

— Смотрите, не объешьтесь,— посоветовала я.

— Сладко,— набив рот и улыбаясь от удовольствия, ответил младший. И я поняла, что они давным-давно не видели сахара.

Улицы были пустынны, ставни и ворота закрыты. Впереди меня медленно и как-то неуверенно шла бедно одетая пожилая женщина, в руке у нее был мужской ботинок, совсем новый. Обернувшись, она растерянно и виновато сказала: «Мне его сунули в руки. Они не понимали, что делают. Разбили витрину и раздавали прохожим товар...» Потом осторожно положила ботинок на чей-то подоконник и пошла прочь, покачивая головой.

Чезаре вернулся домой поздно, усталый и возбужденный. Он сразу же принялся рассказывать о событиях в городе, о волнениях, стычках с полицией и баррикадах.

— Подожгли монастырь святого Бернардино,— сообщил он.— В прошлом году монахи поймали в монастырском саду ребятишек, которые залезли туда за яблоками.

---

[1] Карабинеры — жандармы.— *Ред.*

Они высекли детей и страшно их испугали, выбрив им кресты на головах. Народ еще тогда возмутился. А сегодня утром в подвалах монастыря обнаружили целый склад продуктов. Чего там только не было! Ну, и в приступе гнева кто-то поджег монастырь.

— Когда же кончится эта проклятая война,— вздохнула мать.— Хищники нападают на хищников, а гибнут при этом наши сыновья.

Один из моих братьев, Джузеппе, уже погиб. Франческо воевал. Карло писал нам из Моденского военного училища, что их готовят к отправке на фронт. Вот-вот должны были призвать в армию и Чезаре.

— Мы положим конец войне,— твердо произнес Чезаре.— Все изменится. Социализм победит.

Именно эта надежда и поднимала сейчас на восстание народные массы.

24 августа стычки приняли еще более острый и кровопролитный характер. Полиция и армия перешли в наступление, используя пулеметы и броневики. На моих глазах подразделение альпийских стрелков отказалось стрелять по толпе, кричавшей: «Хлеба и мира!», но другие части встречали восставших пулеметным огнем, вели стрельбу даже по безоружным бегущим людям. На улицах и площадях велись рукопашные бои. На корсо Реджина[1] бронированные машины приблизились к железнодорожному переезду, где, по слухам, восставшие построили баррикаду. Группа женщин, выбежавших из домов, преградила дорогу броневикам и вынудила их остановиться.

Революционный потенциал народных масс Турина был велик, но они боролись в условиях изоляции города, и потому эта тяжелая битва не привела к желаемым результатам. Ночью 24 августа руководители туринских социалистов и около тысячи рабочих были арестованы. Народные волнения утихли, но туринский рабочий класс впервые начал серьезно критиковать руководство Итальянской социалистической партии.

Власти, подготавливая драконовские меры для подавления любой попытки возобновить восстание, объявили в Турине военное положение. Туринские социалисты перешли на полулегальное положение. Антонио Грамши возглавил «Гридо дель пополо», и с этого момента начинается его большая и кропотливая деятельность по политическому

---

[1] Проспект Королевы.— *Прим. перев.*

и идеологическому воспитанию членов партии и рабочих. Об этом мне рассказал Чезаре, вернувшись с собрания ячейки социалистической молодежи.

Вскоре призвали в армию и Чезаре. Уходя, он поручил мне регулярно платить за него членские взносы в Федерацию социалистической молодежи, собирать и сохранять всю литературу, выпускавшуюся социалистами.

Так я начала постоянно бывать в Палате труда, где располагалась Федерация социалистической молодежи, входившая в ИСП. Разговаривая там с молодежью о Марксе, Энгельсе, Ленине, о конференции в Циммервальде, о Советах в России или об актуальных событиях в городе и стране, я часто слышала удивленный вопрос: «А почему ты не вступаешь в партию?» И, решившись, я подала заявление с просьбой принять меня в члены ИСП.

В соответствии с процедурой приема в партию я получила партийный билет только в январе 1918 года, но сразу же начала посещать партийные собрания и вступила в партячейку по месту жительства.

Поражение итальянских войск при Капоретто[1] вызвало в стране резкую кампанию, направленную против нейтралистов и особенно против социалистов. Острые споры велись и в самой социалистической партии между руководящей группировкой Турати[2], Тревеса и Риголы, звавших солдат выполнять свой долг и сражаться, и левыми (Ладзари[3] и Серрати), подтверждавшими свою оппозицию империалистической войне. Ладзари был вскоре арестован и приговорен почти к трем годам тюремного заключения.

В ходе войны политическое сознание рабочего класса и социалистов Турина стало более зрелым: по сравнению с общей линией ИСП их позиции были более передовыми и боевыми, имели более четкий классовый характер.

Грамши на страницах «Гридо дель пополо» публиковал статьи, отличавшиеся от неконкретных проповедей старых социалистов. Газета становилась школой моральной ответ-

---

[1] 24 октября 1917 года.— *Ред.*

[2] Турати, Филиппо (1857—1932) — итальянский политический деятель, идеолог итальянского реформизма. В 1896—1926 годах — депутат парламента. В 1926 году эмигрировал во Францию. Антифашист.— *Ред.*

[3] Ладзари, Костантино (1857—1927) — деятель итальянского рабочего движения. В 1912—1919 годах — секретарь ИСП. Центрист. Выступал за присоединение ИСП к Коминтерну, но в Компартию Италии не вступил. Антифашист.— *Ред.*

ственности, сознательной революционной убежденности, рассказывала о реальных проблемах современности.

Битва на реке Пьяве в 1918 году еще больше разожгла националистические настроения, и 18 мая был арестован Серрати.

Летом на страну обрушилась тяжелая эпидемия гриппа, так называемой «испанки». Уже было очевидно, что Австрия потерпит поражение, и в народе росла надежда, что война наконец кончится. В октябре, когда эпидемия гриппа пошла на убыль, было объявлено о начале переговоров о перемирии, а 4 ноября толпы возбужденных, взволнованных и радостных людей заполнили улицы и площади. Еще через несколько дней было отменено военное положение, и внушительная демонстрация прошла по улицам города, завершившись грандиозным митингом перед зданием Палаты труда.

Вудро Вильсон как-то сказал: «Войну начали правительства, а мир установят народы» [1]. Эти слова, вопреки желанию самого Вильсона, действительно отражали отношение народов к войне. В каждой стране рабочие и народные массы вели борьбу за создание такого социального строя, который положит конец войне и будет отвечать требованиям и чаяниям трудящихся.

В Италии это движение было бурным и мощным, а в Турине по своему характеру и целям — явно революционным. Наиболее дальновидные и умные представители буржуазных политических кругов признавали, что назревают большие и глубокие потрясения. В своей первой предвыборной речи в Дронеро Джолитти [2] сказал: «Эта ужасная война ознаменовала собой начало совершенно нового исторического периода, периода глубоких социальных, политических и экономических преобразований».

Итальянская социалистическая партия в своем воззвании к пролетариату провозгласила: «Трудящиеся! Будущее за вами, если вы сумеете завоевать его!» — и указала целый ряд программных требований, которые, хотя и были

---

[1] Вудро Вильсон (1856—1924) — президент США в 1913—1921 годах — использовал лозунг о демократическом мире для того, чтобы под ширмой миротворчества добиться мировой гегемонии США.— *Ред.*

[2] Джолитти, Джованни (1842—1928) — политический и государственный деятель Италии, руководитель либеральной партии. Неоднократно занимал пост премьер-министра. В 1922 году одобрил приход фашистов к власти, однако через два года перешел в оппозицию.— *Ред.*

сформулированы недостаточно четко, открывали перед народными массами перспективу коренных преобразований в направлении к социализму.

С самых первых дней мира одновременно с общими целями социальных завоеваний выдвигались и частные непосредственные требования: ликвидировать последствия войны, установить 8-часовой рабочий день, привести заработную плату в соответствие с растущей стоимостью жизни.

С приходом солдат с фронта многие женщины потеряли работу и начали бороться за свое право на труд, против измышлений о якобы вредном влиянии, которое оказывают на семейные отношения и нравственные устои относительная независимость женщин и их стремление к более активной жизни за пределами домашнего очага.

С другой стороны, благодаря прибылям и сверхприбылям от военных заказов колоссально обогатились промышленники, и это, естественно, еще больше углубило пропасть, разделявшую широкие массы итальянских трудящихся и крупную буржуазию. Недовольство народных слоев своим положением и ростом дороговизны вылилось в 1919 году в массовые волнения.

В то время как в городах шла борьба против повышения стоимости жизни, в сельскохозяйственных районах ширилось движение за захват земель: сначала в Лацио, затем на Юге и на Островах [1].

В Лацио и в Южной Италии сотни тысяч гектаров земли принадлежали потомкам феодалов, правивших там в средние века. Крестьяне здесь издавна боролись за то, чтобы эти земли принадлежали им, и во время войны, чтобы поощрить солдат, живших в окопах, им это было обещано. Когда же они вернулись в свои обнищавшие дома и увидели, что обещание не выполнено, то решили, что имеют право занять эту землю.

Под звон колоколов тысячи крестьян, мужчин и женщин, собирались на центральной площади села и организованной колонной с красными флагами социалистической партии и с трехцветными национальными флагами шли, чтобы занять и разделить землю. Часто в голове колонны находился оркестр из местных музыкантов, а иногда ее возглавлял мэр или священник. Вместе с мужьями шли женщины с маленькими детьми на руках.

---

[1] Речь идет об островах Сардинии и Сицилии.— *Ред.*

Глубина человеческих чувств и стремление к справедливости, характеризовавшие это движение, были настолько сильны, что не оставляли равнодушными карабинеров, посланных воспрепятствовать занятию земель. Однако эти чувства и стремления не трогали землевладельцев, жестоко подавлявших движение крестьян с согласия и при помощи правительства.

Эти волнения могли бы стать мощным и решающим импульсом для развития борьбы рабочего класса и относительного ослабления и дезорганизации сил классового врага, но из-за отсутствия политического руководства, способного объединить недовольных, указать им конкретные цели и общие задачи борьбы за обновление страны и общества, этого не произошло, и движение пошло на убыль.

Одновременно в северных районах Италии, и особенно в Паданской низменности, развивалась борьба батраков за повышение заработной платы, за минимум обязательного найма рабочей силы, за демократическое развитие кооперативов. Большое и активное участие в этой борьбе принимали женщины. Социалисты в некоторых местах руководили борьбой батрацких лиг и кооперативов, часто конкурируя в этом смысле с так называемыми «белыми лигами» и кооперативами Итальянской конфедерации трудящихся, возникшей почти одновременно с народной партией [1]. Но мощные силы батрацких масс не сумели слиться в единое общенациональное движение, связанное с борьбой рабочего класса. А тем временем сельскохозяйственная буржуазия, заботясь о сохранении и защите своих привилегий, организовывала, вооружала и оплачивала первые фашистские отряды.

В первые послевоенные годы реакция буржуазии на выступления рабочих и народных масс была относительно слабой и нескоординированной. Предпринимателей тогда значительно больше беспокоили вопросы перестройки производства на мирный лад в связи с открытием новых рынков и расширением международной торговли.

Как известно, капиталистическому обществу свойственны анархия производства и цинизм, и каждый фабрикант беспокоился лишь о своем спасении. Жалуясь на требования и, как они говорили, на недисциплинированность трудящихся, предприниматели наперегонки бросились про-

---

[1] Итальянская конфедерация трудящихся была создана в конце 1918 года. Итальянская народная партия возникла в январе 1919 года при поддержке Ватикана.— *Ред.*

сить у государства дотации, стремясь к получению новых сверхприбылей. Народные же волнения они посчитали временным явлением, которое угаснет, когда страна привыкнет к жизни в условиях мира.

Однако, когда рабочие и крестьяне потребовали изменения социальных отношений, итальянская буржуазия, в сущности, традиционно консервативная и реакционная, встревожилась и заговорила о необходимости координации сил для защиты своих привилегий и последующего перехода в контрнаступление. Впрочем, руководящие буржуазные группировки по-разному пытались достичь общей цели. Джолитти, например, старался проводить в правительстве реформистскую консервативную политику, пытаясь посредством уступок и реформ для определенных социальных слоев расколоть народные массы, сдерживать и контролировать их выступления, не прибегая к силе. Широкие слои промышленной и сельскохозяйственной буржуазии выступали, наоборот, против любых уступок, и эта тенденция возобладала по мере нарастания угрозы со стороны рабочего класса и крестьян, по мере распространения социалистических идей и роста социалистических сил.

Действительно, к концу войны социалистической партии удалось собрать вокруг себя крупные силы: на парламентских выборах 1919 года за нее проголосовало 32,3% избирателей и депутатами стали 156 социалистов. Всеобщая конфедерация труда объединяла многочисленные массы трудящихся. Палаты труда были настоящими народными домами.

Туринская палата труда постоянно была полна народа: люди приходили сюда по профсоюзным делам, устраивали собрания, обсуждали свои проблемы, организовывались на борьбу. Такая популярность Палаты труда и рост ее авторитета среди жителей города вызывали у предпринимателей озлобление и тревогу.

Я уже регулярно бывала в туринской секции социалистической партии, знала ее руководителей, активистов и активисток.

Я помню, с каким волнением впервые присутствовала на собрании секции в здании Палаты труда. Говорил Грамши.

Я давно читала статьи Грамши в газете «Гридо дель пополо», которая под его руководством приобрела совершенно новое лицо. Для Грамши социализм был «концепцией жизни во всей ее совокупности». Поэтому в его

газете острому и самобытному анализу подвергалась экономическая и политическая структура общества, конкретные условия труда и человеческой жизни, культура, искусство во всех его проявлениях, нравы, мораль, человеческая солидарность, понимаемая в самом широком и полном смысле. Все эти аспекты рассматривались с точки зрения нового человека и нового, социалистического общества, о котором мечтал Грамши.

С большим восхищением мне рассказывал о Грамши и Чезаре, но тем не менее речь Грамши на этом собрании глубоко взволновала меня. Он говорил тихо, и в переполненном зале царила абсолютная тишина. Казалось, он разговаривает лично с тобой, и его проникновенные слова, его ясные и глубокие мысли доходили до сердца каждого из нас.

Вокруг него расположилась группа молодежи. Многие были мне знакомы. Террачини активно работал в левом крыле социалистической партии со времени войны. Его выступления были яркими и острыми. Даже в моменты самой бурной полемики, когда надо было мгновенно ориентироваться, его речь была точной и элегантной, связанной непрерывной логической нитью. Тольятти говорил сдержанно, утонченно, убедительно, а речь Таски [1], наоборот, была бурной и взволнованной, он легко терял нить рассуждений и уверенность.

Рабочих явно поражала способность Грамши ставить конкретные проблемы и делать глубокие выводы на основании анализа общеизвестных событий и фактов, на примере жизни страны и каждого из нас.

Слушая Грамши, я подумала: «Никогда мне не удастся победить робость и так, как он, говорить перед большой аудиторией, защищая свои взгляды».

Постепенно я сдружилась с активистками ИСП: и с теми, кто за борьбу против милитаризма уже побывал в заключении, как, например, Эльвира Дзокка, и с молодыми, придавшими партии новую активность и боевитость. Это Мария Джудиче, Тереза Реккья, Феличита Ферреро, Лючиа Россо, Лина Бонотто, Елена Монтаньяна, Рина Пикколато, Тереза Ноче и дочери товарища Кавалло, которым отец дал необычные имена: так, самую боевую и живую из них звали Антидзарина [2].

---

[1] Таска, Анджело (1892—1960) — деятель итальянского рабочего движения. В 1921—1929 годах состоял в Компартии Италии. Исключен из нее как правый оппортунист.— *Ред.*

[2] Антидзарина *(итал.)* — борющаяся против царизма.— *Прим. перев.*

С ними мы много говорили о специфике партийной работы среди женщин; я напоминала об указаниях Грамши о необходимости проводить работу и среди женщин, не объединенных в политическую организацию, но согласных принимать участие в наших собраниях и дискуссиях и разделяющих наши непосредственные требования.

Секция ИСП поощряла такую работу, и однажды, договорившись с нами, организовала в Палате труда большое собрание женщин, на котором должен был выступить представитель руководства социалистической партии.

Руководство ИСП прислало Бомбаччи [1]. Зал был полон. Женщины слушали внимательно и заинтересованно. Однако речь Бомбаччи удивила эту подлинно пролетарскую аудиторию. Он говорил весьма возвышенно, но из его слов следовало, что помощь женщин борцам за революцию должна была ограничиваться добрыми словами участия, санитарной помощью и... возложением цветов на могилы павших.

Я наотрез отказалась открыть прения и даже просто выступить, но неожиданно в тишине переполненного зала председательствующий произнес: «Слово имеет товарищ Равера». Я не нашла в себе сил возразить и, к своему удивлению, почувствовала, что выступать перед этими женщинами и говорить о насущных проблемах, интересующих нас и всех трудящихся, значительно легче, чем я предполагала. Так началось мое активное участие в партийной работе среди женщин. С большим интересом я посещала кружок имени Андреа Коста [2] и знала о деятельности других политических кружков в пролетарских районах Турина.

Молодые и совсем юные рабочие — Марио Монтаньяна, Антонио Оберти, Баттиста Сантиа́, Карло Кьяппо, Эмилио Виолетто, Винченцо Бьянко, Джованни Бенсо, Джино Кастаньо, Раффаэле Кавалло, Джорджо Карретто, Джованни Пароди и многие другие — заставили полеветь старую социалистическую партию, возродили в ней активность и боевитость, что в условиях, сложившихся после первой мировой войны, и под влиянием русской революции позво-

---

[1] Бомбаччи, Никола (1879—1945) — ренегат компартии, впоследствии перешел к фашистам. Расстрелян итальянскими партизанами.— *Ред.*

[2] Коста, Андреа (1851—1910) — деятель итальянского рабочего и социалистического движения, один из руководителей Итальянской социалистической партии.— *Ред.*

ляло рассматривать социализм как достижимую цель нашей борьбы.

Война укрепила эти новые силы, доказав многим рабочим, что необходимо отказаться от реформизма, свойственного старой социал-демократии, перейти к активным действиям.

Этих молодых рабочих отличали большая моральная стойкость, крепкое и глубокое классовое сознание. Занимаясь в политических кружках, они много читали и обсуждали прочитанное, стремясь получить знания теории социализма и познать конкретную жизнь, чтобы успешнее проводить идеологическую борьбу. Будучи антимилитаристами, они старались нести свои убеждения в среду молодых солдат.

К этому четко определившемуся однородному классовому движению примкнула группа студентов, для которых боевитость металлургов являлась практической школой классовой борьбы.

1 Мая 1919 года по инициативе Грамши, Террачини, Тольятти и Таски вышел первый номер еженедельника «Ордине нуово». Журнал ожидали, и он сразу же привлек к себе живой интерес.

На страницах еженедельника Грамши подвергал анализу проявления стихийного протеста, такие, как, например, «голодные волнения», новые явления и события, характеризующие послевоенную обстановку: развитие промышленности, изменения в организации производства, рост сознания рабочего класса, тягу к социализму в различных слоях и группах народа, историческое значение победы Октябрьской революции и образования Страны Советов, первого в мире социалистического государства.

Эти новые, взаимосвязанные и обусловливающие друг друга факторы, думал Грамши, ставят социалистов перед необходимостью соответствующим образом изменить свою ориентацию и свои задачи, углубить и расширить методы борьбы, другими словами, «обновить партию», оживить и сделать более демократичными профсоюзы, создать новые представительные организации рабочего класса и народных масс.

Особое внимание на страницах «Ордине нуово» Грамши уделял вопросу о создании на предприятиях прямых представительных органов рабочего класса. Благодаря этому еженедельник стал центром новых творческих поисков для туринских рабочих и одновременно стимулом для по-

стоянного и живого критического анализа внутрипартийной жизни.

Еще во время войны в ИСП проявились глубокие разногласия, которые привели к образованию различных течений: правого, стремившегося ограничить деятельность партии рамками существующей системы; максималистского центра, на словах выступавшего за революционную борьбу, но на деле не разрабатывавшего конкретных и осуществимых задач, и левого течения, состоявшего из абстенционистской[1] фракции Бордиги, туринской социалистической секции, а также из мелких колеблющихся групп и отдельных лиц.

В ноябре 1917 года на одном из подпольных совещаний встретились Бордига, Серрати, Ладзари, Грамши, Фортикьяри, Гарози, Джерманетто и другие. Они дали отрицательную оценку руководству социалистической партии, в котором господствовали представители правого течения. Грамши понравились твердая логика и сильная личность Бордиги, но в целом он считал, что содержание и результаты этой встречи были не только далеки от реальных проблем того времени, но и вообще абстрактны, неконкретны и неубедительны.

Сильным импульсом, подтолкнувшим партию к революционным позициям, явилась победа революции в России.

В газете «Гридо дель пополо» Грамши начал публиковать работы Ленина и сообщения о строительстве Советского социалистического государства, подчеркивая перспективы, которые открыли для трудящихся всего мира победа Великой Октябрьской социалистической революции и образование первого социалистического государства.

Народные волнения, возникшие в Италии в конце первой мировой войны, наглядно показали необходимость глубокого обновления социалистической партии с учетом новой обстановки в мире и внутри страны и ввиду серьезной ответственности партии за развитие событий в тот момент.

На основе конкретных условий Турина Грамши вместе с Тольятти и Террачини работал над тем, чтобы, как он говорил, применить в итальянских условиях русский опыт, чтобы подготовить рабочих к «конкретному осуществлению власти труда» через создание их прямых представитель-

---

[1] Абстенционисты (от латинского слова *abstentio* — воздержание, отказ), бойкотисты — сторонники бойкота парламентских выборов.— *Ред.*

ных органов на предприятиях, что позволит рабочему классу ощутить себя в соответствии с марксистским учением производительной силой и творцом истории. Так у Грамши вызревала идея фабрично-заводских советов, ставшая главной и центральной темой в еженедельнике «Ордине нуово».

В те годы на предприятиях существовали внутренние комиссии, однако они представляли только рабочих, объединенных в профсоюзы. Грамши считал, что на предприятии необходимо иметь организацию, представляющую всех трудящихся, как членов, так и не членов профсоюзов. Структура такой организации должна соответствовать новому строению предприятия, сложившемуся под влиянием технического прогресса. Структура подобной организации, начиная с цеха, с уполномоченных комиссий, должна доходить до фабрично-заводского совета, представляющего всех трудящихся предприятия.

Таска же не допускал, чтобы этот организм представлял рабочих, не объединенных в профсоюзы, и был против реорганизации внутренних комиссий.

Грамши и Тольятти, как скажет затем сам Грамши, «замыслили «редакционный переворот»» [1]. Они решили не ограничивать дискуссию узкими рамками редакции, а вынести ее на суд рабочих, опубликовав статью в «Ордине нуово» [2].

Статью написал Грамши. И случилось так, как и предвидели Грамши, Тольятти и Террачини. Внутренние комиссии пригласили их, чтобы обсудить этот вопрос на профсоюзных собраниях. Вопрос о превращении внутренних комиссий в фабрично-заводские советы оказался в центре внимания на предприятиях Турина и в городской секции социалистической партии. Он был вызван к жизни новым фабричным опытом.

«Ордине нуово» стал изданием фабрично-заводских советов, органом передового отряда туринского рабочего класса, а его редакция — местом встреч и дискуссий рабочих, молодежи, интеллигенции.

Фабрично-заводские советы были созданы на крупных предприятиях, они завоевывали на свою сторону все боль-

---

[1] *Антонио Грамши.* Избранные произведения в трех томах, т. 1. «Ордине нуово» (1919—1920). М., 1957, стр. 196.— *Ред.*

[2] Статья «Рабочая демократия» была опубликована в «Ордине нуово» (21 июня 1919 года, № 7). Статья написана А. Грамши в сотрудничестве с П. Тольятти и одобрена У. Террачини.— *Ред.*

ше рабочих, распространились сначала в городе, а затем на предприятиях Пьемонта, Ломбардии и Лигурии.

Рабочие «ФИАТ-Чентро» составили «Схему программы создания советов» — обращение ко всем внутренним комиссиям. 8 ноября 1919 года состоялось первое общее собрание цеховых уполномоченных комиссий Турина, на котором была рассмотрена и одобрена эта программа, но не как окончательный документ, а как «программа деятельности трудящихся», которая должна «способствовать практическому осуществлению в Италии эксперимента по созданию коммунистического общества» [1].

В программе уточнялись характер и роль фабрично-заводских советов, утверждался принцип демократического мандата, то есть избранники должны быть исполнителями воли избирающих масс и могут быть отозваны в любой момент, если они потеряют доверие избирателей. Программа определяла цеховых уполномоченных внутренних комиссий как «представителей пролетарского класса», избранных всеми трудящимися на своих рабочих местах. Она признавала необходимость профсоюзов для организации отдельных категорий трудящихся и для борьбы за увеличение заработной платы и уменьшение рабочего дня. Программа также устанавливала, что цеховые уполномоченные должны продолжать работать на своих рабочих местах и только в определенных условиях могут прекращать свою работу.

Как говорил Грамши, цеховые уполномоченные, соединяя потребности настоящего с перспективами будущего, имели конкретные и непосредственные обязанности. Они должны были наблюдать за соблюдением правил труда, установленных профессиональными федерациями и записанных в трудовых соглашениях, определять изменения, которые по мере необходимости надо было вносить в соглашения, и т. д.

В обстановке общего бурления в те послевоенные годы, которая, как казалось, открывала широкие перспективы социальных и политических изменений, фабрично-заводские советы в целом осуществляли «контроль и вместе с ним подготовку рабочего класса к завоеванию власти».

В этом определении ясно видно влияние советского опыта. Сам Грамши писал, представляя в «Ордине нуово» проект программы цеховых уполномоченных: «Концепция

[1] *Антонио Грамши.* Избранные произведения, т. 1, стр. 251.— *Ред.*

системы советов берет свое начало в историческом опыте русского пролетариата». К этому опыту было обращено наше внимание и внимание всех туринских рабочих, рабочих всей Италии.

Народные демонстрации протеста против посылки оружия и солдат на помощь контрреволюции и странам Антанты, боровшимся против Страны Советов, проходили в Турине и других городах Италии. 1 июня 1919 года корабль «Федора» под знаменем Антанты, экипаж которого в основном состоял из итальянцев, грузил боеприпасы в порту Генуи. Итальянская федерация моряков знала, что боеприпасы предназначались для борьбы против Советской России. Федерация заявила, что этот корабль не выйдет в море и все экипажи торгового флота скорее готовы отправиться в тюрьму или на дно вместе со своими судами, чем помочь врагам русской революции. Они призвали все рабочие и портовые организации бойкотировать суда, служащие международному капитализму в его войне против советской социалистической революции.

Великий Ленин, деятельность Ленина и его партии в Октябрьской революции вызывали восхищение и надежды в народных массах, будили пролетарское сознание, звали массы к борьбе.

Бордига назвал газету своей фракции русским словом «Совьет» [1]. На страницах «Ордине нуово» постоянно находили отражение учение и деятельность Ленина. Сегодня достаточно перелистать его страницы, чтобы убедиться, что не было ни одного номера «Ордине нуово», в котором не печатались бы статьи и речи Ленина, отредактированные им документы, все более подробные сообщения о том, что делалось в Стране Советов, о всех аспектах этого гигантского социального опыта.

С волнением перелистываю я эти страницы и вспоминаю, с каким нетерпением мы их разворачивали, чтобы поскорее познакомиться с идеями Ленина, узнать о его деятельности, о том, что происходит в Советском государстве. Газета сообщала о создании революционных комитетов рабочих, крестьян и вернувшихся с фронта солдат, о разделе земли и передаче ее крестьянам, о том, как создавались и функционировали органы Советской власти на предприятиях, в деревнях и городах. «Ордине нуово» писал

---

[1] «Совьет» («Совет») — газета абстенционистов, издавалась в Неаполе с декабря 1918 года.— *Ред.*

о высшем органе народной власти — съезде Советов, который, благодаря тому что в нем участвовали представители рабочих, народных масс страны, выражал общие интересы всего народа, подчеркивал активное участие трудящихся в управлении советским обществом, объяснял значение новой, советской демократии, родившейся непосредственно в низах.

Никогда понятия «свобода» и «демократия» Ленин не выражал абстрактно, он всегда соотносил их с действительностью, с реальными социальными отношениями.

В докладе Ленина на I конгрессе Коммунистического Интернационала, напечатанном в «Ордине нуово», мы, например, читаем: «Чтобы завоевать действительное равенство и настоящую демократию для трудящихся... надо сначала отнять у капитала возможность нанимать писателей, покупать издательства и подкупать газеты... Капиталисты называют свободой печати свободу подкупа печати богатыми, свободу использовать богатство для фабрикации и подделки так называемого общественного мнения» [1]. Ленин настойчиво призывал постоянно и повсюду поддерживать тесные связи между Советами и народом.

Перелистывая «Ордине нуово», я как бы вновь повторяю начало пути Советского государства: трудности, напряжение сил, борьбу, временные отступления, предвидение «длительного времени», необходимого для достижения поставленных целей.

Грамши не только воспринял и распространял через журнал учение Ленина, но и пытался использовать основные положения этого учения применительно к итальянским условиям. Он знал: русская революция указала путь к победе социализма, но рабочим разных стран нужно уметь использовать этот опыт в своих специфических условиях. Он знал, что это потребует от них энергии и способности к творчеству.

Ленин напоминал коммунистам Западной Европы о необходимости разрабатывать собственную политику и проводить ее в правильном направлении, реалистически оценивая положение и существующие условия.

Ленин знал и глубоко понимал положение и трудности европейских рабочих партий. Он никогда не забывал о сложности и разнообразии проблем, стоявших перед различными странами и партиями. В одной из своих статей,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 495.— *Ред.*

посвященных III Интернационалу, он, в частности, писал: «...по сравнению с передовыми странами русским было легче *начать* великую пролетарскую революцию, но им труднее будет *продолжать* ее и довести до окончательной победы, в смысле полной организации социалистического общества» [1].

Конкретному характеру метода исследования и оценки событий Грамши учился у Ленина, который предпочитал доискиваться до наиболее глубоких корней реальной действительности, чтобы выявить ее проблемы во всей их сложности. Полемика Грамши, твердая и честная, внимательная к противоречиям, полная человеческого понимания, решительно отвергала догматизм и фанатизм. На новый социальный строй, созданный Лениным, Грамши смотрел не через призму интеллектуальных и абстрактных схем. Он видел в нем новую действительность, которая в перспективе даст людям возможность свободно, с полным чувством ответственности создать условия для более счастливой, подлинно человеческой жизни.

Кроме Октябрьской революции с именем Ленина было связано другое важное событие в жизни рабочего класса — создание III Интернационала.

Крах II Интернационала перед лицом развязанной мировой империалистической войны не уменьшил укоренившегося интернационализма туринского пролетариата. Туринские социалисты считали необходимым создание нового Интернационала особенно в связи с победоносной русской революцией, возрождением революционных рабочих партий в Германии, Венгрии и других странах.

В разговорах и дискуссиях вырисовывались характер, структура и задачи нового Интернационала, полностью противоположные тем, которые оказались свойственны бесславно рухнувшему II Интернационалу. Новый Интернационал мыслилось возродить на строго марксистских принципах и программе, его силы должны быть тесно спаяны организационно. Интернационал будет способен принимать своевременные решения и осуществлять эффективное руководство, подчиняя свои действия железной дисциплине.

В этом желании однородности, строгой структуры и дисциплины, которое при единстве принципов и целей, казалось, игнорировало неизбежные различия между наро-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 306.— *Ред.*

дами и объективными условиями, выразился протест против неэффективности и противоречий, проявившихся во II Интернационале именно тогда, когда он должен был стать, по существу, наиболее сплоченной и крупной силой оппозиции войне.

III Интернационал провел свое учредительное собрание, свой I конгресс 2—6 марта 1919 года в Москве.

Итальянская социалистическая партия делегировала на этот конгресс Оддино Моргари, однако он не сумел прибыть в Москву. И лишь передал Ленину следующие слова: «Являюсь официальным делегатом Итальянской социалистической партии и выражаю большевизму безоговорочную восторженную солидарность и признательность от партии и сознательного итальянского пролетариата... Посылаю самый горячий привет русским товарищам и Советской власти. Надеюсь вскоре быть в России» [1].

Конгресс обсудил сделанный Лениным доклад. Однако до нас не сразу дошли точные и обстоятельные известия об этом конгрессе. Мы прочитали только прямой репортаж Артура Рансома, свидетельство журналиста, ограничившегося скупой информацией о темах дискуссии на конгрессе, но зато давшего живое и яркое описание обстановки конгресса и его участников, прежде всего деятелей русской революции.

На торжественном заседании в день чествования открытия Коммунистического Интернационала, в присутствии членов Московского Совета, делегаций профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и различных общественных организаций, выступил Ленин. «Прошло много времени,— писал Рансом в своем репортаже,— прежде чем он смог начать говорить. Стоя толпа аплодисментами заглушала его попытки начать выступление. Рядом со мной стояла группа рабочих. Они толкали друг друга, пытаясь увидеть Ленина, и каждый из них кричал так, как будто он был уверен, что именно его услышит Ленин. Как обычно, Ленин говорил очень просто... Он процитировал итальянскую газету, в которой было написано о солидарности с целями русских «советистов». И добавил: «...итальянские массы поняли, что̀ такое русские «советисты», что̀ такое программа русских «советистов»...» [2].

---

[1] *P. Spriano.* Storia del Partito comunista italiano, vol. I. Da Bordiga a Gramsci. Torino, 1967, p. 23.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 518.— *Ред.*

Позже Итальянская социалистическая партия на своем XVI съезде в Болонье торжественно заявила о присоединении к III Интернационалу.

На этом съезде велась острая дискуссия между течениями по поводу новой программы и критиковалась позиция руководства ИСП.

Грамши, подчеркнув незаменимую роль партии, выступил с критикой недостатков руководства ИСП. Он писал: «Итальянская социалистическая партия сумела выполнить наиболее легкую и элементарную часть своих исторических задач. Она сумела... сконцентрировать внимание трудящегося народа на своей программе революции и рабочего государства... Но социалистической партии не удалось выполнить основную часть своих исторических задач... Созданный для завоевания власти... аппарат руководства социалистической партии сегодня разваливается. С каждым днем партия все больше теряет контакт с движением широких масс. События происходят, но партия не принимает в них участия... она не просвещает широкие массы рабочих и крестьян, не объясняет своей деятельности и своего бездействия, не выдвигает лозунгов, которые сдержат нетерпение, предотвратят упадок, поддержат сплоченность рядов... Не удивительно поэтому, что в таких благоприятных условиях с впечатляющей быстротой развиваются зародыши распада революционной организации — оппортунистический и реформистский нигилизм, псевдореволюционная, анархическая фразеология» [1].

Грамши считал необходимым сказать эту правду, обрисовать положение, которое можно и нужно было изменить.

«Социалистическая партия должна обновиться, если она не хочет быть подхваченной и раздавленной надвигающимися событиями. Она должна обновиться, потому что ее поражение означало бы поражение революции»,— утверждал Грамши.

На возражения профсоюзных руководителей, которые думали, что движение фабрично-заводских советов может аннулировать профсоюзы и выродиться в местничество, привести к цеховому, заводскому или корпоративному эгоизму, Грамши отвечал, что профсоюзы должны быть не упразднены, а соответствовать уровню требований борьбы в данный момент.

---

[1] «Primo: rinnovare il partito».— «L'Ordine Nuovo», a. I, n. 35, 24—31 gennaio 1920.

Тем же, кто боялся, что фабрично-заводские советы приведут к сотрудничеству с владельцами предприятий, Грамши говорил, что именно эти советы рабочих заставят хозяев понять, что рабочий класс осознал свою способность действовать самостоятельно и действовать как надо.

В ответ на обвинения течения «Ордине нуово» в анархизме по вопросу о пролетарском государстве Грамши подтверждал свою общую концепцию социализма. Он ссылался на программу партии большевиков, в которой было сказано: «...лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене» [1].

Иногда в полемике против узости политических взглядов и бюрократизации руководства социалистической партии и профсоюзов допускались перегибы в определении роли и перспектив фабрично-заводских советов, переоценивались существующие революционные возможности, их масштаб. Но глубокие изменения в развитии производства и сознании трудящихся, происшедшие в ходе войны, постепенно увеличивали разрыв между старыми деятелями, занимавшимися пропагандой социализма, и новыми поколениями с их потребностью и желанием реального завоевания социализма.

Грамши призывал к точному толкованию марксизма. Он осуществил первое серьезное исследование конкретного пути к достижению власти рабочих. Его деятельность, руководимый им журнал, его выступления и критика были вкладом в обновление партии.

За съездом социалистической партии в Болонье последовали парламентские выборы. На них социалистическая партия добилась большого успеха, завоевав 32% голосов и получив 156 мест в парламенте. Народная партия, представившая программу радикальных реформ в деревне

---

[1] «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. 1917—1924. М., 1970, стр. 42.— *Ред.*

и в управлении государством, вышла на второе место на этих выборах и завоевала 99 мест в парламенте.

Грамши подчеркивал значение появления на сцене итальянской политической жизни католической партии. 22 декабря 1918 года он прокомментировал создание народной партии в туринском издании газеты «Аванти!» следующим образом: «Объединение католиков в политическую партию является самым крупным событием итальянской истории после Рисорджименто. Кадры буржуазии разваливаются. Господство государства будет резко оспариваться. Не исключено, что, сконцентрировав в нескольких умелых руках свою могучую национальную организацию, католическая партия сумеет выйти победительницей в конкуренции со светскими либеральными и консервативными слоями буржуазии, погрязшими в коррупции, не имеющими моральных устоев, не объединенных в масштабе нации, с этим шумным змеиным клубком личных и семейных интересов» [1].

Победа народной партии на выборах, на которых она впервые боролась с другими политическими силами, подтвердила предвидение Грамши. Он привлекал внимание социалистической партии к деятельности, развернутой народной партией среди наиболее отсталых масс в деревне, где она добивалась их объединения и солидарности или по крайней мере стремилась к этому. «Католицизм вступает... в соперничество с социализмом...» [2] — заявлял Грамши. Но он тут же добавлял, что межклассовость народной партии не позволит католикам последовательно бороться за осуществление реформ, предложенных ими самими же для деревни, поскольку интересы и требования бедных крестьян столкнутся с интересами и сопротивлением крупных собственников и аграриев. Эти последние на деле станут господствовать в партии. Неизбежные внутренние противоречия будут раскалывать партию.

На основе этого анализа Грамши ставил актуальные и возможные в тот момент задачи для социалистов. «В условиях довоенной отсталой капиталистической экономики,— писал он,— было невозможно возникновение и развитие массовых крестьянских организаций... Духовное обогащение масс, происшедшее в военные годы, и полезный для

---

[1] «I cattolici italiani».— «Avanti!», ed. piemontese, 22 dicembre 1918.

[2] *Антонио Грамши.* Избранные произведения, т. 1, стр. 367.— *Ред.*

коммунистического движения опыт, накопленный за четыре года кровопролитной войны, проведенных солдатами бок о бок в грязных окопах, окажутся напрасными, если не удастся включить всех индивидуумов в органы новой коллективной жизни, в деятельности которых смогут быть закреплены завоевания, развит и обогащен опыт и сознательно направлен на достижение конкретной исторической цели. Организованные таким образом крестьяне станут элементом порядка и прогресса. Предоставленные же самим себе, не имея возможности развить систематическую и организованную деятельность, они превратятся в беспорядочную разъяренную толпу, доведенную неслыханными, все более и более ужасными страданиями до крайнего ожесточения» [1].

С другой стороны, предупреждал Грамши, при помощи лишь фабричных рабочих революция не смогла бы прочно утвердиться. Поэтому нужно объединить силы города и деревни, содействовать в деревне созданию ассоциаций крестьян.

«В Италии,— писал Грамши,— это дело менее трудное, чем думают. За время войны на городские предприятия пришли огромные массы деревенского населения. Коммунистическая пропаганда среди них очень скоро стала приносить свои плоды. Эти массы должны служить связующим звеном между городом и деревней, должны быть использованы для ведения повседневной пропаганды, которая рассеяла бы недоверие и обиды крестьян» [2].

Но в то время проблема крестьянства ставилась еще и в общем плане. Грамши понимал важность этой проблемы, следил за выступлениями крестьян в некоторых сельских районах Пьемонта. Однако его внимание и деятельность в основном были направлены на то, что происходило в рабочей среде, на предприятиях Турина, в фабрично-заводских советах, внутри которых бурлили дискуссии и вырабатывались решения.

«...В Италии,— писал Грамши после поражения всеобщей забастовки в Турине в апреле 1920 года,— еще не созрели условия, необходимые и достаточные для организованного и дисциплинированного движения, в котором принял бы участие весь класс рабочих и крестьян» [3].

---

[1] *Антонио Грамши*. Избранные произведения, т. 1, стр. 48.— *Ред.*

[2] Там же, стр. 49.— *Ред.*

[3] Там же, стр. 149.— *Ред.*

Грамши внес в подготовленный для Национального совета социалистической партии 20—21 апреля документ следующее определение текущего момента: «За настоящим этапом классовой борьбы в Италии последует либо завоевание революционным пролетариатом политической власти для перехода к новому способу производства и распределения, позволяющему повысить производительность труда, либо бешеный разгул реакции имущих классов и правящей касты» [1].

В социалистической партии разгорелась полемика по поводу позиции туринской группы «Ордине нуово» во время апрельских событий [2]. Руководители профсоюзов и социалистической партии выступили с обвинениями и нападками на линию туринских товарищей. Это совпало с подготовкой ко II конгрессу Коминтерна, которому все в Италии уделяли много внимания. В качестве своего вклада в подготовку конгресса Грамши послал Ленину апрельский документ «За обновление социалистической партии». И в номере от 21 августа 1920 года «Ордине нуово» сообщил о ленинской оценке. «Нам приятно, как, несомненно, будет приятно всем товарищам секции и рабочей массе узнать, что оценка Исполкома III Интернационала значительно отличается от той, казалось бы, безапелляционной, которую давали крупнейшие деятели партии». Далее еженедельник отмечал: «Вот слова Ленина: «По отношению к Итальянской социалистической партии II конгресс III Интернационала находит в основе своей правильной ту критику этой партии и те практические предложения, которые изложены, как предложения Национальному совету Итальянской социалистической партии, от имени Туринской секции этой партии в журнале «Новый Порядок» («L'Ordine Nuovo») от 8-го мая 1920 г. и которые вполне соответствуют всем основным принципам III Интернационала.

Поэтому II конгресс III Интернационала просит Итальянскую социалистическую партию созвать экстренный съезд партии для обсуждения как этих предложений, так и всех решений обоих съездов Коммунистического Интернационала для исправления линии партии и для

[1] *Антонио Грамши.* Избранные произведения, т. 1, стр. 159.— *Ред.*

[2] Речь идет о всеобщей забастовке в Турине и провинции в апреле 1920 года.— *Ред.*

очищения ее, и особенно ее парламентской фракции, от некоммунистических элементов»»[1].

Учредительный конгресс III Интернационала, о котором, как я уже говорила, мы получали мало известий, проходил в то время, когда Советская Россия находилась в состоянии вооруженной борьбы против мирового капитализма и была отрезана от остального мира империалистической блокадой. II конгресс Коминтерна состоялся в изменившейся международной обстановке. Советская революция отразила наступление армий контрреволюции. В годы после мировой войны классовая борьба достигла большого развития и обострилась не только в отсталых странах, но и вылилась в революции в Германии и Венгрии. Эти революции потерпели поражение, но они были характерны для развития той обстановки.

В Москву направлялись делегации и представители рабочих партий и организаций разных стран. Партии, сохранявшие свой традиционный характер, как, например, лейбористская партия Англии, посылали на конгресс своих наблюдателей. В нем в качестве наблюдателей участвовали писатели, журналисты, представители интеллигенции, которые хотели лучше узнать Россию Советов. Советские победы и общее полевение масс объясняли этот интерес и наплыв гостей в Москву.

Политические, профсоюзные и советские организации пригласили в Москву руководителей и представителей всех организаций итальянского пролетариата. 25 мая 1920 года в Москву отправились из Италии Серрати и Вачирка от Руководства ИСП, Грациадеи, Рондани и Бомбаччи — от социалистической парламентской фракции, Д'Арагона, Бианки и Коломбино — от Всеобщей конфедерации труда, Дугони, Поццани и Нофри — от Национальной лиги кооперативов и Полано — представитель социалистической молодежи[2].

Бордига, хотя и не имел мандата, присоединился к итальянской делегации и активно участвовал в работе конгресса.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 199.— *Ред.*

[2] Члены итальянской делегации выехали в Москву в разное время. Рондани выехал из Италии не ранее 14 июня, а Полано 27 июня находился еще в Стокгольме (см. «Второй конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом идейных, тактических и организационных основ коммунистических партий». М., 1972, стр. 281).— *Ред.*

Грамши направил Исполкому III Интернационала доклад «Туринское движение фабрично-заводских советов», начинавшийся словами: «Один из членов итальянской делегации, недавно вернувшийся из Советской России, сообщил туринским рабочим, что в Кронштадте над трибуной, приготовленной для встречи делегации, он видел транспарант с лозунгом: «Да здравствует всеобщая забастовка в Турине в апреле 1920 года!».

Это сообщение было встречено рабочими с большой радостью и глубоким удовлетворением. Большинство членов поехавшей в Россию делегации были противниками апрельской всеобщей забастовки. В направленных против нее статьях они утверждали, что туринские рабочие в данном случае стали жертвами «иллюзий» и переоценили значение забастовки.

Поэтому туринские рабочие с радостью узнали о выражении симпатии со стороны кронштадтских товарищей и говорили себе: «Наши русские товарищи коммунисты поняли и оценили значение апрельской забастовки лучше итальянских оппортунистов и дали последним хороший урок»» [1].

Далее в докладе Грамши объяснял причины, характер и развитие борьбы в Турине за фабрично-заводские советы рабочих.

В Москве итальянские делегаты были приняты с исключительной сердечностью, по-братски, с неподдельным интересом к итальянскому рабочему движению. Ленин и большевики верили в Серрати, которого Ленин ценил еще со времен мировой войны. Италия рассматривалась как страна, которая находится ближе других к революции.

Конгресс открылся 19 июля 1920 года в Петрограде, а затем переехал в Москву. Никто из делегатов не оспаривал революционную перспективу. Из нее вытекало указание социалистическим партиям — освободиться от правой социал-демократии, преобразоваться в коммунистические партии, построенные на принципах централизма и подчинения совместно принятым решениям.

Эта перспектива определила организационную структуру, жизнь и деятельность Коммунистического Интерна-

[1] *Антонио Грамши.* Избранные произведения, т. 1, стр. 230—231 — *Ред.*

ционала, его Устав, который установил действенные и важные правила для всей коммунистической организации и каждой национальной секции.

В докладах большевиков по разным вопросам, стоявшим на повестке дня, вырисовывалась открытая концепция единого фронта борьбы, включающего в себя рабочих полей и фабрик, бедное крестьянство, полупролетарские слои, глубокое понимание национального и колониального вопросов. Экстремизм, эта «детская болезнь коммунизма», был отвергнут потому, что он затруднял контакты с широкими народными массами, ограничивал и сужал поле политических действий, не использовал возможности парламентской борьбы и работы внутри социал-демократических и народных организаций.

Коминтерн хотел быть живым и широким движением международного пролетариата, крепко сплоченного в мировую партию социализма, а не бюрократическим аппаратом, состоящим из представителей различных партий.

В ходе обсуждения документов конгресса итальянские делегаты высказывали замечания с левацких позиций. Бордига вновь выступил со своим тезисом о неучастии в парламенте и отказался от него только после критики со стороны Ленина.

Серрати воздержался от голосования по аграрному вопросу, а также по национальному и колониальному вопросам, считая, что по ним были сделаны слишком большие уступки непролетарским слоям («земля крестьянам» и «право на национальное освобождение»).

Но при обсуждении семнадцатого пункта тезисов Ленина об основных задачах II конгресса Коммунистического Интернационала итальянские делегаты встретились с открытым одобрением документа, представленного туринской секцией Национальному совету ИСП.

Все итальянские представители выступили против неожиданной для них полной поддержки документа туринской секции социалистической партии, группы «Ордине нуово». Серрати и Грациадеи утверждали, что нельзя поддерживать туринскую секцию, виновную в недисциплинированности и бунтарстве. Бомбаччи считал опасным одобрять анархо-синдикалистские тенденции группы «Ордине нуово». Бордига заявил, что члены группы «Ордине нуово» являются сторонниками единства партии.

Ленин внимательно выслушал итальянских делегатов, но не отказался от своей оценки, выраженной в тезисах.

Он согласился только ограничить эту оценку документом туринской секции, не входя в обсуждение всей линии «Ордине нуово». Однако в своем выступлении он полностью повторил положительную оценку этой группы.

Но настоящие противоречия между Коминтерном и ИСП возникли по вопросу об исключении правых социал-демократов из партии в качестве основного условия вступления партии в III Интернационал.

Серрати защищал единство своей партии. Он утверждал, что итальянские реформисты будто бы отличаются от реформистов в других странах и доказали это во время войны. Серрати заявил, что партия имеет право сохранить свое прославленное имя. «Мы не хотим сказать,— отвечал Ленин,— что такого-то или такого-то числа непременно обязаны исключить Турати... Мы просто должны сказать итальянским товарищам, что направлению Коммунистического Интернационала соответствует направление членов «L'Ordine Nuovo», а не теперешнее большинство руководителей социалистической партии и их парламентской фракции... Поэтому мы должны сказать итальянским товарищам и всем партиям, имеющим правое крыло: эта реформистская тенденция не имеет ничего общего с коммунизмом.

Мы просим вас, итальянские товарищи, созвать съезд и предложить на нем наши тезисы и резолюции. И я уверен, что итальянские рабочие пожелают остаться в Коммунистическом Интернационале» [1].

Горячая дискуссия развернулась по этим же вопросам, когда руководство Коминтерна предложило отправить Открытое письмо итальянским социалистам, в котором обобщались результаты конгресса и делалась попытка преодолеть сопротивление максималистской линии. Открытое письмо было одобрено 25 августа.

В эти же дни в Италии начиналась еще одна крупная битва рабочего класса, которая закончилась совершенно не так, как надеялся конгресс Коминтерна.

Италия была потрясена мощным движением пролетариата, начавшимся всеобщей забастовкой, объявленной Национальным профсоюзом металлистов (ФИОМ) в знак протеста против угрозы хозяев снизить заработную плату.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 254.— *Ред.*

Забастовка приняла форму занятия предприятий рабочими.

Но рабочие не ограничивались занятием предприятий, они продолжали производство, строго соблюдая дисциплину. На тех предприятиях, где существовали фабрично-заводские советы, последние брали на себя необходимые руководство и контроль.

Мое внимание в основном было уделено заводу ФИАТ. Во время войны и после нее ФИАТ значительно расширился и изменил характер своего производства и руководства им. Он поглотил другие предприятия, построил крупный завод «Линготто», укрупнил все свои производственные подразделения. На нем работало 20 тысяч рабочих. Своим господством в области производства и финансов он уже определял не только экономическое лицо города, но и всю его жизнь.

Для многих ФИАТ составлял гордость Турина. Вместе с передовой внутренней структурой, организацией и дисциплиной в производстве крупное капиталистическое предприятие ФИАТ внесло свой вклад в развитие более четко выраженных классовых противоречий. В этом смысле ФИАТ оказал влияние на весь пролетариат, который сконцентрировался на туринских «заставах».

Поэтому борьба рабочего класса и в период захвата предприятий была в Турине более радикальной, дисциплинированной и революционной, чем в других городах Италии. Туринские рабочие понимали, что господство капиталистов охраняется всей государственной властью, но вместе с тем они сознавали свою роль на производстве и, следовательно, свою силу и свои права.

Деятельность Грамши способствовала развитию самосознания рабочих. Рост самосознания проявился в движении фабрично-заводских советов, которые были первым выражением власти рабочих на предприятиях.

Занятие заводов ФИАТ сразу же приняло революционный характер. Во главе фабрично-заводского совета стояли Пароди, Торниелли, Джилли, Оливери, Пасторино. Руководил им Джованни Пароди. Под его руководством совет сразу же принял целый ряд важных мер:

1) призыв к служащим возобновить работу;

2) замена способными рабочими отсутствующих служащих;

3) определение наличия сырья для продолжения производства на основе существующих заказов;

4) определение совместно с техническим бюро программы производства для каждого цеха;

5) аккуратная эксплуатация станков и механизмов;

6) запрет выносить любой предмет с территории цеха и приводить посторонних лиц на территорию завода;

7) организация караулов у входов на предприятие и определение паролей для службы безопасности;

8) учреждение дневных и ночных смен «красной гвардии» для отражения возможного нападения;

9) сбор оружия.

Оружие изготовлялось на различных предприятиях, но в основном на заводе СПА. Часть оружия, винтовки и патроны, была предложена группой солдат.

Тысячу пулеметов нашли на складе предприятия «Аэронаутика Ансальдо». В них не хватало только одной детали, потому что военное командование выдавало ее во время войны только тогда, когда пулеметы должны были отправляться на фронт. Сотня этих пулеметов ночью была вынесена с территории завода, и опытные специалисты смогли поставить на них недостающую деталь. Среди этих товарищей были Артуро Бендини, Витале и Эузебио Джамбоне, Карло Гальяццо.

Меры, принятые советом заводов ФИАТ, касались также и снабжения продовольствием. Туринский ФИОМ получил кредит у Союза кооперативов, и магазины принимали у членов рабочих семей боны, которые должны были затем оплачиваться вычетами из заработной платы.

Распоряжения совета в виде служебных приказов сообщались всем работающим. По мере необходимости издавались другие приказы и решения фабрично-заводского совета.

Фабрично-заводской совет поддерживал постоянную связь с туринской социалистической секцией и редакцией «Ордине нуово» при помощи курьеров, потому что руководители рабочих ни на минуту не покидали предприятие.

Мы же наблюдали развитие событий на занятых предприятиях снаружи.

Вид Турина был необычен. Казалось, что вся жизнь города сосредоточилась на фабриках. Кроме фабрик жизнь била ключом еще на городских «заставах». Весь город окутала атмосфера напряженного ожидания, все чего-то ждали.

Казалось, что крупные хозяева исчезли. Они полагались на Джолитти и его политику. Сам же Джолитти на-

деялся на свое влияние среди руководителей Итальянской социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда. Он был уверен, что ему удастся найти выход и из этого чрезвычайного положения без насилия, серьезного риска и непоправимого вреда для капиталистической системы.

Различные течения социалистической партии вели между собой полемику в руководстве партии, и ни одно из них не сумело перейти к действиям. На деле же главенствовало правое течение, отрицавшее политический характер и цели борьбы, начатой профсоюзной организацией металлистов. Оно пыталось найти решение в верхах профсоюзов, склонить их к коллаборационизму.

Мелкие предприниматели и хозяева были злы на правительство за то, что оно не смогло силой оружия прогнать рабочих с занятых предприятий. Большинство их покинуло город. Отправившись в обычные места своего отдыха, они строили планы возмездия.

Средние слои Турина в основном были за войну, однако трудности, возникшие после войны, вызвали у них колебания между собственным негодованием и ненавистью к пролетариату. Они оказались как бы зажатыми между двумя враждебными им силами: нажившимися на войне хозяевами, «акулами» промышленности, и рабочими, как тогда говорили, бывшими дезертирами.

В то время, видя заводы, оставшиеся без хозяев, но работающие в полную силу, средние слои были одновременно очарованы и возмущены мощью и спокойствием рабочего класса. Эта новая власть класса, который еще вчера казался подчиненным и зависящим от других, угрожала их иллюзорным позициям престижа и власти.

В Палате труда, в социалистической секции, в редакции «Ордине нуово» кипели дискуссии и шла напряженная работа. Прибегали и убегали курьеры, отдавались приказы, давались советы. Ни на минуту не прекращался контакт между редакцией и предприятиями, особенно по вопросам линии, перспектив и нерешенных задач борьбы, начавшейся по призыву отсутствовавшего сейчас профсоюзного и политического руководства.

Единство среди членов группы «Ордине нуово» стало всеобщим. Они руководят туринским социализмом. Тольятти — секретарь секции, Террачини ведает профсоюзами, Таска — секретарь Палаты труда, Грамши неутомимо руководит деятельностью фабрично-заводских советов.

Ответственность за руководство самым крупным промышленным предприятием Италии несет рабочий Джованни Пароди — секретарь фабрично-заводского совета и внутренней комиссии ФИАТ.

Высокий, худой, темноволосый, крепкий телом и духом, Пароди даже своим видом вселял уверенность, поднимал дух и решимость. Он был типичным металлистом Турина — передовым рабочим.

Пароди родился в Акви в 1889 году. Начал работать в 14 лет на металлургическом заводе, по вечерам и воскресеньям посещал уроки механики и черчения. В 18 лет стал самым молодым профсоюзным руководителем туринских металлистов. В 20 лет вступил в Итальянскую социалистическую партию. Входил в группу абстенционистов, но под влиянием Грамши стал убежденным сторонником фабрично-заводских советов.

Пароди был тесно связан с рабочим классом, обладал твердым характером и чрезвычайной способностью к самоконтролю и размышлению. Он внушал уверенность и придавал смелость окружающим. Профессиональная подготовка и знание дел на фабрике позволяли ему справляться с его трудными обязанностями. Рабочие любили и уважали его. Они знали, что могут рассчитывать на него. Даже Аньелли уважал Пароди, хотя, конечно, не любил его. Во время захвата предприятий ФИАТ был гордостью всех рабочих, а Пароди был его руководителем. Он слушал, советовал, решал. Рабочие, служащие, «красногвардейцы» приходили к нему за советом и помощью. А когда возникала непредвиденная трудность, всегда был Грамши, там у себя, в маленькой рабочей комнате редакции «Ордине нуово», готовый выслушать и помочь найти решение.

Грамши, Тольятти и Террачини поддерживали прямую и непрерывную связь с фабриками. Они посещали их, чаще ночью, разговаривали с рабочими, руководителями цехов и мастерских. Они были участниками борьбы.

Никто не питал и не питает иллюзий по поводу результатов битвы, развязанной ФИОМ, руководимой профсоюзными боссами, крайне правым крылом социалистической партии.

Грамши не верил в революционность той социалистической партии, какой она была до тех пор. Он приглашал партию ясно высказаться по поставленным вопросам. Но в ответ слышал только противоречивые предложения, неопределенные требования и угрозы по отношению к клас-

совому врагу. Политическое руководство рабочим движением на деле отсутствовало.

За короткий период движение за захват предприятий распространилось не только на металлургические заводы Турина, Милана, где было занято 300 предприятий, Генуи, Специи, Ливорно, Ареццо, Гроссето, Пизы, Рима, Палермо и небольших городков в долинах Валь Д'Аоста и Валь Кизоне, но и на предприятия других отраслей промышленности. Были заняты даже текстильные фабрики Валь ди Ланцо, Канавезано и других районов, где преобладала женская рабочая сила. Сначала это было вызвано солидарностью с металлистами, а затем трудящихся подхватил общий взрыв надежды на свершение революции.

В области Венеция-Джулия на протяжении последних двух лет существовал военный режим, вызванный условиями перемирия и вытекающими из них военными законами. Поэтому там социалисты не захватывали фабрик. Однако всеобщая забастовка охватила всю область со 2 по 11 сентября.

9 сентября профсоюз железнодорожников заверил руководителей Всеобщей конфедерации труда и Итальянской социалистической партии в своей полной поддержке «любых действий, особенно тех, которые будут иметь политический и революционный характер».

Федерация сельскохозяйственных рабочих не призвала своих членов к занятию сельскохозяйственных предприятий. Объединенные и одновременные действия вообще отсутствовали в деревне. Однако 8 сентября газета «Аванти!» сообщила, что в области Палермо крестьяне занимают земли латифундистов.

В Турине над фабриками развеваются красные знамена. Никто более не думает о требованиях, с которых началось все движение. Весь производственный аппарат перешел в руки трудящихся. Сейчас необходимо завоевать власть и на деле установить новый социальный строй.

Ведутся поиски контактов с крестьянами, чтобы добиться союза с ними. Еженедельник батраков Верчелли «Ризайа» [1] посвящает целую страницу занятию фабрики СПА в Турине. Эта страница написана молодым туринским рабочим Паоло Роботти, который в то время находился в Верчелли. Она дала новый толчок уже начавшейся пропаганде в деревне.

---

[1] «Рисовое поле».— *Прим. перев.*

Однажды вечером мы с братом Чезаре прогуливались по улицам перед заводами. Улицы были пустынны и тихи. У входов на заводы стояли внимательные и серьезные «красногвардейцы» охраны. «Красногвардейцы» находились также и на крышах цехов.

На другом берегу По, на холме, видны выстроившиеся войска. Время от времени доносятся пулеметные очереди. В городе появились первые отряды фашистов-чернорубашечников. Но передвигаются они осторожно. На каждую их вылазку рабочие отвечают решительно и смело.

Мне кажется, что я дышу воздухом новой войны, народной войны, которая может взорваться с минуты на минуту.

К середине сентября была отмечена концентрация фашистов, прибывших из Эмилии и Тосканы, но выросла и бдительность рабочих. В последующие дни начались стычки, появились раненые и среди «красногвардейцев».

Борьба приняла явно революционный характер, но те, кто ее в свое время начал, теперь испугались.

Руководители партии и профсоюзов не сумели правильно оценить накопившийся в рабочем классе заряд борьбы и не сумели понять степень его зрелости.

Конфедерация промышленников начала битву против рабочих-металлистов, за окончательный разгром рабочего класса, пытаясь на предприятиях с корнем вырвать новые отношения, постепенно устанавливаемые рабочими, стремившимися к прогрессу.

Политическое руководство рабочего класса постоянно говорило о революции, но не пыталось составить последовательный план действия, который соответствовал бы этим речам. Рабочих сдерживали в рамках борьбы за улучшение условий труда, в рамках профсоюзной борьбы. Движение крестьян, возникшее после войны в деревнях Центральной и Южной Италии, вылившееся в занятие земель латифундистов, борьбу против феодальных пережитков, не имело политического руководства. Это движение не дало никаких результатов, не привело даже к частичному улучшению положения крестьянских масс Юга.

«Социалистическая партия не сможет ничего добиться, если она останется такой, какая она есть сейчас»,— сказал Грамши на основе первого опыта послевоенных лет. И действительно, не было общего руководства народным движением, руководства, которое указало бы борющимся силам перспективу и возглавило бы всю борьбу против

виновников развязывания войны и нажившихся на ней капиталистов, возглавило бы борьбу батраков за получение работы, бедных крестьян — за землю, великую социалистическую битву рабочих за построение нового социального строя.

Революционный порыв постепенно угасал из-за нерешительности руководства социалистической партии и профсоюзов. Они не принимали во внимание желания и стремления сил, поднявшихся на борьбу.

В Турине благодаря фабрично-заводским советам рабочие имели и общие цели, и сильную организацию, что ярко обнаружилось во время захвата предприятий. Но вне Турина инициатива фабрично-заводских советов проявила себя очень ограниченно. В этом и состояла одна из слабостей движения.

В дни захвата предприятий, когда положение становилось все более напряженным, Грамши, Террачини, Тольятти, все товарищи из группы «Ордине нуово» переживали напряженные часы и были глубоко обеспокоены.

10 сентября в Милане собрался расширенный пленум Национального совета Всеобщей конфедерации труда совместно с представителями руководства социалистической партии.

Профсоюзные руководители говорили о необходимости удержать движение в изначальных рамках, рамках профсоюзной борьбы за улучшение условий труда и жизни. Чтобы придать «политическую» окраску профсоюзным завоеваниям, они в согласии с Джолитти внесли в текст договора с промышленниками параграф о признании принципа профсоюзного контроля на предприятиях.

Секретарь ИСП Дженнари высказал мнение руководства партии. Руководство ИСП «заявляет, что оно поддерживает движение, но оставляет за собой право взять на себя в будущем руководство изменившейся политической ситуацией».

Профсоюзные вожди в ответ на это заявили, что в таком случае они отошли бы в сторону и возложили бы на партию всю ответственность за руководство движением.

Перед лицом подобной перспективы руководство социалистической партии всю ответственность за движение вновь возложило на Всеобщую конфедерацию труда.

На пленуме Национального совета ВКТ туринские рабочие попросили ответить, какие цели борьбы стоят перед движением и чего оно хочет добиться. Принимая во вни-

мание сложившееся положение, они высказались за углубление и расширение движения и проголосовали за резолюцию Скиавелло — Букко[1]. Но большинством голосов Национального совета «революция» была отвергнута. И руководство социалистической партии согласилось с этим решением. Оно не понимало перспектив борьбы и не было политически подготовлено к ней. Не был решен вопрос о союзниках, о способах борьбы, оружии.

В политическом отношении Турин был самым зрелым городом, был лучше других вооружен и подготовлен к борьбе. Рабочие Турина были в состоянии с оружием в руках защищать промышленные предприятия. Но без поддержки пролетариата всей страны они не могли взять на себя инициативу вооруженного восстания.

Вооруженная борьба вне заводских территорий против правительственных войск, сосредоточенных в Турине, не могла длиться долго. В условиях политической изоляции она была бы потоплена в крови.

Призыв к всеобщей борьбе, против капитализма и его буржуазного государства, исходил не от группы «Ордине нуово», а от общенациональных центров профсоюзов и социалистической партии. И они же теперь стремились втиснуть эту борьбу в обычные профсоюзные рамки, окончательно отказываясь от красного подъема послевоенных лет.

Джолитти сумел точно оценить смещение акцентов этого движения в августе, переход его в профсоюзную плоскость. Разъясняя промышленникам риск, которому могло подвергнуться оборудование их предприятий, он сумел убедить их согласиться с договором, выработанным вместе с профсоюзной верхушкой. К тому же он пообещал крупной промышленности экономическую помощь в виде законов, защищающих национальные интересы капитала.

20 сентября ФИОМ выступил с заявлением, что промышленники приняли требования рабочих. Договор предусматривал установление профсоюзного контроля на предприятиях, увеличение заработной платы, введение оплаченных отпусков, выплату компенсации увольняемым, а также обещал рабочим, что никаких репрессий за захват предприятий не последует.

---

[1] Скиавелло — руководитель Миланской палаты труда, Букко — руководитель Болонской палаты труда, в ИСП принадлежали к течению максималистов.— *Ред.*

Первые поступившие в Турин известия о решении высших органов профсоюзов и социалистической партии вызвали на предприятиях взрыв возмущения и негодования. Возникла опасность раскола среди рабочих, опасность отчаянных и непродуманных действий.

Затем встал вопрос, что делать с оружием и как быть с «красногвардейцами». Это были дни горьких размышлений, жарких и резких дискуссий. Для Грамши, Террачини, Тольятти, Пароди и лучших рабочих — руководителей на заводах, которым выпал горький жребий вести разъяснительную работу среди разгневанных и неудовлетворенных рабочих, это были трудные и печальные дни. Как убедить людей вынести с территории предприятий изготовленное оружие? И куда его спрятать? Ясно одно, его нужно сохранить, оно пригодится в борьбе против уже действующих отрядов фашистов.

Гнев рабочих в основном был обращен против руководства социалистической партии. Пароди вместе с группой товарищей предложил немедленный разрыв с Итальянской социалистической партией и образование коммунистической партии. Грамши, Тольятти и Террачини, поддерживая необходимость создания последовательно революционной, социалистической рабочей партии, считали, что в эту партию нужно привести большинство рабочих-социалистов, так, чтобы вне новой партии осталось только правое, социал-демократическое крыло.

В группе Грамши дискуссии велись не только о поражении, но и о причинах этого поражения и значении полученного опыта.

Фабрично-заводские советы были созданы в расчете на перспективу, которую социалистическая партия не отрицала, хотя на деле она от нее отказалась. Призыв к занятию предприятий, наивысший момент великого рабочего движения в послевоенные годы, прозвучал поздно, когда народное движение пошло уже на убыль, и это ясно свидетельствует о недостатках и колебаниях социалистического руководства в те годы.

Тем не менее опыт и деятельность фабрично-заводских советов помогли рабочим обрести понимание своей классовой сущности, своей роли на производстве и в обществе. И это — нерушимое завоевание.

Захват предприятий оставил в сознании рабочих неизгладимый след, показал форму и пути развития революционного процесса в развитом капиталистическом обществе.

В результате поражения народные массы остались разочарованы и дезориентированы. Для рабочего класса наступали трудные и тяжелые времена.

Надо было готовиться к боям иного характера. Авангард рабочего класса должен был доказать свою моральную стойкость, свою политическую зрелость, свою способность сплотить пролетарские массы и подготовить их к еще более напряженным битвам.

С трудом убедили рабочих отдать назад предприятия. Вопреки шуму, поднятому предпринимателями, оборудование оказалось в полной сохранности.

После возвращения предприятий их хозяева не осмелились сразу организовать репрессии против рабочих. Но уступки, на которые они пошли, составляя договор, были быстро сведены на нет. А через несколько месяцев начались широкие и жестокие репрессии.

Согласно намеченному плану, на трудящихся, на помещения их профсоюзных и политических организаций устраивались нападения поддерживаемых правительством фашистских банд, вооруженных и финансируемых крупными промышленниками и аграриями; на фабриках началось систематическое преследование рабочих. Тысячи даже высококвалифицированных рабочих были уволены и включены в «черные списки», составленные хозяевами, чтобы закрыть им дорогу на любое предприятие.

Острые и горькие споры разгорелись в социалистической партии. Они еще больше обострились, когда в Италию вернулись делегаты II конгресса Коминтерна. Вокруг решений этого конгресса развернулась ожесточенная дискуссия.

Исполком Коминтерна обратился с Открытым письмом к итальянским рабочим. Открытое письмо было подписано 27 августа 1920 года.

«Каждый день приходят известия о волнениях в Италии. Все свидетели — и в том числе итальянские делегаты — утверждают... что ситуация в Италии глубоко революционна. А между тем партия во многих случаях стоит в стороне, в других — только «сдерживает», не стремясь *обобщать движения, дать ему лозунги, придать ему более планомерный и организованный характер, превращать его в решительный натиск на государство буржуазии...*

Если мы взглянем на причины такого положения вещей, то основной причиной является *загрязнение партии реформистскими, либерально-буржуазными элементами...*

...Всякий видит, что итальянская буржуазия теперь уже не так беспомощна, как она была год тому назад. Итальянская буржуазия лихорадочно организует свои силы, вооружается. А другой рукой она пытается разложить, деморализовать итальянский пролетариат через реформистов.

Опасность велика. Если итальянская буржуазия окрепнет еще немного, она покажет вам зубы» [1].

Серрати, которого не было в Италии во время захвата предприятий, вернулся из Москвы 17 сентября и на вопрос о его мнении по поводу этой борьбы ответил: «Нынешняя ситуация, несомненно, революционная. Государство находится в финансовом, политическом и моральном упадке... Беспокойство масс, их неудовлетворенность и отвращение к существующему положению — все это указывает, к чему мы идем, независимо от нашего желания».

Однако он вновь заявил о своем несогласии с исключением правого, социал-демократического, крыла в качестве условия приема социалистической партии в Коминтерн. Серрати заявил, что он считает себя «унитарным коммунистом». К итальянскому реформизму, утверждал он, нужно подходить с особыми мерками.

Сторонники Серрати объединялись в максималистский центр, сильное течение в партии, и вели шумную кампанию за единство партии, против коммунистов.

Теперь Грамши уже считал напрасными свои прошлые предложения об обновлении партии. На деле социалистическая партия не следовала ни своим принципам, ни своей программе. Она растеряла все свое боевое наследие, опыт и веру в нее рабочих. Партия была дезориентирована и беззащитна перед лицом жестоких атак, организованных реакцией и фашизмом.

«Джорнале д'Италиа», «Мессаджеро», «Идеа национале», «Коррьере делла сера» [2] — все эти газеты призывали

---

[1] «Центральному Комитету и всем членам Итальянской социалистической партии, всем революционным пролетариям Италии». В кн.: «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М., 1970, стр. 256, 255.— *Ред.*

[2] «Джорнале д'Италиа» («Газета Италии») — буржуазная газета, основана в 1901 году, издается в Риме. «Мессаджеро» («Вестник») — буржуазная газета, основана в 1878 году, издается в Риме. «Идеа национале» («Национальная идея») — ежедневная буржуазная газета, издавалась националистами с октября 1914 года. «Коррьере делла сера» («Вечерний курьер») — крупнейшая буржуазная газета, основана в 1876 году, издается в Милане.— *Ред.*

реакцию восстановить порядок и дисциплину, нарушенную коммунистической пропагандой. «Коррьере делла сера» обвиняла «Ордине нуово» в том, что он был центром этой пропаганды. Газета «Стампа»[1] не призывала на помощь реакцию, она прямо заявляла, что «по вине коммунистов» реакция неизбежна.

Грамши писал: «В этом разгуле демагогии обвинения по адресу туринского движения выражают попытки реакции разгромить Турин, не гнездо преступников, а центр политической мысли, которая угрожает завоевать большинство Итальянской социалистической партии, угрожает превратить партию из органа поддержания капитализма в орган борьбы и революционной перестройки».

Следовательно, нужно было конкретно переходить к созданию такой партии. Грамши указывал товарищам на эту необходимость и способ успешного осуществления этой задачи.

Социалистическая партия, писал он, «представляет собой конгломерат партий, действует вяло и медлительно — и не может действовать иначе... Она не в состоянии взять на себя тяжелое бремя ответственности за революционный почин и революционные действия, которых непрестанно и настоятельно требуют от нее развивающиеся события... Если это странное поведение социалистической партии и это противоестественное положение политической партии рабочего класса до сих пор еще не вызвали катастрофы, то причина этого кроется в том, что среди рабочего класса, в городских секциях партии, в профсоюзах, на предприятиях, в деревнях существуют уже энергичные группы коммунистов, сознающих свою историческую роль, энергичных и предусмотрительных в своих действиях, способных вести и воспитывать местные пролетарские массы; дело в том, что в недрах социалистической партии потенциально уже существует коммунистическая партия, которой не хватает только четкой организации, централизации и своей собственной дисциплины, для того чтобы она могла быстро развиваться... Неотложной проблемой текущего периода, сменившего период борьбы рабочих металлургических предприятий и предшествующего съезду, на котором партия должна будет занять серьезно продуманную и совершенно определенную позицию по отношению к Ком-

---

[1] «Стампа» («Печать») — буржуазная газета, основана в 1865 году, издается в Турине.— *Ред.*

мунистическому Интернационалу, является именно проблема организации и централизации этих уже существующих и действующих коммунистических сил» [1].

В конце сентября состоялось заседание руководства социалистической партии для рассмотрения и обсуждения решений II конгресса Коминтерна.

Резолюция Террачини, одобрявшая разрыв с правыми, собрала семь голосов [2]. Пять голосов получила фракция Серрати [3]. Правое крыло, или фракция «социалистическая концентрация», провозгласило себя сторонниками единства и самостоятельности, как и фракция Серрати.

Солидарность между руководителями правого крыла и максималистами, их объединенная оппозиция решениям Коминтерна укрепились. Они несли общую ответственность за политику в ходе движения за захват предприятий и их вместе подвергли критике после поражения этого движения.

Подобный же процесс объединения сил происходил и в левых группах партии, выражавших полную готовность провести в жизнь решения II конгресса Коминтерна.

Абстенционистская фракция Бордиги, группа «Ордине нуово», представители Федерации социалистической молодежи и другие группы левого крыла максималистов объединились в Милане.

Организовал собрание Бордига. Его фракция была самой сильной по числу членов, имела многочисленные и организационно крепкие отделения по всей стране.

Грамши и Бордига мыслили образование коммунистической партии для того, чтобы рабочий класс имел политическую партию в ходе классовой борьбы за победу социализма.

Бордига отказался от своей абстенционистской позиции и был за создание коммунистической фракции, которая объединяла бы все левое крыло партии. Он предложил общую платформу на основе написанного им манифеста. Этот манифест подписали Бордига, Бомбаччи, Фортикья-

---

[1] *Антонио Грамши.* Избранные произведения, т. 1, стр. 212, 213.— *Ред.*

[2] У. Террачини, Э. Дженнари, И. Регент, Д. Тунтар, К. Казуччи, М. В. Марциале и В. Беллоне.— *Ред.*

[3] А. Баратоно, Дж. М. Серрати, Д. Баччи, Д. Джакомини и Э. Дзаннерини.— *Ред.*

ри, Грамши, Мизиано, Полано, Репосси и Террачини. Он подлежал распространению во всех секциях партии.

Подписавшие манифест вошли в состав Временного комитета коммунистической фракции. Бордига, Бомбаччи и Фортикьяри образовали его Исполнительный комитет [1].

Грамши одобрил эти предложения. В ходе заседания не без некоторых опасений члены группы «Ордине нуово» поняли, в каком положении окажется их группа внутри коммунистической фракции.

Позиции группы «Ордине нуово» были сильны в Турине и в туринской социалистической секции. Группа сумела привлечь к движению фабрично-заводских советов членов фракции абстенционистов Пароди, Боэро и других. Группа руководила деятельностью ФИОМ, других крупных профсоюзов и Палаты труда. На ее стороне стояли секции партии в Пьемонте и некоторых других городах на севере Италии. Но она не организовала эти силы в сплоченную вокруг единого центра фракцию с целью добиться крепкого положения внутри партии.

Группа «Ордине нуово» была сильна своими позициями обновления партии, которые в Турине воплотились в опыт действия и борьбы. Однако ее сила и престиж не были поняты и оспаривались там, куда не доходили известия о ее конкретной деятельности. Среди других фракций левого крыла социалистической партии, действовавших в национальном масштабе, «Ордине нуово» обладала влиянием только в своей области.

В течение двух послевоенных лет, когда члены группы «Ордине нуово» занимались учебой и дискуссиями по вопросам обновления партии, участвовали в борьбе рабочих, Бордига в соответствии со своими концепциями и целями создал национальную сеть крепко сплоченных групп на основе нескольких простых, но твердых принципов. Это была политически дисциплинированная сила в национальном масштабе, и на собрании в Милане Грамши понял, что она уже представляет собой партию в партии.

В противоположность ИСП она отрицала правомерность существования различных, часто противоречивых позиций внутри одной партии.

Грамши понимал эту ситуацию, и это определило его поведение на собрании в Милане — одобрение представ-

---

[1] Временный комитет коммунистической фракции был создан в октябре 1920 года. Манифест был опубликован 17 октября в газете «Совьет».— *Ред.*

ленного Бордигой манифеста. Соотношение сил определило решение Грамши.

Манифест коммунистов объяснял причины образования фракции и выдвигал цели, которые фракция собиралась предложить национальному съезду партии. В нем были перечислены основные принципы единых действий, соответствовавшие указаниям II конгресса Коминтерна и его Уставу. Манифест намечал общую программную линию фракции: подготовку вооруженного восстания с использованием легальной и нелегальной пропаганды; создание коммунистических групп, связанных с партийной организацией, для пропаганды и подготовки революции в профсоюзах, кооперативах, лигах; участие в политических и административных выборах с использованием их для ведения революционной пропаганды и агитации; контроль над всей пропагандистской и печатной деятельностью со стороны Центрального Комитета партии; тесную связь с молодежным движением; усиление пропагандистской деятельности среди женщин.

В манифесте не были отражены идеи Грамши. Написанный Бордигой, этот документ целиком и полностью выражал его идеи. К тому же эти идеи не могли быть поправлены и дополнены идеями Грамши. Если бы манифест редактировал Грамши, он был бы написан на другой основе.

Однако, принимая во внимание соотношение сил между фракцией Бордиги и другими группами, документ, написанный Грамши, не получил бы одобрения в Милане. Сам факт его существования мог бы привести к расколу. Перед лицом открытой борьбы внутри партии Грамши стремился прежде всего к объединению левых сил.

Начиная с 1919 года между Грамши и Бордигой существовало некоторое время согласие в оценке итальянской ситуации и ее возможном революционном развитии, что соответствовало позиции III Интернационала.

Грамши считал, что в Италии начался спад революционного движения и реакция перешла в наступление. Бордига утверждал, что революционный подъем 1919—1920 годов прекратился потому, что «был скорее кажущимся, чем реальным. Это было скорее отступление буржуазии, чем наступление пролетариата. Он не опирался ни на четкое политическое сознание, ни на боевую революционную организацию» [1].

[1] *P. Spriano*. Op. cit., vol. I, p. 87.

Грамши и Бордига были согласны в оценке деятельности руководства и правого крыла партии и в вопросе о необходимости проводить в жизнь решения II конгресса Коминтерна.

Неспособность руководства социалистической партии выражалась кроме политической деятельности в существовании течений и группировок внутри партии. Эти группировки принимали самостоятельные решения и пропагандировали противоречивые позиции и программы, издавали собственные газеты, журналы и т. д. Все это превращало партию в сборище разнородных, часто противоположных сил, что в конце концов выливалось в бездействие партии.

Поэтому Бордига принял твердое решение создать централизованную партию с железной дисциплиной, с тем чтобы исправить пороки и недостатки партий, входивших во II Интернационал.

Грамши же выработал другую, более сложную концепцию о характере и функции пролетарской партии, об отношениях между партией, народными массами и всем обществом. Гегемония рабочего класса, по Грамши, четко отличалась от диктатуры партии, проявлявшейся в сектантских позициях Бордиги.

И в международном плане в понимании мировой партии рабочего класса — Коминтерна — Грамши следовал Ленину, признавая необходимость широкого учета разнообразия исторических и национальных условий, которое невозможно было свести к единственной схеме революционного пути и развития.

Бордига отказался от парламентского абстенционизма, но его абстенционизм был политическим, а не просто неучастием в выборах. Грамши понял это в период захвата предприятий, которому Бордига не придал никакого значения. Его газета «Совьет» не опубликовала никаких сообщений и не поместила ни одного комментария, посвященного этой великой битве рабочего класса. Экстремистский абстенционизм Бордиги в конце концов превращался в практический нигилизм, не более плодотворный, чем социалистический максимализм. В манифесте он проявлялся в перечислении целей коммунистической партии. Эти цели были ограничены вопросами пропаганды, роста численного состава партии, критикой существующей системы.

Для Грамши коммунистическая партия была партией непрерывной политической деятельности, а не школой доктринеров и пропагандистов, пассивно ожидающих решающего революционного момента.

Группа «Ордине нуово» всегда противопоставляла собственные позиции сектантским позициям Бордиги. Но в преддверии съезда социалистической партии на собрании в Милане нужно было собрать вокруг общих и непосредственных целей сильную и объединенную коммунистическую фракцию. Поведение Грамши отвечало этой необходимости.

Коммунистический Интернационал направил письмо товарищам из коммунистической фракции, в котором поддерживал их деятельность. Коминтерн указывал на необходимость увеличения численности фракции, завоевания большинства партии.

В Турине без труда было достигнуто единство между абстенционистами, сторонниками выборов и «группой коммунистического воспитания». Грамши, Террачини и Пароди были избраны членами Областного комитета коммунистической фракции. 26 ноября 1920 года на собрании секции ее секретарь Тольятти ответил тем, кто хотел бы представить коммунистов в качестве слепых исполнителей приказов из Москвы, процитировав доклад, написанный Грамши в апреле. Этот доклад «За обновление социалистической партии», представленный от имени туринской секции социалистической партии, был одобрен Лениным и II конгрессом Коминтерна и являлся плодом мысли и опыта, накопленных в Италии.

Грамши подчеркнул противоречивость позиций Серрати по вопросу об отделении от правой социал-демократии и поддержал тезисы Ленина по крестьянскому, национальному и колониальному вопросам, которые критиковал Серрати.

Террачини блестяще опроверг аргументы «унитарных коммунистов», в особенности Серрати. Он показал принципиальные различия между марксистскими позициями коммунистов и социал-демократической политикой правого крыла партии, направленной на сохранение капиталистической системы и ее «цивилизации».

За резолюцию коммунистов было подано 249 голосов, за «унитарных» Серрати — 49, а за социал-демократическую резолюцию был подан всего лишь один голос.

Туринские товарищи аплодисментами встретили сообщение об этих результатах. Они думали, что такой же успех будет достигнут и на съезде партии. Однако Грамши был настроен иначе, когда на следующий день он отправлялся в Имолу, где 28 ноября открывался национальный съезд коммунистической фракции.

Бордига открыл дискуссию на съезде в Имоле на основе содержания Миланского манифеста. По его мнению, общая политическая перспектива вела к социал-демократическому решению. В своем выступлении он определил также задачи коммунистической фракции в преддверии съезда партии.

Грамши сохранил свое мнение о будущем политическом развитии, противоположное социал-демократической перспективе Бордиги, однако согласился с ним в оценке максималистов и необходимости единства и дисциплины левого крыла.

От имени своей немногочисленной группы Марабини[1] высказал мнение, что нужно обновить, а не отбрасывать полностью традиции социалистической партии. В его словах отражался опыт долгой борьбы батраков Эмилии, опыт их славных лиг. Марабини говорил о необходимости работать, чтобы иметь большинство на съезде. Можно даже назвать новую партию Социалистической коммунистической партией Италии, а не Коммунистической партией Италии, как предлагал Бордига, чтобы не оттолкнуть старых и проверенных товарищей. В общем, он высказывался за единство максималистов Серрати с коммунистами.

Однако Бордига выступил против любых попыток сближения с центристами и пересмотра линии партии. Он требовал абсолютной дисциплины в коммунистической фракции.

Полемика стала очень острой и резкой. Предвидя возможный раскол, Грамши подчинил все необходимости избежать этого. Нужно было сохранить согласие с Бордигой — без его сильной фракции создать коммунистическую партию было бы невозможно.

«Мы пришли на это собрание,— сказал Грамши,— с настроением людей, участвующих в учредительном съезде партии. Целью этого съезда должно быть не ведение

---

[1] Марабини, Ансельмо (1865—1948) — деятель итальянского рабочего движения. Член ИСП с 1892 года, примыкал к ее левому крылу. С 1921 года — член ИКП. В 1923—1945 годах находился в эмиграции в СССР.— *Ред.*

полемики между фракциями, а создание Коммунистической партии Италии».

Его выступление вернуло дискуссию к темам единства. Собрание закончилось одобрением резолюции, которую коммунистическая фракция собиралась представить на съезд социалистической партии. Эта резолюция с непреклонной твердостью одобряла решения II конгресса Коммунистического Интернационала и заявляла о стремлении провести их в жизнь.

XVII съезд Итальянской социалистической партии проходил в Ливорно с 15 по 21 января 1921 года.

Во всех секциях и организациях, на страницах партийной печати развернулась дискуссия, вспыхнули разногласия. Вновь встала горькая тема занятия предприятий.

Как известно, Ленин критиковал поведение профсоюзных руководителей и инертность руководства социалистической партии, которые не сумели не только достичь, но даже поставить ближайшие цели. Однако Ленин считал, что ситуация в Италии остается еще открытой для революционного развития и поэтому необходимо исключить из социалистической партии социал-демократическую группу.

Но именно эта необходимость вызывала в партии разногласия. Правое крыло подчеркивало переход капиталистов в наступление. На съезде в Реджо-Эмилии, посвященном объединению правого крыла в «социалистическую концентрацию», Модильяни[1] сказал: «В истории наций существуют трагические часы отступления. Мы идем навстречу одному из них».

Серрати колебался, и его сомнения выражались в критических выступлениях на самые разные темы; в конце концов они вели к отказу от решений Коминтерна. Он утверждал, что «только ситуации определяют развитие событий и борьбы». На этом основывалась его критика «волюнтаризма» группы «Ордине нуово», его непонимание движения фабрично-заводских советов в качестве первой битвы за власть рабочих на предприятиях.

---

[1] Модильяни, Джузеппе Эмануэле (1872—1947) — деятель итальянского социалистического движения, реформист. В 1913—1926 годах — депутат парламента. В 1922 году участвовал в основании Унитарной социалистической партии. В 1926—1944 годах находился в эмиграции. Антифашист.— *Ред.*

Кроме того, Серрати глубоко чувствовал связь партии с итальянскими народными массами и был уверен, что защищает ее. В перемене названия партии он усматривал опасность уменьшения влияния партии на массы. Притягательная сила партии основывалась на долгой традиции социализма.

Указаниям Коминтерна Серрати противопоставлял требование свободы для каждой партии оценивать обстановку и принимать решения в соответствии с историческими и особыми условиями каждой страны.

Но Коммунистический Интернационал отнюдь не игнорировал существующие различия в положении и развитии разных стран. II конгресс Коминтерна определил общий курс, направления действий партий и некоторые узловые моменты, характеризующие генеральную линию Коммунистического Интернационала.

Разногласия между Коминтерном и Серрати возникли и остались по вопросу об исключении социал-демократических элементов из партии. Чтобы уклониться от этого вопроса, Серрати сконцентрировал свой абстрактный максимализм на частных вопросах, например на аграрном вопросе. Он отвергал любое решение, кроме полного обобществления земли, и отрицал революционный характер движения беднейших крестьян.

В отношениях между Коминтерном и социалистической партией росли непонимание и взаимное недоверие. Встреча Серрати с Лениным — ее желали обе стороны и она могла бы быть полезной — не смогла состояться из-за трудностей сообщения, писем, задержанных на границе, или, как можно убедиться сегодня, читая документы тех далеких дней, из-за нежелания максималистского центра.

В те дни в Советском государстве напряженно работали над решением экономических проблем, неизбежных в стране, только что вышедшей из разрушительной империалистической войны и пережившей революцию, которая коренным образом преобразила всю структуру и жизнь общества, в стране, которая выдержала долгую войну против мирового капитализма.

Буржуазия и социал-демократы извращали характер этих трудностей и экономической политики, при помощи которой с ними боролись. Все предрекали катастрофу. Тревес говорил о «провале» русской революции и предсказывал близкий крах Советского государства. Нофри и Поц-

цани, делегаты ИСП на II конгрессе Коминтерна, выпустили с предисловием Турати явно антисоветскую книгу «Россия такая, какая она есть».

Буржуазия и социал-демократы организовали мощную антисоветскую кампанию, которая порождала замешательство и неуверенность у активистов социалистической партии, уже потрясенных резкой полемикой и расколами в партии. Они не были подготовлены к такой политической борьбе.

В Турине газета «Аванти!» поддерживала левые позиции, на которых стояло большинство членов партии, и нападала на Серрати, который из-за своей двусмысленной и противоречивой политики стал препятствием на пути правильной ориентации членов партии по вопросу о решениях Коминтерна.

Руководство социалистической партии прекратило выпуск туринского издания «Аванти!». Секция социалистической партии в Турине решила издавать новую туринскую ежедневную газету — «Ордине нуово» под руководством Антонио Грамши.

В разделе «Хроника» 24 декабря Грамши сообщал: «Новая газета начнет выходить в Турине с 1 января 1921 года и будет называться «Ордине нуово». Так единодушно (один голос против) решили Исполнительная комиссия и общее собрание членов туринской секции. В связи с этим решением перед нами встают многочисленные сложные вопросы... То, что мы заявляли по поводу журнала, мы повторяем и по поводу газеты: ее существование и ее развитие немыслимо без тесного контакта с рабочими массами... Коммунистическая газета есть кровь и плоть рабочего класса, и поэтому она не может существовать, не может бороться и не может развиваться без поддержки революционного авангарда, то есть той части рабочего населения, которая не теряет смелости при любой неудаче, не падает духом из-за чьего-либо предательства, не теряет веру в себя и судьбу своего класса, даже если все, кажется, рухнуло в самый мрачный и жестокий хаос».

1 января 1921 года в Турине вышел первый номер ежедневной газеты «Ордине нуово», унаследовавшей название журнала, направлявшего рабочий класс Турина в годы напряженной борьбы и тяжелых поражений. Туринские товарищи пожелали, чтобы газета выходила под названием журнала Грамши, а ее редактором стал Грамши.

Голос «Ордине нуово» стал, таким образом, более громким и весомым. Это событие вселило во всех уверенность, надежду, желание работать и бороться.

Живет во мне грусть, которую я отвергаю разумом, но в глубине души она все же остается. Собираю и привожу в порядок все номера журнала. Думаю, на этом закрылась большая глава истории... Конечно, как сообщил последний номер журнала «Ордине нуово» в своей «Хронике», сейчас встают новые важные проблемы.

Открывается новая страница, за ней последуют другие. Но я чувствую, что великие идеи, главное направление мысли и жизни, сообщенные мне «Ордине нуово», останутся навсегда со мной в моей борьбе коммунистки.

II

ОТ СЪЕЗДА В ЛИВОРНО ДО ПРИХОДА ФАШИЗМА К ВЛАСТИ

Исполком Коминтерна направил письмо с выражением солидарности туринским социалистам и их новой газете.

«Было бы абсурдом и доставило радость контрреволюционерам, агентам капитализма,— говорилось в нем,— оставить Турин, самый сильный в коммунистическом отношении город, без собственной газеты. Туринский пролетариат, который много раз был закваской итальянского национального пролетарского движения, и в этот тяжелый час, переживаемый Итальянской социалистической партией, сумел одним из первых найти правильную ориентацию. Вы поняли, что над всеми личностями, над всеми фетишами стоит великая правда современного исторического момента, правда, которая живет в русской революции и воплощена в III Интернационале».

В письме говорилось затем о вреде, нанесенном неожиданным поведением Серрати. «Тот, кто прославил свое имя как настоящий деятель пролетарских масс, настоящий несгибаемый коммунист, в момент наибольшей важности так больно и так ужасно пал, что почти стал оплотом всех путаников, от правых контрреволюционеров до оппортунистов центра» [1].

На деле враждебное, непреклонное поведение Серрати и его сильной группы «унитарных коммунистов» вело к самым тяжелым последствиям. Противоречивые заявления Серрати вносили путаницу в предсъездовскую дискуссию. «Унитарные коммунисты» не выступали как враги Коминтерна. Их резолюция подтверждала вступление в Интернационал, заявляла о принятии «21 условия» II конгресса и о намерении их выполнять, «истолковывая их, однако, согласно местным и историческим условиям, которые III Интернационал признавал за другими странами».

---

[1] «Dalla Internazionale comunista».— «L'Ordine Nuovo», 1 gennaio 1921.

На собраниях и при голосовании во многих секциях социалистической партии давал себя знать партийный патриотизм. Многие болезненно ощущали изменение названия партии, которое означало разрыв с социал-демократическим крылом.

Большое значение имел также и авторитет имен, известных с давнего времени, связанных с зарождением рабочего движения, с давними битвами и первыми победами. Само по себе обострение полемики с Серрати отдаляло старые кадры от левого крыла. К тому же там, где начались репрессии хозяев и насилие фашистов, стремление к единству выливалось в поддержку «унитарных коммунистов».

Национальные результаты предсъездовского голосования показали, что резолюция Серрати собрала большинство. От поведения Серрати зависел исход съезда.

III Интернационал направил съезду письмо с братским приветствием и сообщил, что предпринятые двумя представителями Коминтерна попытки принять участие в работе съезда не увенчались успехом. Итальянское правительство выдало визу только болгарину Кабакчиеву и венгру Ракоши. В письме говорилось: «Мы внимательно следили по вашим газетам за борьбой, развернувшейся в последние месяцы между различными тенденциями в вашей партии. К несчастью, деятельность фракции «унитарных коммунистов» оправдала самые худшие ожидания. Вожди «унитарных» на деле готовы отделиться от коммунистов и, следовательно, от Коммунистического Интернационала» [1].

Вновь подчеркнув значение и важность решений II конгресса и необходимость их осуществления, письмо выражало уверенность, что Коммунистическая партия Италии будет создана при братской международной солидарности.

Съезд открылся в Ливорно 15 января 1921 года. Он сразу же перешел к дискуссии по шестому вопросу повестки дня: «Линия партии и отношения с Интернационалом».

Каждая фракция твердо стояла на своих позициях. От имени «социалистической концентрации» Турати вновь изложил свое мнение, выраженное в предыдущей речи «Переделать Италию». Он сказал, что задача перестроить Италию требует десятилетий борьбы и постепенных завоева-

---

[1] «La parola della III Internazionale».— «L'Ordine Nuovo», 13 gennaio 1921.

ний. Заявив о непригодности опыта большевизма для развитых стран, он признал его роль лишь в отношении таких стран, как Китай, Япония, Турция и т. п. Речь его, имевшая успех, показала, какова обстановка на съезде, она усилила непреклонность левых.

Полемика еще более обострилась по вопросам борьбы и поражений, понесенных рабочим классом Италии. Нападки правых и центристов сконцентрировались на туринских товарищах, особенно на Грамши. На Грамши выплеснулось все: непонимание, горечь поражения, злоба, выраженные в самых невероятных обвинениях и глупых инсинуациях. В злобном и путаном вое Грамши услышал даже несправедливые слова Ладзари. В такой обстановке Грамши почувствовал, что его сложные и глубокие идеи не найдут отклика. Он решил не выступать.

На съезде ясно проявился существующий контраст между правым крылом социал-демократов и левым крылом коммунистов. Эти противоречия выходили за рамки событий того момента, они касались теории и исторической перспективы рабочего движения. Количественно сильный максималистский центр оказался лишенным своей собственной концепции.

От имени левого крыла выступили Бордига, Террачини и Грациадеи. В заключение своей речи Бордига сказал: «Мы отстаиваем нашу принципиальную линию, нашу историческую линию — линию левых марксистов, с честью сумевших в Итальянской социалистической партии, раньше чем в других партиях, нанести поражение реформистам. Мы чувствуем себя наследниками учения тех, рядом с которыми мы сделали свои первые шаги и которых сегодня уже нет с нами. И если мы должны будем уйти, товарищи, мы унесем с собой честь и гордость вашего прошлого!» [1]

Террачини, не обращая внимания на абсурдные обвинения, разоблаченные фактами, остановился на узловых вопросах дискуссии. «Создание коммунистической партии,— сказал он,— есть не что иное, как решение вопроса о создании классовой партии пролетариата, ставящей своей целью завоевание власти». В ответ на реплику Баратоно из фракции Серрати Террачини сказал: «Мы... не являемся сторонниками теории героев, более того, мы думаем, что

---

[1] «Resoconto stenografico del XVII Congresso nazionale del Partito socialista italiano (Livorno 15—20 gennaio 1921)». Milano, 1962, p. 204.

только хорошо сплоченные и руководимые массы могут совершать великие дела. Мы не фетишизируем личности». И, обращаясь к «унитарным коммунистам», заявил: «II Интернационал был Интернационалом организации. Пользуясь пропагандой I Интернационала и пробуждением пролетарских масс во всех странах, вызванного пропагандистской деятельностью творцов I Интернационала, он собрал и сплотил эти массы, создал политические организации. В предвоенный период социалистическая партия превратилась в сильную политическую партию, создала в Италии мощные профсоюзные организации, кооперативы, кассы взаимопомощи, организации сопротивления и защиты пролетариата. Но она не выработала и не наметила программу действий... И после войны пролетариат неожиданно столкнулся с реальной проблемой взятия власти. Клаудио Тревес говорит: «Нет, после войны мы столкнулись с ужасной трагедией: с одной стороны, буржуазия уже была не в состоянии больше удерживать власть, а с другой, пролетариат был еще не в состоянии овладеть ею». Именно в этом он видит ошибку нашего времени. Мы же говорим: «Нет, трагедия, ошибка нашего времени состоят в том, что буржуазия была не способна более удерживать власть, а пролетариат, способный на это, не имел соответствующей организации и средств для превращения этой готовности в действие».

Итальянский пролетариат нуждается... в руководстве, и необходимо дать его ему. Для этого нужно создать классовую политическую партию пролетариата... Поэтому мы говорим: необходимо отделение коммунистической партии от социал-демократического крыла. Я пояснил причины, на основании которых мы заявляем сегодня, что съезд должен исключить их, или же выйдем мы и создадим коммунистическую партию» [1].

Представители Коммунистического Интернационала в своих выступлениях поддержали позицию коммунистической фракции. Конечно, они не давали никакого приказа для осуществления раскола, но они настаивали на важности и значении решений Коминтерна.

Дискуссия на съезде завершилась в накаленной атмосфере. Число фракций сократилось до трех, потому что группа Дженнари слилась с левой фракцией, а группа Ладзари — с «унитарными коммунистами» Серрати.

[1] «Resoconto stenografico del XVII Congresso...», p. 168, 171—173, 196—197.

21 января были объявлены результаты голосования.

Фракция Серрати выступила за вступление в III Интернационал при условии, если название партии не будет изменено, а реформисты, соблюдающие партийную дисциплину, не будут исключены из партии. Она собрала 98 тысяч голосов. Коммунисты набрали около 58 тысяч голосов. Правые, или «социалистическая концентрация»,— около 14 тысяч голосов.

Делегаты коммунистической фракции покинули зал заседаний съезда и собрались в театре Сан-Марко, который товарищ Илио Баронтини, асессор муниципалитета Ливорно, сумел снять. В освещенном несколькими лампами зале, в котором не было даже стульев, за установленным на сцене столом, покрытым знаменем социалистической секции Ливорно, было объявлено о создании Коммунистической партии Италии, секции Коминтерна. Так открылся I съезд коммунистической партии. С приветствиями к нему выступили делегаты Коминтерна и коммунистических партий Англии, Германии, Швейцарии и Норвегии. Затем выступили: Фортикьяри — от Центрального Комитета фракции, Полано — от молодежного движения, Ортензия Бордига — от имени женщин, Пароди — от металлистов, Вота — от рабочих мебельной промышленности, Адзарио — от железнодорожников, Феррари — от Палаты труда Пармы.

Съезд сразу же перешел к выработке решений. Доклады и выступления были очень краткими. Сразу же был одобрен Устав партии. Избрали Центральный Комитет из 15 человек: Бордига, Гриеко, Сесса, Тарсиа, Пароди — сторонники Бордиги, Фортикьяри и Репосси — миланцы, близкие к Бордиге, Грамши и Террачини — от группы «Ордине нуово», Беллони, Бомбаччи, Дженнари, Мизиано, Марабини — левые максималисты и Полано — от молодежного движения. В Исполнительный комитет вошли Бордига, Гриеко, Террачини, Фортикьяри и Репосси.

«Возвращаясь домой в тот вечер,— вспоминает Баронтини,— мы долго разговаривали с товарищем Кабакчиевым, главой делегации Коминтерна. Я выразил ему свое удовлетворение по поводу создания партии, а также некоторое удивление. Прежде чем попрощаться, он сказал мне: «Конечно, раскол старой партии прошел не совсем удовлетворительно. Но рабочий класс в борьбе придет к

ясному пониманию своих задач. На вашем пути вы вновь обретете хороших товарищей, которых оставили в социалистической партии. Партия, которую вы сегодня создали, еще не является ленинской партией. Но в труде и борьбе, которая будет все острее, вы под руководством Ленина и Коммунистического Интернационала усовершенствуете созданный сегодня инструмент борьбы»».

Грамши тоже расценил происшедший раскол как неудовлетворительный. Он определил его как «триумф реакции». Революционное крыло социалистической партии не сумело увести с собой большинство пролетарской партии.

Грамши оценивал результаты Ливорно, исходя из их прямых последствий для внутренней жизни и политической деятельности новой партии.

Бордига представлял несомненную силу в коммунистической партии, и ничего не оставалось, как согласиться с его руководством. Весь партийный аппарат уже был в его руках. С другой стороны, Бордига внес важный вклад в решение основной проблемы текущего момента: создание организационной сети партии и инструментов ее борьбы и деятельности.

Нужно было работать вместе с ним, пытаясь в совместной борьбе преодолеть бордигианские позиции, которые не были ни ленинскими, ни свойственными группе «Ордине нуово».

После ухода коммунистов с социалистического съезда делегаты, оставшиеся в театре Гольдони, возобновили свою работу. Съезд социалистической партии одобрил документ — обращение к Исполкому Коминтерна, в котором вновь подтверждал присоединение ИСП к Интернационалу и безоговорочное принятие стратегии и тактики III Интернационала, «надеясь, что следующий конгресс в Москве разрешит спор, возникший на основе разногласий в оценке местных условий. Эти разногласия могут и должны быть устранены путем дружеского обмена мнениями. Мы заверяем, что принимаем и будем проводить в жизнь решения международного руководства».

Коминтерн считал результаты съезда в Ливорно временными и продолжал поддерживать отношения с Серрати, надеясь привлечь его на свою сторону.

Коминтерн направил Коммунистической партии Италии приветственное письмо, в котором говорилось: «Будьте

стойки, товарищи, теперь, в момент, когда против вашей партии ополчатся все силы буржуазии и ее многочисленных и многообразных агентов. Рабочие-коммунисты всего мира с вами» [1].

Ленин передавал нам свой опыт. Партия родилась не только в период отлива волны рабочего и народного движения, развившегося после первой мировой войны, но и в обстановке экономических трудностей и кризиса, когда хозяева и крупные аграрии развязали жестокое наступление против трудящихся, когда фашисты организовывали кровавые нападения на помещения профсоюзных и политических организаций пролетариата, когда буржуазная и социал-демократическая печать вели ядовитую пропаганду против рабочего класса.

В самый разгар этой борьбы мы должны были организовывать секции коммунистической партии и их работу. Грамши говорил нам: «Вначале нам нужны верные энергичные люди, тесно связанные с делом коммунизма, которые никогда не потеряют веру в величие поставленной нами цели. Это должны быть инициативные люди, умеющие самостоятельно предпринять необходимые действия, чтобы сопротивление рабочего класса было непобедимым». И подчеркивал: «Нам надо позаботиться о конкретных, реальных проблемах. Нужно расширить и углубить экономическую и политическую учебу лучших представителей рабочего класса. Нужно усилить теоретическую подготовку и чувство ответственности перед народом».

Грамши заботился о формировании активистов коммунистической партии, исходя из своего понимания социализма. Он думал о непосредственной задаче — разбудить умы и волю, униженные и угнетенные поражением и жестоким наступлением противника. Нужно было дать отпор фашистским отрядам. А в тот момент обстановка не открывала перспектив единства пролетариата для организации сопротивления и борьбы.

Грамши наблюдал и изучал фашизм. Он исследовал его с момента появления первых зародышей фашизма в итальянском обществе под влиянием войны. Война создала пропасть между мелкой националистической буржуазией, стоявшей за войну, и рабочими, которых считали дезертирами и пораженцами. Постепенно эта пропасть углубля-

---

[1] «Коммунистический Интернационал», 1921, № 16, стр. 3807.— *Ред.*

лась по мере распространения среди дезориентированной молодежи настроений национализма, недовольства, реванша и насилия. Им казалось, что насилие открывает дорогу в сферу власти.

Первые фашистские нападения произошли во время муниципальных выборов в конце 1920 года.

В Турине борьба на выборах была напряженной. Победил список социалистической партии. Мы были обрадованы этой победой пролетариата в Турине.

В городе состоялась массовая демонстрация трудящихся. На площади Сольферино группа фашистов бросила ручную гранату в ряды демонстрантов, многие были ранены. Но ни один фашист не был арестован.

На следующий день газеты сообщили, что на основании повторной проверки избирательных бюллетеней победу одержал список буржуазного блока. Он собрал на 300 голосов больше.

Эти новые результаты вызвали много сомнений в их подлинности. Говорили о ночной вылазке националистов, которые проникли в помещение избирательного участка и заменили урну с бюллетенями избирателей другой, заранее подготовленной урной. Но эти сомнения не были приняты во внимание и не изменили положения.

На этих выборах социалистическая партия вышла вперед в более чем 2 тысячах коммунальных советов, в том числе в Милане и Болонье.

Мэром Болоньи был избран товарищ Эннио Ньюди, член коммунистической фракции. Во время церемонии вступления на пост новой администрации в палаццо д'Аккурсио вооруженные фашисты набросились на толпу, собравшуюся на площади. А в зале заседаний совета оставшиеся неизвестными фашисты открыли кровавую перестрелку. Во время нее был смертельно ранен советник от меньшинства Джордани.

Вооруженная провокация в Болонье послужила предлогом для аграриев, чтобы развязать по всей области Эмилии наступление на федерацию батраков. Крупная стычка произошла в замке герцога Д'Эсте в Ферраре, где располагалась администрация провинции. «Карательные экспедиции» фашистов быстро распространились по всей Тоскане и за ее пределами.

Промышленники финансировали фашистов, землевладельцы вооружали их. В их распоряжении были надежные средства передвижения, и практически они обладали

полной неприкосновенностью, так как полиция выступала вместе с ними против народных масс. Когда трудящиеся оказывали даже законное сопротивление, их задерживали, арестовывали и судили.

Коммунистическая партия рождалась в самый разгар этой борьбы. Грамши вспоминал, что мы должны были «в процессе самого создания партии превратить наши группы в отряды для партизанской борьбы».

В Турине фашизм обладал небольшими мобилизационными возможностями. Но, широко финансируемый хозяевами, он находил своих наемников среди деклассированных элементов, которые всегда существуют в городах. До того времени фашизм не организовывал широкие акции, однако было нужно предотвратить его наступление, организовать сопротивление и борьбу.

В Турине нам помог опыт, накопленный во время захвата предприятий. «Красногвардейцы» стали костяком «отрядов пролетарской защиты». Молодой инженер, бывший офицером во время войны, организовал эти отряды и руководил ими. Звали его Саморé. Грамши поручил мне быть «почтовым ящиком» для приказов Саморé. Прятали их в моей квартире, на которую еще не распространялись подозрения полиции и фашистов. Саморé приходил сюда по мере надобности. Он работал над приказами серьезно и молча, исчезал неожиданно. В качестве связных Саморé использовал мальчишек, в чьи обязанности входили сбор сведений и передача приказов.

Охрана помещения «Ордине нуово» была особенно тщательной. Наша первая газета по сравнению с сегодняшними газетами была очень бедной. Она помещалась в самом центре Турина на виа Арчивесковадо в маленьком старом доме с небольшим двориком. На первом этаже находилась типография, а на втором — редакция и администрация газеты. Работали в маленьких комнатах, отделенных одна от другой деревянными перегородками. В одной из этих комнатушек, всегда заполненной народом, заваленной книгами и газетами, работал Грамши.

Во дворе постоянно находилась охрана. «Красногвардейцы» днем и ночью по очереди несли охрану «Ордине нуово». Вход во двор был перегорожен колючей проволокой. К счастью, прошел слух, что двор заминирован. Группы фашистов иногда проходили мимо входа, но никогда не останавливались. Сотрудники редакции всегда были настороже и имели оружие под рукой.

Здания партии, кружков, Палаты труда охранялись специальными отрядами. Однако фашисты предпочитали нападать вечером или ночью на известных им коммунистов и руководителей профсоюзов.

Грамши разоблачал хозяев в качестве истинных организаторов фашистских преступлений, соучастниками которых были монархия, армия, суды, печать, а также критиковал инертность Итальянской социалистической партии.

Однако внутри фашистского движения Грамши различал существенно новый элемент: мелкобуржуазное бунтарство — выражение тяжелых условий жизни и душевного состояния разочарованных войной мелких буржуа, недовольных социальным и экономическим положением, настроенных против рабочих в силу своей классовой принадлежности. На них и рассчитывали фашистские демагоги, подталкивая их к завоеванию власти.

Грамши признавал, что часть буржуазии не желает разрушать видимость формальной демократии, более того, эта часть желает усовершенствовать буржуазно-демократическое государство в собственных целях, прибегая при этом даже к сотрудничеству с социал-демократией. Но он понимал и видел реальную возможность захвата власти фашизмом, государственного переворота.

В подобной ситуации Грамши считал революционной целью не только противостоять вылазкам чернорубашечников, но и создавать крепкую организацию коммунистической партии, способной к решительному сопротивлению, укреплять связи партии с широкими рабочими и народными массами и ее политическое руководство.

В то время это была трудная задача. В обстановке неуверенности и противоречий внутри социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда и острой полемики нельзя было надеяться на достижение единства пролетариата, участвующего в борьбе против фашизма.

Экономический спад служил питательной средой для фашистских бесчинств. Спад привел к отказу от реформистских тенденций, существовавших у некоторых групп крупных промышленников, и сместил вправо позиции Конфиндустрии[1]. Этот процесс сопровождался ослаблением позиций профсоюзов и уменьшением сплоченности рабочего класса перед лицом наступления хозяев.

---

[1] Конфиндустрия — Конфедерация промышленников.— *Прим. перев.*

На всех фабриках и заводах существовали «черные списки». Принимались «меры» против профсоюзных и партийных руководителей на предприятиях.

В марте 1921 года в Турине произошли массовые увольнения и резкое сокращение рабочих часов в неделю. В апреле ФИАТ сообщил об увольнении 1500 рабочих на предприятии «ФИАТ — Чентро» и об увольнениях на своих более мелких производствах. Он аннулировал национальный контракт, подписанный после занятия предприятий, и заявил о введении на предприятиях старых правил внутреннего распорядка. В знак протеста против этого решения рабочие заявили о проведении общих собраний во всех цехах.

ФИАТ ответил на это локаутом. Завод был занят войсками. Войска и королевская гвардия заняли также и стратегические пункты города.

28 апреля фашисты подожгли здание Палаты труда. Туринские рабочие начали забастовку протеста. Фирмы «Ланча», СПА, «Итала», ФИАТ и другие ответили локаутом.

Борьба закончилась поражением рабочих. В начале мая они вышли на работу. Чувствовалась усталость рабочих перед лицом увольнений, беспощадной безработицы для включенных в «черные списки», нарушений трудовых договоров и безнаказанных бесчинств фашистов.

В ответ на нападки социалистов на фабрично-заводские советы Грамши опубликовал 14 марта на страницах «Ордине нуово» свой доклад «Туринское движение фабрично-заводских советов», направленный им в июле 1920 года Исполкому Коминтерна.

Движение фабрично-заводских советов целиком сохраняло ценность живого и непосредственного опыта, накопленного рабочим классом в индустриально развитом городе. Этот опыт был богат указаниями и стимулами для дальнейшего развития итальянского рабочего движения.

Партия продолжала организовывать свои секции и федерации, создавать свою печать. Развивалась сплоченная организация активистов партии, которая, несмотря на ограниченность, свойственную идеям Бордиги, стала одним из элементов новой действительности Италии.

Новая ежедневная газета «Комуниста» [1] начала выходить в Риме. Ее возглавил Тольятти, которого на посту

---

[1] «Коммунист».— *Прим. перев.*

главного редактора «Ордине нуово» заменил Леонетти. В Триесте начала выходить газета «Лавораторе» [1].

Разные организации партии стали издавать собственные периодические издания. Национальный профсоюзный комитет партии начал издание «Синдакато россо» [2] в Милане, им руководили Террачини и Репосси. Руководство партии два раза в месяц издавало «Рассенья комуниста» [3]. Кроме того, на французском и немецком языках выходил информационный ежемесячник «Боллеттино» [4] для иностранных товарищей. Федерация коммунистической молодежи выпускала в Риме «Авангуардиа» [5].

Постепенно в различных провинциях начали выходить еженедельники или двухразовые издания в месяц, посвященные местным проблемам или темам общей коммунистической пропаганды. Ими руководили провинциальные комитеты партии в сотрудничестве с местными активистами.

В Турине газета «Ордине нуово» притягивала не только рабочих и членов партии, но и представителей мира культуры и искусства. В тот год в Турине вся работа и вся деятельность партии проходили под знаком идей Грамши.

После съезда в Ливорно мы созвали первую ассамблею женщин-коммунисток, посвященную вопросам занятости. В ожидании указаний руководства партии мы решили попросить у редакции «Ордине нуово» места в газете для освещения вопросов эмансипации женщин. 10 февраля «Ордине нуово» опубликовала обращение II конгресса Коминтерна «К трудящимся женщинам всего мира».

Грамши поручил мне готовить на страницах «Ордине нуово» еженедельную публикацию «Трибуна женщин». 24 февраля под рубрикой «Трибуны» было опубликовано решение Исполкома Коминтерна об учреждении Международного женского секретариата под руководством Клары Цеткин, в котором содержался призыв к коммунистическим партиям создавать национальные комитеты для работы среди женщин и аналогичные комитеты в местных секциях партий. В тот же день «Трибуна» опубликовала первую статью о неравной оплате женского труда.

Мне было трудно найти сотрудниц для этой рубрики. Женщины охотно обсуждали со мной различные темы, но

---

[1] «Трудящийся».— *Прим. перев.*

[2] «Красный профсоюз».— *Прим. перев.*

[3] «Коммунистическое обозрение».— *Прим. перев.*

[4] «Бюллетень».— *Прим. перев.*

[5] «Авангард».— *Прим. перев.*

не осмеливались писать в газету. Их смущала журналистская деятельность. Они всегда считали, что это не их дело.

Я начала в ясных и понятных выражениях говорить в «Трибуне» о некоторых вопросах женской эмансипации. Например, в статье «Наш феминизм» я попыталась дать характеристику нашего движения, которое «не является и не должно быть феминистским движением... Мужчина и женщина имеют собственную функцию в жизни, имеют физиологические, духовные и чувственные различия. Речь идет о том, чтобы поставить того и другого в условия, когда каждый может свободно использовать, проявлять и развивать собственные достоинства на благо самому себе и всему обществу» [1]. В первую очередь нужно признать за женщиной, как и за мужчиной, право на оплачиваемый производительный труд и то, что женщина-мать не должна терять права на экономическую независимость. В задачу общества входит примирение этих двух потребностей, «поскольку кормление и воспитание ребенка кроме удовлетворения естественного материнского инстинкта является производительным трудом и полезно всему человечеству».

В короткой заметке о проходившей в то время во Франции дискуссии о законодательстве об аборте я затронула вопрос об условиях, определяющих вопрос о контроле над рождаемостью. «Как можно убедить работницу, выполняющую тройной труд: рабочей на фабрике, домохозяйки и матери — не остерегаться материнства?»

В следующей статье «Работницы-матери» рассматривался вопрос об истощении женщин из-за двойной нагрузки — на предприятии и дома. «Не является ли социальным неравенством то, что на плечи работающей жены и матери легла такая огромная, изнурительная тяжесть? Рожать, кормить и воспитывать детей — это трудное, тонкое и важное дело. Само по себе это занимает целый день женщины, отнимает все ее силы. К тому же для общества это производительный труд. И нужно, чтобы общество признало труд матери в качестве таковового» [2].

Но «Трибуна женщин» много внимания уделяла условиям, в которых жили и работали наиболее эксплуатируемые труженицы. Я сама видела, как работницы рисовых плантаций проводили целый день под палящим солнцем, по колено в воде, где их кусали пиявки. Их плохо корми-

[1] «L'Ordine Nuovo», 10 marzo 1921.
[2] «L'Ordine Nuovo», 24 marzo 1921.

ли, а ночью они спали все вместе на соломе в сарае. И после 40 дней тяжелого труда их в повозках для скота отвозили домой с несколькими грошами в кармане. Почти все они болели малярией, и их протест против такой жизни выражался в горьких и тоскливых песнях. А труд бедных женщин в качестве прислуги в богатых семьях? Работа без отдыха. Их эксплуатировали и унижали до крайности, и ни у кого они не могли найти защиты. Много было заметок и о других аспектах положения женщин дома, на производстве и в обществе.

Это были краткие, элементарные заметки о сложных и трудных темах женской эмансипации в рамках более широкой и общей темы освобождения рабочего класса. Мы старались давать и другие заметки, например о женской моде, но и их мы рассматривали в связи с существующими социальными отношениями, капиталистической прибылью. А иногда мы печатали статьи о борьбе и завоеваниях женщин в других странах.

В марте 1921 года мы попытались придать широкий размах нашим первым мероприятиям, посвященным Международному женскому дню. Однако вмешался Бордига. «Руководство партии,— сказал он,— знает о зарождающемся в Турине женском движении и охотно отдало бы часть своей энергии для распространения этого движения во всех областях Италии. Однако вопросы внутренней организации поглотили все внимание руководства, которое в этот начальный период должно было продумать много вопросов и заниматься ими. Как только представится возможность, руководство партии создаст национальный комитет для организации коммунистической пропаганды среди женщин всей Италии».

И действительно, через некоторое время руководство компартии создало центральный отдел по работе среди женщин под руководством Гриеко, который организовал в Риме издание «Компанья» [1], выходившее два раза в месяц. Несколько месяцев спустя в нем начала сотрудничать Рита Монтаньяна.

Весной Джолитти распустил палату депутатов и назначил новые выборы на 15 мая. Он надеялся, что в данной обстановке новые выборы перечеркнут успех, достигнутый левыми силами в 1919 году.

---

[1] Газета для женщин «Коммунистка».— *Прим. перев.*

Предвыборная кампания подстегнула фашистов к организации насилий и провокаций. В выборах приняло участие только 56% избирателей. Однако общее число избранных по отдельным спискам социалистов и коммунистов не показало уменьшения числа голосов, поданных за ИСП в 1919 году. Существенно не изменился и состав палаты депутатов. Во вновь избранном парламенте было 123 депутата от социалистической партии и 15 депутатов от коммунистической партии, в то время как в 1919 году было избрано 156 депутатов-социалистов. Кроме социалистов и коммунистов были избраны 108 депутатов от народной (католической) партии, 256 — от правящей либеральной партии, 6 республиканцев, 35 фашистов и 25 депутатов по остальным спискам.

Вылазки и насилия фашистов принимали все больший размах. В первом полугодии 1921 года фашисты разгромили и подожгли 59 помещений Палат труда, 25 народных домов, 86 помещений кооперативов, 43 здания крестьянских лиг, 50 секций социалистической и коммунистической партий, редакции многих рабочих газет.

Для отражения фашистских нападений в Риме была создана организация «народных смельчаков». При сотрудничестве и поддержке наших товарищей она быстро распространилась по всей Италии.

Депутат от социалистической партии Мингрино высказал пожелание, чтобы деятельность «народных смельчаков» ограничилась только профсоюзными рамками. Грамши же утверждал на страницах «Ордине нуово», что коммунисты поддерживают движение «народных смельчаков», потому что «они содействуют мобилизации пролетариата».

Но именно по этим вопросам реальных антифашистских действий проявлялись принципиальные разногласия между Грамши и бордигианским руководством партии. Бордига отказывался рассматривать фашистскую угрозу в связи с перспективами политической деятельности партии. Он допускал лишь необходимость защиты со стороны вооруженных коммунистических групп. Грамши же, не игнорируя фашистскую угрозу и предвидя возможность государственного переворота со стороны фашистов, считал необходимой широкую мобилизацию народных масс для организации сопротивления фашизму.

Непримиримо-сектантское отношение Бордиги к организации «народных смельчаков» исключало, однако, «вся-

кое сотрудничество коммунистов с организациями, не созданными и не контролируемыми партией».

Руководство партии расширяло и укрепляло сплоченность коммунистов во всех федерациях партии. Но была упущена возможность создания более широкого народного объединения против фашизма.

В июле 1921 года другой товарищ заменил Саморé на посту руководителя «отрядов пролетарской защиты», и я перестала служить «почтовым ящиком» для его приказов. Грамши хотел, чтобы я вошла в состав редакции газеты и отвечала за информацию о международном рабочем движении, коммунистических партиях и Коминтерне.

Для меня эта работа имела огромное значение. В редакции работало несколько товарищей, пришедших из «Аванти!», как, например, Оттавио Пасторе и Альфонсо Леопетти, несколько молодых студентов и рабочих, совершенно не знакомых с журналистикой: учившийся в лицее и не достигший еще и двадцати лет Аморетти, студент Платоне, молодой рабочий-металлург Марио Монтаньяна.

У газеты были способные внештатные корреспонденты: Дзино Дзини, Пьеро Гобетти — театральный критик газеты, Умберто Калоссо, Леонида Репачи, отличный карикатурист Пьеро Чуффо и другие.

Грамши сумел быстро и основательно узнать своих сотрудников. Он умел с каждым беседовать по-товарищески, слушать, подбадривая собеседника дружеским взглядом.

В работе он требовал серьезности и дисциплины, постоянной внутренней самокритики, не позволявшей укорениться лени, бездумному дилетантству, «звездной» болезни, и прежде всего духовной и моральной расхлябанности. Он помогал всем, внимательно прислушивался к критическим замечаниям и советам, заботился о том, чтобы каждый вырабатывал привычку к ответственному марксистскому мышлению.

Каждый вечер вместе с молодыми сотрудниками редакции он ждал первый отпечатанный номер газеты. Он внимательно прочитывал ее всю целиком, прочитывал как самый скромный будущий читатель, комментировал и критиковал прочитанное.

Этот час анализа газеты был настоящей ежедневной школой коммунистической журналистики. Он давал пра-

вильное понимание нужд трудящихся, народа и существующего положения не только в их внешних проявлениях, но и понимание их глубоких внутренних корней во всей сложности их связей и противоречий, в их диалектике. С юмором Грамши разбивал предрассудки и банальности, боролся со скептицизмом и цинизмом. Он был настоящим революционером и внушал окружающим веру в революцию.

Для него партийная газета была живым словом коммунистов, которое надо было нести рабочим массам, крестьянам, интеллигенции, чтобы каждый знал, что думают коммунисты, что они предлагают в конкретный момент и по конкретному вопросу.

Эта роль газеты казалась относительно легкой, когда речь шла об освещении крупных событий и общих политических директив. Но Грамши подчеркивал ее необходимость и при анализе мелких фактов, происходивших ежедневно в жизни тружеников города и деревни, в домах и семьях простых людей. И действительно, каждый вечер хроника газеты становилась предметом глубокого обсуждения и критического анализа.

По этому случаю я вспоминаю один эпизод, который поразил меня в первые же дни моей работы в редакции. В Турине двое братьев из обеспеченной семьи, желая поскорее получить наследство старой тетки, убили ее при соучастии домашней прислуги, шестнадцатилетней деревенской девушки, пообещав жениться на ней. Эта несчастная, находившаяся после преступления в состоянии испуга и ужаса, повела себя так, что убийцы были быстро арестованы. В конце концов она сошла с ума и была помещена в сумасшедший дом.

Газеты наперегонки стремились разбудить любопытство к этому событию черной хроники. Наша газета поручила товарищу Платоне заняться этим случаем. Возможно, увлекшись духом соперничества и конкуренции с другими газетами, он решил опередить их всех. На протяжении двух или трех дней «Ордине нуово» выходила с подробными описаниями преступления братьев Кого, снабженными рисунками дома жертвы, пути следования преступников, сценами нападения, убийства и т. д. Никакая другая газета не смогла соперничать с «Ордине нуово» по информированности и оперативности работы.

Вечером третьего дня Грамши, который до этого не комментировал эти живописные колонки хроники, оста-

новил на них свое внимание. Он спросил у Платоне, как ему удалось собрать такой богатый и подробный материал. Платоне весело ответил, что он просто собрал основные сведения из обычных источников, а подробности — из разговоров с журналистами, привратниками, любопытными, на основе слухов. И на этой основе восстановил события.

— С фантазией Платоне можно создать хороший рассказ,— иронизировал Марио Монтаньяна.

— Но речь идет не о создании хорошего рассказа,— заметил Грамши,— мы имеем дело с живыми людьми.

Далее он спросил у Платоне, познакомился ли он с жизнью, настроениями и желаниями этих людей, пытался ли он провести какое-то собственное исследование этой истории.

— Но как может хроникер заниматься углубленным изучением событий хроники, когда в течение нескольких часов газета должна дать о них сообщение? — возразил Платоне.

Но именно поэтому Грамши спрашивал, может ли журналист на основе поверхностных сведений по своему усмотрению представлять общественности участников событий. Они ведь люди, живые люди, которым предстоит суд.

Возникла интересная и горячая дискуссия по этому вопросу. В разгар дискуссии Платоне обратил внимание на тот факт, что все газеты уделили много места этому преступлению. Читатель интересуется подобными событиями, ищет сообщения о них в газетах и отдает предпочтение той газете, которая дает ему максимум подробностей.

Грамши признал, что это действительно так. В этом проявляется естественный человеческий интерес. События из жизни людей, особенно чрезвычайные, приковывают внимание. Но существует также и нездоровое, болезненное любопытство, разжигаемое рекламой, печатью и другими средствами информации, которые определяют и направляют в определенное русло мысли людей и их эмоции. Мы не можем игнорировать эту действительность, более того, нужно, чтобы ею жила, в ней действовала и о ней как можно шире говорила наша газета. Но мы коммунисты и поэтому должны говорить о действительности с серьезностью и правдивостью коммунистов, на основе наших идей об обществе и с уважением к человеку, не забывая, когда это необходимо, выступать с отличным от других мнением и даже идти против этого мнения.

Кто-то возразил, что не всегда возможно соотнести факт хроники с нашими принципами. Грамши ответил, что подобное механическое сведение фактов к принципам было бы не только ошибочным, но и смешным. Тот, кто хочет писать для коммунистической газеты, должен каждый день в каждом написанном слове оставаться коммунистом. Его убеждения, его мысли, вся его жизнь должны быть жизнью коммуниста.

По данному конкретному случаю Грамши сказал, что из-за нашего уважения к человеку мы не можем больше тешить публику, как это делалось до сих пор, рассказом о братьях Кого. Из-за уважения к читателям и вытекающей из этого обязанности тщательно и серьезно подходить к сбору информации было решено в кратком предисловии к следующему репортажу сказать, что в предшествующих репортажах о деле Кого мы хотели продемонстрировать, что наша газета не хуже других может давать подробные журналистские репортажи о любых событиях, включая уголовные. Однако наша газета сознательно, на основе своих принципов и идей делает свой выбор тем для репортажей и способов их подачи. Поэтому дальнейшее освещение дела братьев Кого будет идти в тех рамках, которые мы считаем правильными.

Товарищу Платоне поручили написать короткое вступление к хронике следующего дня. Он был этим немного удивлен. Но затем очень обрадовался тому, как это необычное сообщение было принято рабочими.

В общении с Грамши формировались наши первые журналисты-коммунисты, созревал новый метод мышления, анализа и исследования событий, новое понимание людей, отношений между ними. В них зрело стремление сознательно добиться единства убеждений и поведения.

В наиболее трудные и тяжелые годы нашего движения эти журналисты были верными проводниками линии партии, ее организаторами. Они писали и распространяли наши подпольные издания. Они помогли сформироваться в труде и борьбе новому поколению наших товарищей. Они способствовали развитию партии и ее деятельности, становлению ее печати.

Позднее Пьеро Гобетти скажет: ««Ордине нуово» была самой интеллигентной газетой Италии, в ней все органически сочеталось: дух самопожертвования и идеалы свободы, «шапки» и сообщения из раздела театральной хроники, письма рабочих и статьи Ленина. Рабочие читали

и обсуждали ее, они становились почти фанатиками культуры».

Наверное, иногда в «Ордине нуово» проскальзывали статьи, сообщения и комментарии, отражавшие идеи Бордиги, что казалось противоречивым. Но ведь «Ордине нуово» не была газетой Грамши, она была партийным органом и не могла не отражать взгляды бордигианского руководства, его экстремизм и ограниченность.

В силу причин, о которых уже сказано, Грамши в тот первый период становления партии после съезда в Ливорно не выступал открыто против позиций Бордиги. Свое несогласие он выражал лишь в беседах с самим Бордигой и некоторыми другими товарищами.

По Уставу, политическое руководство коммунистической печатью принадлежало Исполнительному комитету партии. По некоторым вопросам в партии существовали различные мнения. Поэтому были неизбежны колебания, которые время от времени проявлялись на страницах нашей газеты.

По случаю годовщины занятия предприятий «Ордине нуово» вышла с обращением к итальянскому пролетариату, в котором подчеркивалась упорная деятельность, осуществленная в тот год партией. Несмотря на разгул реакции и трудности, она сумела в первые месяцы своей жизни «организовать кадры, объединить преданных активистов, тесно сплотить свои ряды и начать свою деятельность для того, чтобы коммунистическая партия стала партией широких народных масс итальянских трудящихся» [1].

Достижение этой цели, которую Грамши определял в качестве основной, встретило сопротивление со стороны бордигианского руководства. И именно по этому вопросу возникли разногласия с Коминтерном.

В июне 1921 года в Москве собрался III конгресс Коминтерна.

Революционная перспектива, которая вызвала рождение III Интернационала, исчерпала себя после поражения революционных движений в Германии и Венгрии, после спада революционного подъема в Италии и других странах

---

[1] «Gli insegnamenti del settembre 1920».— «L'Ordine Nuovo», 2 settembre 1921.

Западной Европы. Вновь началось наступление сил капитала. Коминтерн должен был определить новую тактику для себя самого и для своих национальных секций на основе изменившихся условий и возможностей.

Перед Коммунистической партией Италии это требование встало как раз в период создания партийной сети, когда она еще вела ожесточенную полемику, которая привела к расколу старой ИСП и отдалила партии, вышедшие из этого раскола, друг от друга, когда она каждый день была вынуждена оказывать упорное сопротивление фашистским провокациям и когда в ней было сильно политическое руководство Бордиги, считавшее, что линия Учредительного конгресса Коминтерна и вытекающая из него тактика Коммунистической партии Италии должны остаться неизменными.

В качестве основных целей для коммунистических партий III конгресс Коминтерна установил завоевание большинства трудящихся и создание единого фронта против капиталистического наступления.

Но бордигианское руководство коммунистической партии отвергало эти указания. Террачини, представлявший партию на III конгрессе Коминтерна, выступил с позиций бордигианского руководства, на что Ленин ответил критикой экстремизма и сектантства итальянских коммунистов. Он подчеркнул, что страны Западной Европы находятся в других условиях по сравнению с Россией 1917 года и эти объективные различия требуют вносить изменения в тактику. Ленин подчеркивал необходимость для молодых коммунистических партий стать политически действенной силой для завоевания большинства рабочего класса на свою сторону.

«Достаточно совсем маленькой партии, чтобы повести за собой массы...— говорил Ленин, обращаясь, в частности, к Террачини.— Но для победы надо иметь сочувствие масс. Не всегда необходимо абсолютное большинство; но для победы, для удержания власти, необходимо не только большинство рабочего класса... но и большинство эксплуатируемых и трудящихся сельского населения» [1].

В работе III конгресса Коминтерна приняла участие и делегация Итальянской социалистической партии в составе Ладзари, Маффи и Рибольди, подтвердившая желание ИСП вступить в Коминтерн.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 32.— *Ред.*

Помимо вопросов об общей политической линии разногласия между Коминтерном и Коммунистической партией Италии существовали еще и по вопросу об отношениях между коммунистами и социалистами. Ленин произнес речь на французском языке, чтобы итальянские делегаты могли слушать его без переводчика.

Ленин еще раз подтвердил свою критику, свое суровое мнение о политике Итальянской социалистической партии и о решениях ее максималистского центра в Ливорно. Он еще раз заявил о необходимости того, чтобы настоящие интернационалисты-социалисты отделились от реформистов, но сказал также и о возможности, более того, о необходимости, создания единого фронта борьбы против фашизма.

Делегаты Итальянской социалистической партии получили от конгресса мандат, подтвердивший призыв к ИСП отделиться от реформистов и объединиться с коммунистами.

Когда «три пилигрима из Москвы» вернулись в Италию, социалистическая партия встретила их с плохо скрываемой иронией. Но они сохранили верность позициям конгресса Коминтерна, которые позднее были выражены в «интернационалистской резолюции», и объединили вокруг себя новых левых в социалистической партии, согласных слиться с коммунистами.

В Италии фашисты продолжали безнаказанно совершать преступления. Государственные чиновники, служащие полиции и судебных органов стали морально и фактически соучастниками преступлений фашистов. С фашизмом они связывали свою карьеру.

По всей стране у фашистов были склады оружия и боеприпасов. Повсюду они создавали строго иерархические организации, устраивали свои красочные и шумные сборища. Логично было думать, что они стремились завоевать власть в стране.

«Социалисты,— писал Грамши,— никогда не задавались вопросом о возможности фашистского государственного переворота. Думали ли они когда-нибудь о средствах защиты и о том, чтобы перейти в наступление?»

На деле же и Бордига не ставил перед собой подобный вопрос, ограничиваясь своей упрощенной схемой: или диктатура буржуазии без всяких различий форм и оттенков,

или диктатура пролетариата, сведенная к диктатуре партии, служащей завоеванию социализма.

В июле 1921 года фашисты из различных провинций съехались в город Гроссето, однако встретили мощный отпор.

Аналогичное событие произошло в Тревизо, затем они попытались организовать захват Витербо, но народные массы сумели оказать достойное сопротивление фашистам. В этих столкновениях насчитывались десятки убитых, в основном коммунистов и социалистов.

Много зданий газет, кооперативов, рабочих организаций было разрушено, дома многих известных активистов были ограблены и разгромлены.

Наиболее трагические последствия имела вылазка фашистов, которая произошла в Сарцане, где насилие достигло, казалось, своего предела.

После этого между парламентариями от социалистической и фашистской партий начались переговоры о заключении «пакта умиротворения».

Грамши пристально следил за этими противоречивыми переговорами и утверждал в своих статьях в «Ордине нуово»: «Коммунисты не идут на сделки, а борются и сражаются, испытывают боль поражения, но не просят мира у тех, для кого мир труда является объектом классового насилия» [1].

3 августа «пакт» был подписан Муссолини от имени фашистского национального совета, представителями парламентских фракций социалистической и фашистской партий и Всеобщей конфедерации труда, а также председателем палаты депутатов. В нем торжественно провозглашался отказ от насилия в политической борьбе.

Газете «Аванти!», утверждавшей, что претворение в жизнь и контроль за выполнением «пакта» принадлежат государству, Грамши ответил: «Нас нисколько не интересует, обладает ли государство возможностями и авторитетом, имеет ли оно необходимые средства для претворения в жизнь «пакта»... Нас не интересует, является ли это соглашение перемирием или миром — время покажет. Мы хотим знать, окончательно ли социалистическая партия отказалась от методов классовой борьбы, вручив себя в руки государства и став его защитницей. Мы хотим знать, счи-

---

[1] «Tra le pieghe della bandiera bianca».— «L'Ordine Nuovo», 13 luglio 1921.

тает ли социалистическая партия фашизм в качестве «политической партии», организации, могущей взять на себя обязательство с гарантией его выполнения» [1].

И действительно, против этого соглашения сразу же выступили организации фашистской партии в областях Эмилии, Венето и Тосканы, к которым постепенно присоединились другие провинциальные фашистские организации.

На деле начался массовый разгул фашистского насилия. Кажущийся кризис фашизма завершился фашистским съездом в Риме. С 7 по 12 ноября весь Рим был оккупирован фашистскими отрядами, прибывшими из разных городов на свое сборище. Произошли серьезные столкновения между ними и населением города.

На съезде было объявлено о создании Национальной фашистской партии. Тем самым окончательно была отброшена демагогическая программа 1919 года и аннулирован «пакт умиротворения».

Грамши спрашивал: «Думают ли реформистские руководители профсоюза, что оппозиция возможному военному государственному перевороту входит в задачи Всеобщей конфедерации труда?

Сам факт, что 30 тысяч вооруженных и организованных фашистов заняли столицу, а правительство не противодействовало этой оккупации и даже не попыталось разоружить преступников до их вступления в Рим, уже является нарушением основного закона королевства. Разве не обязаны мы расценивать это как самую настоящую подготовку к государственному перевороту?

...В какой иной форме может выразиться народное сопротивление государственному перевороту, если не в форме всеобщей забастовки в промышленности и на транспорте?

...Если профсоюзные руководители намерены винтовкам и бомбам фашистов противопоставить листки своих резолюций, они должны прямо и откровенно заявить об этом. По крайней мере народные массы будут знать, что могут рассчитывать только на свои силы» [2].

5 декабря девять рабочих, участвовавших в столкновениях во время занятия предприятий, в ходе которых погиб

---

[1] «Bancarotta fraudolenta».— «L'Ordine Nuovo», 5 agosto 1921.
[2] «Alcune domande ai capi sindacali».— «L'Ordine Nuovo», 12 novembre 1921.

один солдат королевской гвардии, были приговорены к тяжкому наказанию. Трое из них были осуждены на 23 года тюрьмы.

В знак солидарности с жертвами этого классового приговора трудящиеся Турина провели массовую 24-часовую забастовку.

И вновь прозвучал голос Грамши: «Необходимо создать фронт общих действий всего пролетариата и противопоставить его объединенному антипролетарскому фронту.

...И именно профсоюзные руководители особенно должны это понять» [1].

«Сопротивление римского населения вторжению 30 тысяч вооруженных фашистов,— писал Грамши,— сплоченность трудящихся в ходе всеобщих забастовок в Лигурии и Венеции-Джулии, туринская забастовка в знак протеста против суда, стоящего на службе у государственной верхушки и латифундистов, показали, что итальянский народ еще способен бороться, демонстрируя самопожертвование и сплоченность на поле боя, несмотря на все катастрофические предсказания реформистских руководителей.

Однако даже после этих выступлений, после очевидных доказательств возможности подъема движения руководители социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда продолжают свою тактику пацифизма во что бы то ни стало» [2].

То, что Грамши открыто не выступал против позиций руководства партии, то есть соблюдал политическую дисциплину, не мешало ему выражать свое мнение и оставаться верным своему методу анализа действительности во всей ее сложности. Грамши понимал, что Коммунистическая партия Италии еще не стала партией широких народных масс. После поражения рабочего класса в 1920 году часть народных масс, которая ранее верила в социализм, разуверилась в нем. «Бунтарский дух» фашистов постепенно увлек за собой наиболее недовольную и беспокойную часть мелкой буржуазии. Крестьяне же доверяли народной партии.

В сельских районах во время выборов произошло сближение между народной партией и социалистами. В общем хаосе Грамши считал этот процесс объективно положи-

---

[1] «Solidarietà operaia».— «L'Ordine Nuovo», 7 dicembre 1921.
[2] «Da Bologna a Milano».— «L'Ordine Nuovo», 14 dicembre 1921.

тельным. Он с большим вниманием следил за деятельностью левых католиков, сплотившихся вокруг Гуидо Мильоли.

Грамши считал, что тяжелое положение требовало согласия между всеми антифашистскими политическими силами итальянского народа.

По инициативе профсоюза железнодорожников руководители профсоюзных организаций решили 20 февраля 1922 года учредить национальный комитет, названный «Союз труда», с целью «противопоставить объединившимся силам реакции союз пролетарских сил».

«Союз труда» родился не по инициативе коммунистической партии и без ее участия, и руководство партии смотрело на него подозрительно, опасаясь, что он будет иметь реформистский характер. К тому же из него были исключены представители коммунистической фракции, опиравшейся на значительные силы внутри Всеобщей конфедерации труда.

Грамши считал образование этого единого национального комитета важным событием. «То, что произошло в верхах, должно повториться в низах, в пролетарской среде, везде, где рабочий класс и крестьянство борются за свое существование и свободу. Национальный комитет «Союза труда», если он хочет жить и развиваться, должен иметь свою основу в виде местных комитетов, непосредственно избираемых массами, организованными в различные профессиональные союзы». Для реального образования единого пролетарского фронта, утверждал Грамши, «коммунисты приложат свои пропагандистские и организационные усилия» [1].

Обращение партии подчеркнуло необходимость призыва масс к действиям. «Только всеобщая национальная забастовка,— говорилось в нем,— может быть тем средством, при помощи которого союз добьется своей цели. И с самого начала участвующие в нем организации должны приложить усилия для реализации этой решающей формы пролетарского действия» [2].

«Союз труда» не объявил о своих методах деятельности. Он сохранил свой бюрократический характер, отразив на деле неэффективность, неуверенность и разногласия составляющих его сил.

---

[1] «L'Alleanza del lavoro».— «L'Ordine Nuovo», 21 febbraio 1922.
[2] *P. Spriano*. Op. cit., vol. I, p. 196.

Руководство Всеобщей конфедерации труда, которое задавало в нем тон, пыталось преградить путь фашистам, включив социал-демократов в правительственное большинство, чему противодействовали социалисты-максималисты.

Во время создания «Союза труда» 20 марта 1922 года в Риме открылся II съезд Коммунистической партии Италии. До открытия съезда были опубликованы тезисы о тактике, написанные Бордигой и Террачини, тезисы о профсоюзах, представленные Грамши и Таской, тезисы об аграрном вопросе, написанные Санной и Грациадеи. Из-за малого срока, оставшегося до открытия съезда, эти тезисы не были широко обсуждены в секциях и федерациях партии.

Тезисы о тактике отражали бордигианские позиции и политику руководства, проводившуюся в течение первого года существования партии. Фашистское насилие определялось в них как «естественная стадия развития капиталистического строя», против которого нужно бороться с целью «сделать менее тяжелыми и печальными последствия насилия». В обстановке все более широкого наступления буржуазии вновь говорилось о «социал-демократической перспективе, которая отняла бы последние иллюзии у пролетариата». Аналогичное значение придавалось единому профсоюзному фронту, единственно признанному фронту. «Общие тактические установки,— утверждалось в тезисах,— должны уточняться в некоторых подвижных рамках, которые становятся более ясными и менее колеблющимися по мере усиления движения и его приближения к своей конечной победе».[1].

Тезисы подчеркивали добровольный характер, дисциплину и централизм партии, а также правило, по которому в партию не могли вступать другие партии или группы, вышедшие из других партий. Вступать в партию можно только в индивидуальном порядке.

Такими мерами и идеологическими гарантиями намеревались защитить классовый характер партии и ее революционную роль от опасности вырождения. Исполком Коминтерна подверг критике тезисы о тактике. Они глубоко отличались от стратегии и тактики III конгресса,

---

[1] «Verso il congresso del Partito comunista d'Italia. Le tesi che saranno presentate per la discussione sulla tattica».— «L'Ordine Nuovo», 3 gennaio 1922.

особенно по вопросам единого фронта, завоевания большинства пролетариата, применения общих принципов к реальным ситуациям и соотношению сил, по вопросам о временных лозунгах и о слиянии с социалистами, вопросу, остро стоявшему в то время перед Коммунистической партией Италии.

После долгих дискуссий Исполкома Коминтерна с руководителями итальянских коммунистов было решено, что эти тезисы будут представлены съезду в Риме в качестве тезисов «для консультации как вклад в подготовку IV конгресса Коминтерна», который должен был состояться в ноябре [1].

Тезисы о профсоюзах подчеркивали значение профсоюзного единства и призывали к созданию профсоюзных коммунистических групп на каждом предприятии. В них чувствовались идеи Грамши, но больше в качестве принципиальных положений, чем указаний для практических действий.

Тезисы по аграрному вопросу имели программный характер. В них не говорилось о частичных или ближайших целях и не содержалось временных лозунгов. В их общей направленности отражались тезисы по этому вопросу, одобренные II конгрессом Коминтерна.

Грамши поехал на съезд с намерением отмежеваться от Бордиги. Он считал, что перед лицом наступления буржуазии и фашизма нужно искать новые, более гибкие методы деятельности и политической борьбы, соответствующие потребностям текущего момента.

Редакция «Ордине нуово» вышла за установленные партией рамки в вопросе о контактах с другими силами. Она вела дискуссию с левыми католиками, поднимала вопросы о положении крестьян на Юге, вела диалог с интеллигенцией и т. д. Но узость доктринерских рамок руководства партии создавала препятствия для развития этих инициатив. Сектантство Бордиги служило препятствием и для развития массовой борьбы против фашизма. Грамши не разделял и позицию Бордиги по вопросу об отношениях с социалистами. Он внимательно следил за деятельностью фракции «третьеинтернационалистов», сплотившихся вокруг Маффи, Ладзари и Рибольди, к которой присоединилась группа Тревизани из Неаполя, и положительно оценивал ее. Грамши старался завоевать на свою сторону

[1] *P. Spriano*. Op. cit., vol. I, p. 185.

искренне связанных с Интернационалом социалистов, что соответствовало линии Коминтерна.

Но в Риме Грамши убедился, что сейчас политика Бордиги принималась без возражений даже Террачини и Тольятти, которые ранее разрабатывали и осуществляли совсем другие концепции.

Кроме того, во время съезда образовалась агрессивная правая группа под руководством Таски. Она декларировала свое «полное согласие» с политической линией и решениями Коминтерна, но, в сущности, отказалась от духа Ливорно и от основных идей, приведших к созданию коммунистической партии.

Грамши ни в коей мере не хотел смешивать свои позиции с позициями Бордиги и группы Таски. Он попытался внести некоторые изменения в тезисы о тактике, так как не разделял положения, которые в них давались. Ему это частично удалось по вопросу о возможности фашистского государственного переворота. По другим вопросам он ограничился выражением своего несогласия в частных беседах.

Только на собрании туринской секции после съезда партии Грамши скажет: «Мы приняли тезисы Амадео (Бордиги) именно потому, что они в плане подготовки IV конгресса Коминтерна выражали лишь его точку зрения, а не руководство к действию. Мы решили сохранить единство партии вокруг ее основного ядра. Мы думали, что можем сделать эту уступку Амадео, принимая во внимание его большую роль во время организации партии. И мы об этом не жалеем. Политически было бы невозможно руководить партией без активного участия в работе ее центра Амадео и его группы.

Партия создавалась в обстановке спада рабочего движения, и нужно было сделать так, чтобы это отступление происходило без новых кризисов и новых угроз раскола внутри нашего движения, без добавления новых элементов раскола к тем, которые уже имелись в революционном движении в силу самого лишь его поражения».

В согласии с решением Исполкома Коминтерна Римский съезд одобрил эти тезисы. Он вновь избрал Исполнительный комитет партии в том же составе, сократил количество членов Центрального Комитета и частично изменил его персональный состав.

Через несколько дней так же повел себя съезд Федерации коммунистической молодежи.

Сразу же после съезда партии в Риме собралась первая конференция женщин-коммунисток под председательством Грамши.

Это было немногочисленное собрание. В Рим прибывали поодиночке или маленькими группами из основных городов Севера и центральной части страны, и кроме жены Бордиги, Ортензии Де Мео, кажется, была только одна представительница из Неаполя.

Грамши начал говорить, прохаживаясь по маленькому залу между нами, пытаясь завязать разговор, в котором без робости бы приняли участие все присутствующие. Он сразу же напомнил нам слова Ленина: «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия... Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины» [1].

Он напомнил указания Ленина по вопросу об эмансипации женщин и сказал, что эти указания нужно осуществлять, учитывая особенности итальянских условий. Нужно исходить из ленинского метода, из точного и строгого анализа действительности, чтобы иметь уверенность в выводах и твердость в решениях, четко отвергать абстрактную революционность на словах и со всей энергией осуществлять правильные и возможные задачи.

В нашей работе среди женщин нужно исходить из точного понимания различий условий жизни и мышления женщин, из их потребностей и желаний. В партии и в массах женщин нужно создать необходимые инструменты для этой тонкой работы.

В разговоре приняли участие все. Женщины рассказывали о своей жизни. Оживленное обсуждение вызвал вопрос о создании в партии особого отдела по работе среди женщин. Его начала товарищ Гросси из Милана. Она справедливо утверждала, что мужчины и женщины в равной мере являются бойцами партии с одинаковыми правами и обязанностями и ведут работу в зависимости от личных способностей и возможностей. Но из этого никем не оспариваемого утверждения она делала вывод, что не нужно создавать специальных женских организаций, что вся партия в целом и каждый ее активист, будь то мужчина или женщина, должны работать над решением этой задачи.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 185—186.— *Ред.*

Мы же, прибывшие из Турина, высказались в пользу таких организаций, исходя из нашего опыта. Для нас реальные условия жизни итальянок, несмотря на все различия и градации, не соответствовали тем, которые абстрактно, исходя из личного опыта, обрисовала товарищ Гросси. В реальной действительности вставал вопрос о дифференцированной работе среди женщин, чтобы пробудить в них осознание своих прав, инициативность, вовлечь их в борьбу. Вставал вопрос об особой организации этой работы в партии и о создании первой массовой женской организации, над чем мы и работали.

При помощи Грамши на конференции победила наша точка зрения. Грамши взял на себя обязанность поставить этот вопрос перед руководством партии. Он посоветовал нам развернуть по затронутым вопросам дискуссию в партии и продолжать нашу деятельность, учтя замечания, высказанные на первой встрече.

Наша работа среди женщин всегда была связана с событиями и борьбой текущего момента. Период моей работы в «Ордине нуово» был мне чрезвычайно полезен, он обогатил меня опытом борьбы и многому научил, и я пыталась передать накопленный опыт моим подругам по работе среди женщин.

Положение трудящихся все более ухудшалось. Росло число безработных. К концу 1921 года их насчитывалось 512 тысяч, а в январе 1922 года безработные составляли 607 тысяч, и с каждым месяцем безработица увеличивалась.

Всеобщее недовольство привело к падению слабого правительства Бономи. Начался длительный кризис, приведший к росту неуверенности и всеобщей неразберихи. В конце концов Факта, депутат от партии Джолитти, сумел сформировать правительство при участии народной партии и правых.

По всей стране проходили сборища фашистов. Рабочие организации, крестьянские лиги, Палаты труда разваливались под ударами фашизма, увольнений и сговора между крупными землевладельцами и главарями фашистских вооруженных отрядов.

Рабочие продолжали оказывать сопротивление только в крупных индустриальных центрах и в рабочих кварталах крупных городов.

В мае 1922 года Грамши оставил редакцию «Ордине нуово». Центральный Комитет партии назначил его представителем коммунистической партии в Исполкоме Коминтерна. До своего отъезда из Италии он выступил со своим последним предупреждением со страниц газеты: «Все сегодня способствует всеобщей борьбе — опыт прошлого и действительность настоящего, желание масс и условия жизни, которые им хотят навязать хозяева. Не понимать этого, продолжать и сегодня сопротивляться единству сил рабочего класса, путем различных компромиссов препятствовать его достижению означает запятнать себя преступлением, за которое история заставляет расплачиваться жизнью» [1].

Меня направили на новый участок работы, и я оставила газету. Из Рима прибыл товарищ Гриеко с большим чемоданом. «В нем содержится весь мой женский отдел»,— сказал он, вручая этот чемодан мне и Рите Монтаньяне. Руководство партии решило, что издание «Компанья» должно выходить в Турине в типографии «Ордине нуово». Руководство было поручено мне, Рита должна была заниматься административной деятельностью. Нам предстояло привлечь к сотрудничеству в нашем издании женщин.

Мы с Ритой организовали нашу редакцию в одной из мансард, где ранее жила Тереза Ноче. Там был лежак, который мы переоборудовали в диван, стол, несколько стульев, баул, который мгновенно можно было превратить в шкаф, и маленькая печь (к счастью, в тот период нам не надо было ее топить). Так началась наша работа.

Положение в стране стремительно ухудшалось. Несмотря на забастовки целых провинций в знак протеста против увольнений и уменьшения зарплаты, против произвола хозяев и фашистских провокаций, несмотря на героическое антифашистское сопротивление населения в различных районах страны, «Союз труда» не решался начать всеобщую и решительную борьбу против фашизма. Государственные органы были полностью парализованы.

В июне 1922 года в Милане прошел первый съезд фашистских корпораций. Позднее Модена, Болонья и Римини были оккупированы боевыми отрядами чернорубашечников при полном попустительстве полиции. Фашистские экспедиции распространяются на области Марке, Лацио,

---

[1] «L'esperienza dei metallurgici a favore dell'azione generale».— «L'Ordine Nuovo», 23 maggio 1922.

Апулия. Во многих местах вспыхивают сражения. Тактика фашистов везде одна: поджигать и убивать.

Становится ясно, что фашисты намерены овладеть индустриальным треугольником: Миланом, Турином и Генуей. Первой подверглась нападению Новара, но руководимые коммунистами рабочие массы организовали вооруженный отпор фашистскому насилию.

18 июля была объявлена всеобщая забастовка в Пьемонте, на следующий день — в Ломбардии. Но в Генуе социал-демократы не позволяют Лигурии присоединиться к забастовке. Бездействовавший до того Национальный комитет «Союза труда» приказал 20 июля немедленно возобновить работу в двух бастующих областях на Севере, а также в Марке, куда перекинулась забастовка. Руководство профсоюзов вновь выступило в качестве тормоза. Профсоюз железнодорожников и «Союз труда» сумели договориться лишь о ближайшем совместном выступлении.

19 июля пало правительство Факта. Турати после встречи с королем в Квиринальском дворце[1] понял, что предложение о сотрудничестве с социал-демократами даже не принимается во внимание. Он старается добиться, чтобы «Союз труда» оказал давление на правящие круги.

29 июля «секретный» комитет «Союза труда» решает объявить «законную» всеобщую забастовку в полночь 31 июля в «защиту политических и профсоюзных свобод».

Коммунисты Турина и Пьемонта настойчиво борются за проведение всеобщей забастовки. Выявляются значительные различия между энергичными и едиными действиями туринских коммунистов в городе и области и враждебным отношением к единому фронту со стороны руководства партии.

Однако «Союз труда», не опираясь на широкую сеть низовых комитетов, не мог осуществить необходимое давление снизу.

Фашисты угрожают жестокими репрессиями, если забастовка не закончится в течение 48 часов. В этом им способствуют бездействие и колебания социал-демократов, сектантский экстремизм Бордиги, бессилие максималистов и доверчивый оптимизм либералов. 31 июля Факта вновь сформировал правительство.

В битве между рабочим классом и фашистами поддержка властей была на стороне последних. Там, где фашисты

---

[1] Королевская резиденция.— *Прим. перев.*

не могли одолеть группы антифашистских борцов, вмешивалось военное командование, оно брало на себя власть, «восстанавливало порядок» и арестовывало коммунистов.

«Законная» забастовка не была подготовлена. Призыв к забастовке был неожиданным. Указанные в нем слишком общие цели не могли вызвать мощного подъема борьбы. К тому же эта борьба уже в течение длительного времени шла на убыль, несмотря на отдельные ожесточенные схватки.

Поддерживаемое силами государства фашистское наступление было хорошо подготовлено и вооружено. Оно началось повсюду одновременно, громя народные организации, рабочие кружки, Палаты труда, пролетарские газеты, кооперативы. На его стороне была мелкая и крупная буржуазия.

В Милане произошли кровавые схватки, были убитые и раненые. В районе генуэзского порта, в городах Брешиа, Ливорно и Бари, где рабочие соорудили окопы, проволочные заграждения и баррикады, против них были брошены войска.

Героической была битва в Парме. Возглавляемые Гуидо Пичелли «народные смельчаки» на протяжении пяти дней с успехом отражали нападение боевых отрядов фашистов, которыми руководил Итало Бальбо, прибывший специальным поездом. Затем к ним пришли на помощь еще 15 тысяч фашистов. «Народные смельчаки» превратили квартал Ольтреторренте [1] в самое настоящее поле боя и сопротивлялись до тех пор, пока Муссолини не приказал Бальбо отступить. После отхода фашистов регулярные воинские части оккупировали рабочие кварталы.

«Союз труда» продемонстрировал свою полную неспособность к ответственному руководству антифашистской борьбой.

«Законная» забастовка, ее быстрый разгром и репрессии вызвали только новое уныние и горечь в народных массах. «Катастрофа «законной» забастовки августа 1922 года...— писал Грамши,— привела только к одному результату. Она подтолкнула промышленников и корону к фашизму, а Муссолини — к решению совершить государственный переворот» [2].

---

[1] Ольтреторренте (Заречье) — часть города Пармы по левому берегу реки Пармы.— *Ред.*

[2] «Le elezioni».— «L'Ordine Nuovo», s. III, a. I, n. 1, 1 marzo 1924.

26 мая 1922 года из Италии в Москву выехали для участия в пленарном заседании Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала Бордига, Грамши и Грациадеи.

Итальянская делегация признала критику Римских тезисов со стороны Исполкома Коминтерна, взяла на себя обязательство придерживаться его решений и выдвинуть в Италии лозунг «рабочего правительства». Правда, вернувшись в Рим, Бордига заявил членам Центрального Комитета, что этот лозунг делегация признала, лишь подчиняясь дисциплине, потому что «рабочее правительство может образоваться только в результате крушения буржуазного строя». Грамши остался работать в Исполкоме Коминтерна в Москве.

Коммунистический Интернационал считал, что еще возможен разрыв между максималистами и реформистами, что социалистов, следовавших за Серрати, можно привлечь на нашу сторону. Коминтерн поддерживал связи с фракцией «третьеинтернационалистов» во главе с Маффи и Серрати и пытался добиться сотрудничества между коммунистами и социалистами в борьбе против фашизма.

В письме к Грамши Бордига, однако, утверждал, что Исполком КПИ выступает против любой политики соглашения с максималистами Серрати. «Мы,— добавлял он,— не будем вести переговоры ни со сторонниками Маффи, ни со сторонниками Серрати о том, куда вести дело на съезде социалистической партии, и о слиянии с нашей партией».

В октябре 1922 года на съезде социалистической партии Серрати решил совершить то, что в Ливорно ему казалось неприемлемым. В заключение своей речи он заявил: «Все, кто за революцию сегодня, завтра и даже в далеком будущем, не могут сотрудничать с теми, кто тянется к буржуазии». Большинство ИСП решило порвать с реформистами, и партия вновь раскололась.

Группа Турати образовала Итальянскую унитарную социалистическую партию, секретарем которой стал Маттеотти. Новая партия получила большинство среди депутатов-социалистов, завоевала сильные позиции в профсоюзах и кооперативах и вошла во II Интернационал. Ее официальным органом — газетой «Джустициа» [1] стал руководить Тревес.

---

[1] «Справедливость».— *Прим. перев.*

У ИСП осталось большинство членов партии и газета «Аванти!», возглавляемая Серрати. Партия вернулась в III Интернационал и собиралась послать в Москву делегацию в составе Маффи, Серрати, Тонетти, Гарруччо и Ромиты.

Тольятти так комментирует на страницах «Ордине нуово» «запоздалое раскаяние максималистов»: «Итальянские коммунисты уже доказали, что им чужды сентиментальность и мелочной эгоизм. То, что они считают важным отстоять для итальянских масс,— это политическое самосознание, на основе которого можно судить о настоящем и будущем. Коммунисты сознают, что политические партии — это не семейные объединения или дружеские компании, а организации единомышленников, рожденные реальной жизнью и обусловленные ее требованиями. Линия коммунистов в данный момент определяется лишь желанием сохранить силу и авторитет итальянской секции III Интернационала» [1].

Бордига резко отрицательно реагировал на решения ИСП и на предложение Коминтерна о сотрудничестве между двумя партиями.

На заседании ЦК Тольятти впервые поставил вопрос по-новому и высказал озабоченность создавшимся положением. Он подчеркнул, что необходимо считаться с новой обстановкой и, не впадая в абсолютную непримиримость, не идти на поводу у меньшинства, объединенного вокруг Таски, который, в сущности, оспаривал правомерность раскола в Ливорно. Тольятти был убежден, что Коминтерн выступает за сотрудничество с социалистами в качестве испытания максималистов. Он утверждал, что руководители компартии не должны отказываться от осуществления предложенной программы, потому что это входит в задачи политической группировки, которая, пойдя на раскол в Ливорно, взяла на себя обязанность способствовать образованию в Италии революционной партии рабочего класса.

Однако Центральный Комитет поручает делегации поддерживать позиции КПИ на IV конгрессе Коминтерна, который проходил с 5 ноября по 5 декабря.

В делегацию входили: Бордига, его жена Ортензия Де Мео, Адзарио, Дженнари, Марабини, Камилла Равера, Скоччимарро, Джерманетто, Бомбаччи, Трессо, Пелузо, Аркуно, Карретто, Презутти, Натанджело, Лунедеи, Джу-

---

[1] «Dopo la scissione».— «L'Ordine Nuovo», 5 ottobre 1922.

лианини, Д'Онофрио, Лонго, Горелли и от меньшинства — Таска, Вота и Грациадеи.

В немногочисленной делегации от социалистической партии также были представлены разные течения, возникшие в связи с различным отношением к вопросу о слиянии с коммунистами. Маффи выступал за безоговорочное объединение, Серрати был более осторожен, а Ромита был настроен против объединения с коммунистами.

В самой партии Пьетро Ненни был согласен с оговорками, которые ранее на съезде социалистов выдвинул Велла. Эти оговорки нашли отклик среди колеблющихся. В начале 1923 года группа Веллы обрела много сторонников, что ухудшило условия присоединения к III Интернационалу.

Узнав, что меня посылают в качестве делегата на IV конгресс Коминтерна, я с волнением стала думать о предстоящей встрече со Страной Советов.

Из Италии я уехала раньше остальных делегатов, потому что мне предстояло принять участие во встрече женщин-коммунисток, организованной в Берлине по инициативе Клары Цеткин, возглавлявшей Международный женский секретариат и журнал «Коммунистка», выходивший на немецком, русском, английском и французском языках. На этой встрече мне посчастливилось лично познакомиться с Кларой Цеткин и поговорить с коммунистками из разных стран, работавшими в разнообразных условиях, что дало мне возможность узнать много нового и полезного для нашей работы среди женщин в Италии.

В Москву мы выехали вместе с Кларой Цеткин. По дороге мы обсуждали главным образом положение в Италии. Я рассказала Кларе Цеткин, что революционная волна, прокатившаяся по Италии после первой мировой войны, пошла на убыль, что финансируемые и вооружаемые промышленниками и землевладельцами фашистские отряды нападают на редакции газет, на комитеты профсоюзных и политических организаций трудящихся, совершают зверские убийства руководителей рабочих и крестьянских масс, а полиция покрывает и защищает фашистов, которые готовятся захватить власть. «Это будет крайне тяжкая тирания,— говорила Клара,— и она отбросит назад не только завоевания трудящихся, но и всю нацию». И мы заговорили о трудностях, которые возникнут в партийной работе и в нашей борьбе.

Время шло, и, по мере того как мы приближались к русской границе, я все с бо́льшим волнением представляла себе свою первую встречу со Страной Советов. Стоя у окна, я смотрела на заснеженные поля и леса. Стволы берез сливались с девственной белизной снега, морозный воздух был неподвижен. Я думала о великой стране, которую узнала и полюбила, читая книги русских писателей. Я думала о русском народе, который революционеры-большевики под руководством Ленина освободили от векового гнета и в упорной борьбе повели к победе Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества.

Неожиданно Клара Цеткин встала и подошла к окну: «Сейчас будем приветствовать Страну Советов. Через несколько минут увидим первых красноармейцев». Над бескрайней заснеженной равниной развевался красный флаг, обозначавший въезд в страну социализма, и меня охватило незабываемое волнение.

...В Москве я вновь увиделась с Грамши. Меня глубоко тронула забота, с которой он встретил меня, расспрашивал, как я устроилась в гостинице «Люкс», где находились представители различных партий в Коминтерне. В «Люксе» мне отвели прекрасную комнату, рядом находился кабинет с телефоном и пишущей машинкой. Таким образом, у меня было все необходимое для работы.

Я надеялась, что смогу помочь Грамши, который чувствовал себя не очень хорошо. Он перенес тяжелую болезнь и до начала октября находился в больнице. Теперь, в период подготовки к конгрессу, он возобновил работу в Исполкоме Коминтерна, но очень уставал. Кроме того, его очень беспокоили обстановка в Италии, политическое положение компартии, возникшие разногласия с Коминтерном.

Между нами сразу же начался оживленный обмен новостями. Мы говорили о наших общих знакомых, о работе в последние месяцы. Затем разговор зашел об оценке обстановки в Италии и ее возможном развитии, о политике партии и позициях отдельных товарищей. Грамши казалось, что даже его бывшие сподвижники не совсем разделяли его мысли, недооценивали опасность наступления фашизма. Он считал, что именно этим объяснялась их оппозиция по отношению к политике и тактике, разработанным Коминтерном.

Я рассказывала главным образом о Турине, о товарищах, которые там работали и боролись, о деятельности «Ордине нуово».

Тем временем постепенно приезжали другие делегаты из Италии, и дней через десять вокруг Грамши собрались все, кроме Бордиги. Тогда же пришло известие о «походе на Рим» и об образовании в Италии правительства Муссолини.

Это событие стало центральной темой всех наших разговоров. Грамши выслушивал разные точки зрения, делал тонкие и глубокие замечания, ставил новые проблемы.

Наконец приехал Бордига, очевидец всех этих событий. Казалось, он был удивлен горячностью и остротой наших споров. «Поход на Рим», по его мнению, был лишь шумной инсценировкой, обычной сменой правительства, происшедшей хотя и в шутовском духе, но закончившейся традиционной парламентской процедурой, характерной для буржуазного государства: король поручил Муссолини сформировать правительство, которое должно было получить одобрение большинства депутатов парламента. Фашисты и социал-демократы, утверждал он, были одинаковыми защитниками капиталистической системы, одинаковыми классовыми врагами. Новое правительство могло оказаться реакционнее предыдущих, но в принципе не отличалось от них, являясь выражением все той же буржуазной диктатуры, и, следовательно, не выдвигало новых политических проблем перед рабочим классом и его партией. Достаточно было, говорил Бордига, принять соответствующие организационные меры, чтобы обеспечить безопасность центральных органов и аппарата партии.

Предыдущие беседы показали, что позиции Бордиги и Грамши резко расходились. Грамши соглашался с тем, что поход чернорубашечников не означал гражданской войны в Италии, но утверждал, что эти действия изменили характер буржуазного государственного аппарата и его руководства в антирабочем и антидемократическом смысле. Что сулят нам эти изменения, задавал он вопрос, к каким последствиям приведут, чем обернутся для профсоюзных и политических организаций рабочего класса, для реформистского, католического и других течений, какие новые проблемы поставят в жизни, политике и тактике коммунистической партии?

Другими словами, Грамши противопоставлял категорическим суждениям Бордиги более обоснованные и глубокие выводы. Еще раньше, во время разговоров с товарищами, заходившими в его кабинет, Грамши стремился к

тщательному анализу и точной оценке событий, непримиримо относясь к догматикам. Грамши стал марксистом, познав на практике опыт борьбы трудящихся, поэтому он требовал делового и диалектического подхода к событиям и фактам.

Я и другие делегаты, работавшие с ним в «Ордине нуово» или знавшие его ранее, с радостью слушали Грамши. Его высказывания, ясные, проникновенные, остроумные, всегда давали пищу уму и сердцу. Мы любили проводить в его кабинете все свободное время, остававшееся после заседаний конгресса и посещений предприятий, советских и общественных организаций Москвы.

Грамши помогал нам разбираться не только в итальянских проблемах, но и в вопросах, касавшихся других стран и Коминтерна. Он помогал правильно понять новые этапы и завоевания социалистической революции в России, трудности на пути ее развития, героизм и мудрость, с которыми решались проблемы в великой Советской стране, чтобы преобразовать, улучшить жизнь трудящихся и поднять сознание всего народа. С Бордигой Грамши беседовал особенно подробно по итальянским и международным вопросам. Эти беседы, говорил он, носили характер обмена мнениями и имели целью лучше понять друг друга. Очевидно, Грамши даже с формальной точки зрения хотел исключить малейший намек на возможность противопоставления позиций, открытых разногласий и раскола в партии.

Между Грамши и Бордигой существовали корректные отношения. Бордига заботился о здоровье Грамши и глубоко восхищался его умом и мудростью. Грамши ценил в Бордиге энергичность и работоспособность. Он высоко отзывался о положительных сторонах той работы, которую проделал Бордига в весьма трудных условиях начального периода создания партии.

Присутствуя при их встречах, я понимала, что Грамши и Бордига выражали разные политические позиции, по-разному рассматривали природу и роль партии, особенности внутрипартийной жизни.

Грамши разделял утверждение Бордиги о необходимости постоянно следовать принципам марксизма, но считал, что коммунисты должны уметь правильно их применять, правильно анализировать и оценивать события, обстановку, соотношение сил, учитывать вытекающие из них реальные проблемы, вести коллективную разработку поли-

тической программы партии. Бордига, напротив, считал возможным ограничиться небольшим ядром товарищей, способных создать прочную и хорошо дисциплинированную организацию, определить ее принципы, тактику и программу, а также гарантировать неизменность этих принципов и строгое выполнение принятой линии в борьбе.

Грамши, как и все коммунисты, входившие в ИСП до ее раскола, твердо придерживался иного взгляда на политическое единство и дисциплину в партии, подкрепленного обстановкой гражданской войны, в которой партия создавалась и действовала в первые годы своего существования. Грамши отвергал сектантство и догматизм Бордиги, которые сужали и обедняли внутрипартийную жизнь и, в сущности, вели к пассивности и политическому бесплодию.

На IV конгрессе Коммунистического Интернационала разногласия между ними проявились и в подходе к основным вопросам того момента: о завоевании большинства в рабочем классе, о едином фронте, об отношениях с социалистической партией и т. д., а после известий о серьезных событиях, происшедших в Италии,— о проблемах и задачах, вставших в связи с этим перед компартией и итальянскими трудящимися.

Бордига недооценивал последствия прихода фашистов к власти: он считал, что новое правительство может найти точки сближения с социал-демократами и вообще ограничивался упрощенным и схематическим противопоставлением буржуазного государства пролетарскому.

Грамши предвидел наступление периода жестокой реакции против рабочих и коммунистов и считал необходимым применять новые методы и формы борьбы, основанные на принципах, выдвинутых еще в предыдущие годы против позиций Бордиги, обрекавших партию на изоляцию, вынуждавших ее полагаться лишь на собственный героизм, организацию и дисциплину, так как партия действовала в одиночку, опираясь на абсолютно централизованную организацию военного типа.

Бордигу восхищала деятельность Ленина. Он очень расстроился, когда узнал, что Ленин болен и не сможет, как прежде, побеседовать с ним. Но как-то утром, войдя в кабинет Грамши, он объявил, что ему разрешили встретить-

ся с Лениным, но очень ненадолго, потому что врачи не позволяли утомлять Ильича разговорами.

Бордига захотел представить меня Ленину и взял с собой [1]. Я была счастлива. Ленин был настолько велик, а его дело настолько огромно, что любому человеку он даже внешне представлялся гигантом. Таким он казался и мне, когда мы переступали порог его кабинета.

Ленин, улыбаясь, шел нам навстречу. Он поздоровался по-итальянски, а затем перешел на французский язык. Его внешность, обращение, манера говорить были крайне просты, и с самого начала между нами установилось полное понимание. Слушая Ленина, мне казалось, что я знаю его уже давно, и я с гордостью ощущала свою принадлежность к его миру, к великой партии, борющейся за социализм на всей земле.

Бордига сказал Владимиру Ильичу, что мы очень тревожились и беспокоились о его здоровье. «Я чувствую себя хорошо,— быстро ответил Ленин.— Мне приходится, однако, повиноваться тираническим предписаниям врачей, чтобы не заболеть вновь. Это было бы прискорбно: дел великое множество». И он стал рассказывать о положении в России. Он был доволен хотя и медленным, но уверенным подъемом советской экономики. В подтверждение Ленин приводил цифры и факты. При этом он говорил так ярко и убедительно, что не оставлял и тени сомнения. «Впрочем, об этих вопросах я буду говорить в докладе на конгрессе»,— сказал нам Ленин. Затем после кратких вопросов и замечаний о нашей партии Владимир Ильич выразил желание услышать от Бордиги его непосредственные впечатления и суждения о последних событиях в Италии. Бордига изложил факты и высказал о них свое мнение, которое нам уже было знакомо. Ленин слушал с серьезным и, как мне показалось, немного удивленным видом. Неожиданно он спросил, что думают об этих событиях рабочие, крестьяне, простой народ.

---

[1] В более ранних публикациях воспоминаний К. Раверы (см., например, «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 5. М., 1969) говорилось, что встреча с В. И. Лениным состоялась до открытия конгресса. 1 ноября 1922 года В. И. Ленин принимал членов делегации КПИ Н. Бомбаччи и А. Грациадеи. Видимо, именно об этой встрече и рассказывает К. Равера, поскольку она приехала на конгресс вместе с Бомбаччи и Грациадеи. Бордигу же Ленин принял 15 ноября, то есть после своего доклада на конгрессе (см. «Ленин в борьбе за революционный Интернационал». М., 1970, стр. 630—631, 644).— *Ред.*

— Для рабочего класса,— ответил Бордига,— утрата последних иллюзий относительно ценности буржуазной демократии будет выигрышем.

— Ну, а сегодня, что думают сегодня рабочие и крестьяне? — настаивал Ленин.

— Они борются,— произнесла я, вспоминая о рабочих Турина, о тех, кто боролся с фашистами в городах и селах Италии.

— Борются? Хорошо.

Бордига рассказал о случаях настоящего героизма.

— Хорошо,— повторил Ленин.— Рабочий класс всегда ведет борьбу за завоевание или сохранение демократических прав, даже ограниченных рамками буржуазной власти, и, когда у него их отнимают, борется за то, чтобы отвоевать эти права...

На этом беседа прервалась. В комнату вошла Н. К. Крупская. Она поздоровалась с нами и молча посмотрела на Ленина.

— Ну вот,— сказал Владимир Ильич снова в шутливом тоне, каким он говорил о своем здоровье,— время нашего свидания истекло: именно это означает приход Надежды Константиновны. Приказ врачей строг, длительность разговоров не должна превышать нескольких минут. Я дисциплинированно подчиняюсь. Мы увидимся на конгрессе,— сердечным тоном добавил он, провожая нас до дверей кабинета.

При расставании он серьезно сказал: «Вам предстоит долгая и тяжелая работа. И главным в ней будет: никогда, ни при каких условиях не терять прямого контакта с рабочими, с крестьянами, с жизнью всего народа».

Ленин приехал на заседание конгресса. Он говорил о новой экономической политике, проводившейся тогда Советским правительством, объяснял причины и обосновывал ее правильность, отвечал на возражения, переубеждал сомневающихся. Хотя выступление Ленина в основном касалось России, он не преминул поделиться сомнениями, вызванными разговором с Бордигой. В частности, он сказал: товарищи из других стран «должны воспринять часть русского опыта. Как это произойдет, этого я не знаю. Может быть, нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни» [1].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 293.— *Ред.*

Говорить Ленину, однако, было трудно, и в конце выступления он казался усталым. Всех нас снова охватила глубокая тревога за его здоровье.

В ходе обсуждения на IV конгрессе Коминтерна общей обстановки были отмечены спад революционного движения в Европе и контрнаступление реакции.

Были проанализированы также природа и характерные черты фашизма, однако анализ этот был еще недостаточно точен, а в некоторых выступлениях даже противоречив.

Конгресс заявил, что надо бороться против распространения фашистской реакции в Европе, а также подтвердил лозунг «рабочего правительства» или «рабоче-крестьянского правительства» в качестве переходного этапа.

На этих положениях основывались и решения комиссий, занимавшихся отдельными странами.

Обсуждение наших вопросов происходило не только на пленарных заседаниях конгресса, но и в итальянской комиссии, которая подробно обсуждала не только вопрос об объединении с социалистами, но и генеральную политическую линию партии.

Большинство членов комиссии считало, что Римские тезисы глубоко противоречат стратегической и тактической линии III Интернационала, что Коммунистическая партия Италии недооценила фашистскую опасность и последствия прихода к власти в Италии фашистского правительства.

Говоря об общей оценке Коммунистической партии Италии Коминтерном, Грамши признавал правильной критику Римских тезисов, но считал необходимым рассматривать эти тезисы в связи с условиями того момента, когда они были сформулированы, чтобы понять, почему они не встретили оппозиции в партии, и правильно оценить работу, проделанную руководством компартии в первый трудный период ее существования.

Грамши решительно отвергал попытки некоторых возлагать на политику КПИ вину за победу фашистов. В действительности после серьезных поражений рабочего движения в 20-е годы политическая обстановка, в которой рождалась компартия, была неблагоприятна для объединения антифашистских сил, отсутствовали необходимые условия для широких и открытых политических действий, для единой и решительной борьбы против фашизма.

При последовательном и добросовестном применении политики, подсказанной Коминтерном, признавал Грамши, было бы возможным привлечь больше социалистических сил. Препятствием этому стало сектантство Бордиги и то, как Бордига относился к проблеме объединения с социалистами. Исходя из утверждения, что КПИ — единственная партия рабочего класса, созданная, чтобы дать рабочему классу новую боевую организацию и новые традиции, Бордига был принципиальным противником любой политики, направленной на политическое единство или объединение с ИСП или с какой-либо ее фракцией. Грамши же на основании анализа положения в ИСП и недостаточно созревших условий для слияния в самой КПИ делал вывод о неосуществимости объединения со всей ИСП, но принципиально не был против возможных слияний с отдельными ее группировками. Грамши резко выступал против позиций группы Таски, так называемого меньшинства, которая хотя и объявила о своем безоговорочном согласии с Коминтерном и с объединением, но по своему составу и ориентации являлась центром ликвидаторских тенденций, которые могли расцвести в партии в тот трудный момент. Таска и его немногочисленные сторонники намеревались «исправить ошибки, сделанные в Ливорно», подразумевая под ошибками принципы, приведшие к борьбе внутри ИСП и к образованию КПИ. По основным вопросам, касавшимся Коминтерна, они стояли на оппортунистических позициях.

Грамши опасался проникновения ошибочных и вредных позиций в партию под прикрытием требования о слиянии. Кроме того, даже признавая критику и предложения Коминтерна, он хотел решительно отмежеваться от группы Таски.

В партии необходимо проводить серьезную работу по ориентации товарищей, считал Грамши. Наши беседы в те дни показали, что бо́льшая часть делегатов не знала о вопросах, обсуждавшихся в руководстве партии и в Коминтерне, и Бордига испугался, когда Грамши заговорил об этом с делегатами. Однако члены делегации хотели знать, почему эти разногласия не получили сразу же разъяснения и не были преодолены.

Грамши объяснял, что сначала надо было объединенными усилиями бороться против социалистов, не желавших исключения реформистов, а после съезда в Ливорно позаботиться о создании партии в условиях гражданской вой-

ны, требовавших максимального единства и дисциплины. Теперь, когда создана сильная партия, надо было обратить внимание на развитие ее деятельности и политической борьбы, на преодоление ликвидаторских позиций меньшинства, а также догматизма и сектантства, мешавших осуществлению политики партии.

Грамши хотел, чтобы решения Коминтерна были одобрены большинством делегации. Однако он считал необходимым, чтобы голосование не привело к формальным результатам, противоречащим реальному положению в партии. В самом деле, один лишний голос мог превратить в делегации меньшинство Таски в большинство, а старое большинство Бордиги и руководства партии тем самым стало бы меньшинством. Поэтому по вопросу о слиянии он, четко указав на отличие своих позиций от позиций Таски, не выступил категорически, как это сделал Бордига, против объединения с группами или с ИСП, и группа большинства раскололась. Вместе с Бордигой против любых переговоров об объединении проголосовали Ортензия Де Мео, Аркуно, Натанджело, Д'Онофрио. За обсуждение условий и порядка объединения голосовали Грамши, Дженнари, Марабини, Камилла Равера, Скоччимарро, Джерманетто, Адзарио, Пелузо, Трессо, Джулианини, Лонго, Горелли.

Грамши, Скоччимарро и Марабини было поручено изложить на заседании итальянской комиссии точку зрения большинства делегации.

Я тогда еще верила, что само развитие событий и участие в коллективном руководстве помогут изменить позиции Бордиги. Грамши в это не верил. Он считал, что Бордига непоколебим в своих убеждениях и останется на старых позициях. «Бордига всегда останется при своих убеждениях,— говорил он мне.— С другой стороны, разрыв с Бордигой не может произойти по частному вопросу, и только здесь, между нами. Это коренные политические разногласия, которые потребуют широкого и ясного обсуждения принципиальных вопросов в делегации и во всей партии».

Грамши полагал, что нужно создать новое политическое руководство партии против ликвидаторских и путаных позиций Таски, с одной стороны, и против догматизма и сектантства Бордиги — с другой.

Итальянская комиссия Коминтерна решила создать межпартийную комиссию по разработке порядка объединения. Бордига отказался в ней участвовать, и в комиссию вошли Грамши и Скоччимарро от большинства компартии,

Таска — от меньшинства, Серрати, Маффи и Тонетти — от социалистов, выступивших за объединение. Первые заседания комиссии в Москве должны были проходить под председательством Зиновьева, а последующие, в Италии, под руководством Мануильского или Ракоши.

В принятой единогласно заключительной резолюции IV конгресс Коминтерна постановил: объединить КПИ и ИСП в Объединенную коммунистическую партию Италии, объединить коммунистические и социалистические газеты, созвать съезд, на котором произойдет объединение, до 1 марта 1923 года.

29 декабря, когда статья об объединении, составленная в Москве и содержавшая призыв к борьбе против фашизма, появилась в «Аванти!», на пролетарские организации и их членов обрушилась волна фашистских и полицейских репрессий.

Осуществление московских решений было затруднено из-за недоверчивого отношения к ним итальянской компартии, растущей враждебности большинства социалистов и усиления фашистских репрессий.

После окончания конгресса вместе с Бордигой и его женой мы отправились из Москвы в Италию.

В Берлине нас ожидал Лонго. Он должен был сопровождать Бордигу во время нелегального перехода итальянской границы. Подготовкой операции занималось наше берлинское бюро, работа велась очень тщательно, и нам пришлось пробыть в Берлине дней десять.

Наконец Бордига и Лонго смогли уехать, и на следующий день я и Ортензия сели в поезд, идущий в Милан. Мы ехали легально с нашими паспортами. На границе нас задержали. Полицейские тщательно обыскали нас и даже потребовали, чтобы я расплела свои косы. Уж не знаю, что они в них думали найти. Полицейские обыскали мой чемодан и конфисковали находившиеся там документы конгресса Коминтерна.

Я вернулась в Турин, когда весь город был погружен в атмосферу репрессий и насилия.

В дни, предшествующие «походу на Рим», никто из руководителей буржуазии и социал-демократов и не думал о защите страны и итальянского государства.

Главный редактор газеты «Коррьере делла сера» Луиджи Альбертини и один из наиболее влиятельных руководителей Конфиндустрии, Этторе Конти, направили телеграмму премьер-министру Факта, в которой обращались к нему с просьбой ходатайствовать перед королем о вручении Муссолини мандата на формирование нового правительства.

Парламентская фракция народной партии склоняла руководство партии к сотрудничеству с Муссолини «ради восстановления порядка и внутреннего мира».

В тот момент, когда казалось, что власти решили оказать некоторое сопротивление фашистам, объявив осадное положение, коммунистическая партия обратилась с призывом к всеобщей стачке. Всеобщая конфедерация труда в ответ на это «предостерегла трудящихся от спекуляций партий и политических группировок, пытающихся вовлечь пролетариат в распрю, от которой он обязательно должен держаться подальше, чтобы не подорвать свою независимость» [1].

Правительство Факта поручило генералу Пульезе охрану Рима в том случае, если бы военному командованию была передана вся полнота власти. Регулярные войска в столице насчитывали около 30 тысяч солдат. Командование военными силами в Турине, Милане, Флоренции, Болонье, Генуе и Вероне сохраняло верность законным властям.

Муссолини, однако, действовал больше в политическом, чем в военном плане. Вечером 26 октября Факта сообщил королю о необходимости его присутствия в Риме. Король прибыл в столицу вечером 27 октября. По прибытии на столичный вокзал он поручил Факта объявить осадное положение.

На ночном заседании совета министров это решение было подтверждено. Декрет о введении осадного положения был принят министрами единодушно.

Фашистские боевые отряды в это время начали стягиваться в установленные места сбора: Санта-Маринеллу, Монте-Ротондо, Тиволи и Фолиньо, откуда утром 28 октября они должны были отправиться на Рим. Оперативный центр командования фашистов находился в Перудже.

Однако вооруженные силы блокировали фашистов и помешали многим отрядам выйти к пунктам сбора. Лишь

---

[1] *P. Spriano.* Op. cit., vol. I, p. 232—233.

отряд под командованием Боттаи смог прибыть в Тиволи. Военное поражение фашистского марша, казалось, было неизбежным.

Но неожиданное вмешательство короля радикально изменило обстановку. Когда по окончании заседания совета министров Факта прибыл в Квиринальский дворец, то король отказался подписать декрет об объявлении осадного положения.

Муссолини победил в политическом плане. Переговоры между фашизмом и королевским домом завершились быстро.

Муссолини прибыл из Милана в столицу в спальном вагоне и направился к королю за мандатом на формирование правительства.

Поскольку Муссолини фактически уже был главой правительства, фашистские отряды вошли в Рим. Армия не оказала им никакого сопротивления. 31 октября фашисты организовали парад своих боевых отрядов для короля и Муссолини. Вечером того же дня сквадристы[1] отправились по домам.

Сразу же после марша на Рим редакция газеты «Комуниста» была занята фашистами и разгромлена. В Милане фашисты подожгли здание газеты «Аванти!». Местные власти Триеста запретили газету «Лавораторе».

В Турине фашисты не осмелились напасть на редакцию «Ордине нуово». Утром 30 октября полиция и карабинеры заняли помещение газеты, а затем под их защитой фашисты разгромили редакцию и разбили станки в типографии.

Но «Ордине нуово» стала выходить нелегально. Она печаталась в уменьшенном формате, на плоскопечатном станке, находившемся под лестницей профсоюза портных. Ее распространяли на фабриках и даже продавали в киосках.

Товарищ Джованни Казале, бывший в то время управляющим делами «Ордине нуово», рассказывал: «Мы продолжали посылать газету в киоски, как будто речь шла о самом обычном явлении, и большинство продавцов, хотя и обратили внимание на необычное типографское оформление и формат газеты, не заметили, что продают подпольное издание. Разумеется, при продаже они прибегали к некоторым мерам предосторожности. Самым любопытным было то, что даже полиция и фашисты на первых порах не пре-

[1] Сквадристы (от *squadra* — вооруженный отряд) — члены фашистских военизированных отрядов.— *Ред.*

пятствовали продаже газеты. Они были настолько уверены в прекращении публикации газеты после разгрома типографии, что не удосужились произвести проверку. В те времена никому и в голову не могло прийти, что газеты могут выходить иначе, чем легально»[1].

Первый подпольный номер газеты вышел 4 ноября. В нем была опубликована карикатура Пьеро Чуффо (Чип), на которой была изображена газета «Стампа», склонившаяся перед Муссолини, и в качестве подписи девиз этой газеты: «Разить, не считаясь».

В Турине товарищи продолжали работать. 7 ноября Тольятти, прибывший из Рима, принял участие в праздновании годовщины Октябрьской революции в рабочем квартале города. «Коммунистические отряды» защищали собравшихся.

18 ноября на одной из окраин города произошло вручение боевых значков «отрядам коммунистической защиты». Подпольная «Ордине нуово» сообщила об этом событии и опубликовала краткую речь Тольятти, как все тогда думали произнесенную в Москве.

Тольятти послал информацию об этом собрании в Москву на IV конгресс Коминтерна, а вместе с ней несколько номеров подпольной газеты «Ордине нуово». Они были выставлены в зале конгресса.

Работа коммунистов не прекращалась, она все больше приобретала характер антифашистской пропаганды и антифашистского сопротивления.

В Турине возобновились нападения на отдельных активистов, полиция вновь начала аресты профсоюзных, заводских и партийных руководителей.

18 декабря молодой рабочий Прато, защищаясь от банды фашистов, поразил двоих из нападавших. Фашисты в отместку подожгли Палату труда, захватили в кабинете председателя профсоюза железнодорожников Карло Беррути, убили его и выбросили труп в поле. В помещении ФИОМ фашисты схватили Пьетро Ферреро, привязали его колючей проволокой к грузовику, который на полной скорости пронесся по проспекту Витторио Эмануэле, и бросили растерзанное тело на мостовой.

Ночью 18 декабря 20 человек были убиты в домах или на улице. Это были простые труженики, торговцы, служащие, в большинстве своем не подозревавшие о причинах своего столь трагического конца.

[1] *P. Spriano*. Op. cit., vol. I, p. 235—236.

Вместе с Роботти, Роведой и другими товарищами, ускользнувшими от покушений и арестов, мы восстановили руководящий комитет секции и его связи с предприятиями и нашими группами в рабочих кварталах.

Роботти сообщил мне первые сведения о том, в каком положении находится наша организация после волны репрессий и кровавых фашистских нападений прошедших недель.

Роботти был рабочим-металлургом. Он обладал всеми моральными и жизненными достоинствами, присущими революционным рабочим тех лет. Роботти вступил в Федерацию социалистической молодежи в 1915 году, затем работал в социалистической партии, а после раскола в Ливорно — в Коммунистической партии Италии.

Все свое свободное время он отдавал партийной работе в ячейке на предприятии, в секции, в федерации, в профсоюзе, вел работу и среди солдат. Во время воинской службы он шесть месяцев отсидел в тюрьме за коммунистическую пропаганду.

Вместе с ним мы подготовили план срочных дел. На закрытых совещаниях в тесном кругу лиц мы разрабатывали новые методы деятельности и новую систему встреч с товарищами и рабочими. Резня в Турине свидетельствовала, что фашистский террор особенно жесток в тех городах, в которых коммунистическая партия действует наиболее активно.

30 декабря Муссолини лично приказал арестовать Бордигу, Грамши, Камиллу Раверу, Скоччимарро, Таску, Пелузо, Натанджело и Презутти. Через несколько дней после этого обычной телеграммой Бордига посоветовал мне «не появляться». Я спряталась в мансарде, где мы устроили редакцию газеты «Компанья».

Той же ночью грузовик с фашистами с шумом въехал во двор моего дома. Фашисты искали меня, но так как меня не нашли, они забрали мою сестру Рину. Ее силой втащили на грузовик. Но из соседних домов выбежали жильцы и энергично запротестовали. Многие бывшие офицеры надели мундиры и твердо воспротивились тому, чтобы забрали Рину. Попробуйте отыскать ее сестру, говорили они, а не делать подобную замену. Моя сестра была освобождена.

Чезаре прибежал ко мне сообщить о случившемся. Решили, что мое временное убежище недостаточно надежно. Меня сердечно приютили в одной знакомой семье, бывшей вне подозрения у фашистов. В течение многих дней семья

Рудорф с большой заботой и осторожностью занималась мной и связью с моей семьей и товарищами. Именно там меня застало сообщение руководства партии, содержавшее указание отправиться в Милан, а также необходимые сведения для встречи с Террачини.

Бордига был арестован 3 февраля 1923 года, когда выходил из здания Исполнительного комитета партии. У него были при себе деньги в фунтах стерлингов (примерно 240 тысяч итальянских лир). Бордига хотел спасти эти деньги и папку с документами от обысков.

Грамши, Скоччимарро и Таска находились в Москве, где обсуждали вопрос о слиянии коммунистов и социалистов. Тольятти был болен, почти три месяца он не имел связи с партийным центром. Фортикьяри также находился в Москве, чтобы обсудить с большевиками эффективный план подпольной организации и ее деятельности.

Оставался один Террачини, который при помощи Гриеко взял на себя руководство партией в период самых тяжелых репрессий и новых серьезных трудностей, возникших по вопросу о слиянии коммунистов и социалистов.

Террачини решил воссоздать в Милане подпольный Исполком партии. Там я начала новую жизнь в подпольных центральных органах партии. В течение многих лет я не увижу свой родной дом и город.

III

РАБОТА ПАРТИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Подпольный секретариат, учрежденный Террачини в Милане, для маскировки находился в мастерской одного молодого архитектора. Террачини к тому времени уже сумел установить связь с Бордигой и другими товарищами, арестованными в Риме. В мастерской среди чертежных столов и чертежей, разбросанных по столам и свернутых в рулоны, мы расшифровывали письма от Бордиги и шифровали наши послания ему. Мы пытались восстановить партийную сеть, нарушенную полицейскими и фашистскими репрессиями.

В этой мастерской без отопления было очень холодно. Но понемногу работа разворачивалась. Наша партия выжила, ее структура сохранилась.

В Триесте вновь начала выходить газета «Лавораторе». На смену арестованным членам редакции пришли Леонетти, Аморетти, Платоне, Полано, Транквилли [1]. Кроме Триеста газета распространялась в Милане, Турине, Риме и других городах.

Связь между центром и низовыми организациями осуществляли опытные товарищи, неизвестные полиции. Они передавали информацию, директивы, документы.

В Риме был организован легальный коммунистический центр, в который входили три депутата парламента: Грациадеи, Репосси и Беллони. Его контакт с действующим подпольным центром осуществлялся при помощи связных. В те месяцы связной была Рита Монтаньяна. Она поддерживала постоянную связь с центром в Риме и с Марио Монтаньяной, который через одного тюремщика передавал шифровки Бордиге.

---

[1] Транквилли, Секондино (Иньяцио Силоне, род. в 1900 г.) — деятель итальянского рабочего движения, писатель. В 20-е годы состоял в Компартии Италии. После исключения из ИКП вернулся в социалистическую партию. С тех пор выступает с антикоммунистических и антисоветских позиций.— *Ред.*

В свои свободные дни Рита приходила в наше подпольное бюро и помогала расшифровывать и зашифровывать послания. Шифровки Бордиги были простыми. Они читались сразу. Гораздо труднее было шифровать партийную информацию, секретные данные.

Этот труд требовал терпения и спокойствия в работе, но был необходим. Ему мы уделяли много времени, особенно по вечерам, когда мы с Ритой собирались в нашей комнате.

Эта комната находилась довольно далеко от мастерской. Нам надо было делать вид, что мы обычные служащие, и соблюдать распорядок дня миланских учреждений, с их обязательным перерывом на обед с двенадцати до двух. Обедали мы в скромной траттории поблизости. Есть приходилось быстро: траттория была рабочая и нужно было поскорее освобождать место для вновь прибывших. У нас оставалось много времени, и чтобы избежать нежелательных встреч, мы обычно заходили в Миланский собор, благо что он находился рядом с мастерской.

В эти часы собор обычно был пустынным и особо величественным, когда солнце зажигало все его краски. Оглянувшись по сторонам, мы выбирали себе местечко в углу и читали газеты. Однажды к нам подошел старый священник. Некоторое время он смотрел на нас удивленно и вопросительно, а затем строго спросил: «Вы знаете, что вы находитесь в церкви?»

— Конечно знаем. Мы в Миланском соборе,— смеясь, ответили мы.

— Вы думаете, что церковь — подходящее место для чтения газет?

— Нам надо вернуться в два часа на работу,— объяснила я,— здесь близко. Мы уже пообедали, и нам надо как-то провести этот час. Нам не хотелось так долго находиться на улице или в кафе. А здесь нам нравится. Мы думали, что можем побыть здесь, никому не мешая. Но если вы считаете, что так делать нельзя, мы пойдем поищем себе кафе.

Мы встали, сложили газеты. Однако священник изменившимся тоном сказал: «Нет, нет, оставайтесь лучше здесь, чем идти в кафе. Вы же не хотели оказать неуважение церкви».

Внезапно солнце осветило один из витражей перед нами. Я не могла отвести от него глаз, настолько он был великолепен. И я подумала: «Это немыслимо не оказывать уважения Миланскому собору». Священник, наверное,

проследил за моим взглядом, он поднял лицо и сказал, улыбаясь: «Да, он очень красив. Солнце, обходя собор, поочередно высвечивает все его витражи.— И добавил дружески: — Оставайтесь».

Он попрощался с нами и медленно отошел. Мы остались и еще много раз возвращались сюда читать газеты.

Для усиления центра партии 5 марта в Центральный Комитет были кооптированы Мауро Скоччимарро и Камилла Равера, а в Исполнительный комитет в качестве «временных членов» были кооптированы Скоччимарро и Тольятти.

Кроме того, было решено, чтобы в Италию из Москвы вернулась комиссия по слиянию коммунистов с социалистами. Однако 1 марта в Милане на железнодорожном вокзале, не успев выйти из вагона, был арестован Серрати. Таска сразу же укрылся в Швейцарии. Скоччимарро и Ракоши вернулись в Италию нелегально.

Заметно поредевшая комиссия обнаружила новую ситуацию. Группа Веллы — Ненни, выступавшая против слияния, значительно увеличилась и продолжала расти. С арестом Серрати Ненни стал главным редактором «Аванти!».

Неизменной оставалась позиция Бордиги и его группы. Ракоши поддерживал контакты с социалистами. Таска, вернувшись в Италию, в качестве временной меры предложил «блок» двух партий.

Это предложение было одобрено Коминтерном, однако Террачини был против.

Решение вопроса было отложено до пленума Исполкома Коминтерна, на котором должен был выступить Террачини. 31 марта арестовали Грieко, его перевели в римскую тюрьму и включили в судебный процесс против Бордиги. Нельзя было допустить, чтобы отсутствие Террачини ослабило и так уж немногочисленный центр.

После ареста Грieко Террачини счел необходимым, чтобы Тольятти занял место Террачини в партийном центре, и тем самым дал ему возможность отправиться на пленум Исполкома Коминтерна. Тольятти чувствовал себя лучше, но еще нуждался в отдыхе. На берегу озера Лаго-Маджоре, в Анджере, Террачини организовал филиал центра, где Тольятти мог следить за работой миланского центра и набираться сил. Там нашли гостеприимство Альма Лекс и Леонетти, которого арестовали в Триесте, но скоро выпустили.

Филиал в Анджере представлял собой небольшую виллу с огромным садом, полным цветов и зелени. Маленький и простой по архитектуре и обстановке дом гармонировал с садом. Он вызывал у меня воспоминания детства, когда я приходила в дом бабушки и тихо бегала по его комнатам, чтобы ее не беспокоить.

Я всегда заставала Тольятти и Леонетти одетых по-домашнему. Они практически не выходили из дому, мало бывали в саду, где обычно болтали женщины, приглядывая за маленькой Террачини и отзываясь на каждый зов Тольятти.

Я обычно приезжала из Милана в Анджеру два или три раза в неделю. Приезжала к вечеру, ночью беседовали, работали, немного отдыхали, а утром я возвращалась обратно. В воскресенье я оставалась на целый день. Однажды мне пришло на ум детально осмотреть дом, которому я не придавала большого значения до тех пор. Мебель, картины и вещи этого дома, уснувшего в тишине, возбудили наше любопытство. Вдруг одна стена отозвалась на звук как пустотелая. Мы отодвинули от нее мебель и обнаружили стенной шкаф, искусно замаскированный обоями. Поддавшись любопытству, мы открыли его. На его полочках аккуратно перевязанные старыми трехцветными лентами находились многочисленные связки бумаг. Среди них лежали газеты, плакаты, патриотические призывы, подпольно распространявшиеся в Ломбардии и Пьемонте между 1820 и 1848 годами. Там же были письма патриотов и заключенных, сражавшихся за объединение и независимость Италии.

Мы почти с религиозным благоговением смотрели на эти исписанные маленькие клочки бумаги. Они нас странно волновали, вызывали гордость. «Век назад здесь боролись против тиранов, как сегодня боремся мы»,— сказал Тольятти.

В тот момент мы почувствовали преемственность борьбы, которая передалась нам по наследству от патриотов, борьбы за свободу и справедливость. И сразу же этот незнакомый дом стал нам родным и близким.

Но вскоре нам пришлось оставить его из-за опасности подвергнуться нападению чернорубашечников.

Пустячный инцидент заставил Тольятти и Леонетти покинуть свое убежище: собака товарища Альмы укусила

прохожего, чем привлекла внимание карабинеров и фашистов к обитателям виллы. Наша работа проходила с той поры в Милане.

Тольятти трудился без устали. С большим терпением и точностью обдумывал он все проблемы, искал решения их и с большой ответственностью формулировал перспективы и задачи партии.

К проверке выполнения поставленных задач он подходил со всей строгостью и взыскательностью. И никогда не упускал из виду живых, реальных людей, призванных действовать. Он знал, что из себя представляет каждый, о чем думает, как относится к делу. К каждому, говорил он, нужен особый подход, серьезное и спокойное отношение.

В тот период важнейшей задачей было восстановление партийных кадров. Большинство товарищей, руководивших местными организациями партии и профсоюзов до «похода на Рим», было уничтожено, заключено в тюрьмы.

За февраль, март и апрель 1923 года было арестовано 72 секретаря федерации, 41 секретарь провинциальных организаций коммунистической молодежи, Центральный Комитет почти в полном составе. В мае в Милане был арестован национальный секретариат Федерации коммунистической молодежи в составе Лонго, Гуэрманди, Коссутты.

Нужно было воспитывать новые кадры руководителей. Они должны были вести себя так, словно непричастны к политике, и никоим образом не привлекать к себе внимания фашистов и их шпионов. Им нужно было изменить свои имена и фамилии и по нескольку раз менять подпольные клички.

Всю внутреннюю жизнь партии надо было перестраивать. Образовывались «коммунистические группы» из восьми — десяти человек, во главе которых стоял руководитель группы. Он был связан с руководителем зоны или квартала, те в свою очередь были связаны с руководителем города или провинции.

Но несмотря на нелегальное положение, нужно было сохранять связи местных организаций с центром, связи партии с рабочими и народными массами.

В апреле было создано пять межобластных секретариатов, прямо связанных с подпольным центром. Им были присвоены номера. «Номер первый» руководил Пьемонтом и Лигурией, «номер второй» — Ломбардией и Эмилией,

«третий» — Венето и Венецией-Джулией, «четвертый» — Тосканой, Умбрией, Марке, Лацио, Абруццо, «пятый» — Кампанией, Апулией и Островами.

Несмотря на малочисленность своих подпольных организаций, компартия усиливала свою пропаганду на предприятиях, делая ставку на внутренние комиссии, которые в какой-то мере все же могли выражать желания масс.

Правительство Муссолини запретило празднование 1 Мая и учредило «праздник труда» 21 апреля, день, когда, по преданию, был основан Рим.

В Турине 1 Мая не вышло на работу 50% рабочих многих фабрик и заводов. Двое молодых коммунистов — Матильде Комолло и Чезаре Равера — водрузили большое красное знамя на колокольне Моле Антонеллиана, что вызвало восторг у рабочих.

В Риме тысячи рабочих, особенно в квартале Тестаччо, отпраздновали 1 Мая невыходом на работу. То же самое происходило в Милане, Генуе, Флоренции и других городах.

Молодые коммунисты вместе с социалистами расклеили к 1 Мая плакат «За пролетарское возрождение».

Только одна коммунистическая газета сумела выжить — «Лаваторе» в Триесте. Она существовала полулегально, выходила с большими белыми пятнами из-за цензуры, номера газеты часто конфисковывались, ее распространению создавались препятствия.

Но при помощи курьеров мы смогли организовать ее распространение во многих городах. ««Лаваторе»,— сказал Тольятти,— распространяет мысль и слово партии лучше любого местного издания или листовок».

С 15 по 17 апреля состоялся XX съезд Итальянской социалистической партии. Комитет «социалистической защиты», возглавляемый Веллой и Ненни, собрал большинство голосов. Новое руководство партии выступило против слияния с коммунистами.

Эмбер-Дро [1], присутствовавший на съезде, в своем докладе в Москву написал, что перспектива слияния отдали-

---

[1] Эмбер-Дро, Жюль (1891—1971) — деятель швейцарского социал-демократического движения. В 1921—1942 годах состоял в Компартии Швейцарии (КПШ), делегат всех (кроме I) конгрессов Коминтерна. Был одним из секретарей ИККИ, членом Президиума ИККИ и Политсекретариата ИККИ. За оппортунистические дейст-

лась. Он, как и Таска, предлагал осуществить политическое сотрудничество между двумя партиями, «политический блок» для борьбы с фашизмом.

Из тюрьмы Бордига предлагал старому большинству Центрального Комитета обратиться к партии с манифестом, в котором бы подтверждалась политическая линия партии и критиковался Коминтерн, особенно по вопросу об отношениях с социалистами.

Стало ясно, что Бордига вел дело к разрыву с Коммунистическим Интернационалом. Тольятти был поражен. Перед лицом застывших идей Бордиги, путаных и неясных позиций меньшинства партии Тольятти чувствовал неуверенность и неудовлетворенность.

Я пересказала ему содержание бесед в Москве с Грамши и бесед между Грамши и Бордигой, которые не ограничивались лишь вопросом о слиянии с социалистами, об отношениях с ними. Эти беседы касались вопросов внутренней жизни партии, ее тактики и стратегии. Для Грамши, говорила я, кризис в партии состоит в том, что политика руководящей бордигианской группировки более не соответствует реальной действительности, задачам и перспективам текущего момента.

12 июня в Москве открылся расширенный пленум Исполкома Коминтерна. Итальянская делегация состояла из Грамши, Террачини, Скоччимарро и Дженнари — от большинства и Таски — от меньшинства. От социалистов, сторонников слияния, присутствовали Маффи и Паджелла.

Бордига и Гриеко прислали из тюрьмы заявление нашему центру в Милане, в котором говорилось, что, если Коминтерн не порвет отношений с Итальянской социалистической партией, Исполнительный комитет компартии будет настаивать на своей отставке.

Расширенный пленум Исполкома Коминтерна особо подчеркнул опасность фашизма не только в Италии, но и в Германии, Болгарии и других странах. Много времени было уделено рассмотрению итальянского вопроса. Руководство нашей партии подверглось критике по всем вопросам политики, тактики и стратегии партии.

вня 19 июля 1929 года был выведен из состава Президиума ИККИ, а 26 июля того же года — из состава Политсекретариата ИККИ. Исключен из КПШ. В 1947—1958 годах — секретарь Социал-демократической партии Швейцарии.— *Ред.*

Это привело к сплочению членов делегации от большинства компартии, произошло обострение отношений и еще более резкое отдаление от Таски, в то время как было необходимо отмежеваться и от экстремистских и левацких позиций Бордиги.

Делегация большинством голосов предложила, чтобы руководство партией было полностью возложено на меньшинство.

Расширенный пленум Исполкома Коминтерна решительно отверг это предложение. Поскольку из-за произведенных арестов Исполнительный комитет партии количественно сократился и определилась четкая позиция меньшинства, Исполком Коминтерна предложил включить в состав Исполнительного комитета Коммунистической партии Италии новых товарищей. В состав Исполкома партии вошли Тольятти, Фортикьяри, Скоччимарро, Таска и Вота. После отказа Фортикьяри его заменил Дженнари.

Было также решено, что Террачини будет представлять КПИ в Исполкоме Коминтерна. В Исполком вводился Бордига. Скоччимарро поручили представлять КПИ в Берлине при Компартии Германии. Одобрили переезд Грамши в Вену, откуда было ближе следить за событиями в Италии и руководить деятельностью партии. Коминтерн признал в нем действительного вождя партии.

Террачини временно вернулся в Италию: в августе он должен был занять свое место в Исполкоме Коминтерна.

12 июля в Милане состоялась продолжительная беседа между нами — Тольятти, Раверой и Леонетти, следившими за работой расширенного Исполкома Коминтерна только по кратким информационным бюллетеням,— и Террачини и Фортикьяри, приехавшими из Москвы.

Террачини подробно рассказал об обсуждавшихся вопросах и принятых ИККИ решениях. Он заявил, что необходимо заранее согласиться с решениями Коминтерна и одновременно начать работу в партии с целью обеспечить для нас сохранение политического руководства коммунистами. «Меньшинство,— подчеркнул Террачини,— имеет небольшую поддержку в низовых организациях, не имеет влияния на реальную партийную жизнь. Руководители меньшинства, как Вота, например, обладают скромными способностями, не проявляют революционных стремлений и находятся на втором плане».

Тольятти заявлял, что необходимо сохранить известный массам характер нашей группы, ее теоретическое лицо и практическую линию. Он настаивал на проведении открытой внутрипартийной дискуссии и послал Бордиге шифровку, в которой предлагал выступить с заявлением в качестве основы для дискуссии.

Однако Тольятти не удалось одержать верх над позицией Террачини и над позицией Бордиги об общей отставке. 16 июля Тольятти написал письмо Грамши[1], в котором прокомментировал решения расширенного пленума Исполкома Коминтерна и выразил сожаление, что дискуссия там в основном шла по вопросу об объединении с социалистами. «...Под маской сторонников слияния сейчас кроется явно «ликвидаторское» течение в нашей партии. Товарищи из меньшинства хотят ликвидировать всю традицию и опыт политического пролетарского движения, которые привели к созданию коммунистической партии. Это принципы, вокруг которых велась полемика в социалистической партии и в массах до и после Ливорно...»[2]

Тольятти полагал, что вопрос о слиянии уже перестал быть мотивом разногласий, «поскольку никто из нас никогда не намеревался препятствовать в этой области деятельности Интернационала, важно избегать, чтобы под видом борьбы за слияние протаскивались вещи, которые, безусловно, противоречат самому Интернационалу и которые были бы крайне вредны для будущего рабочего движения в Италии»[3].

Грамши считал необходимым изменить политическую линию партии. Казалось, что его соратники только и думают о борьбе против меньшинства, возглавляемого Таской, отвергая из-за его поведения даже то, что было справедливо в его путаных мыслях. Грамши же хотел обратить внимание своих товарищей на разработку новой политической линии партии, а не на борьбу против незначительного меньшинства.

Бордигианское руководство партии понимало фашизм как событие внутри руководящего класса буржуазии, что он вписывается в рамки смены у власти различных групп буржуазии, в сущности ничем не отличающих-

---

[1] Письмо П. Тольятти адресовано А. Грамши и М. Скоччимарро (Сильвестри).— *Ред.*

[2] *Пальмиро Тольятти.* Избранные статьи и речи, т. I (1923 год — октябрь 1956 года). М., 1965, стр. 44.— *Ред.*

[3] Там же, стр. 48.— *Ред.*

ся одна от другой. Грамши, напротив, был убежден, что «поход на Рим» открыл новый период развития обстановки. Он полагал, что революционный авангард, если не сумеет понять новые факторы обстановки и найти соответствующую им связь с массами, будет политически изолирован и бездеятелен.

Грамши считал необходимым искать даже незначительные признаки сопротивления масс, признаки раскола в самой буржуазии для проведения активной политики. Уже тогда у него родилась мысль о необходимости готовить рабочий класс к демократической перспективе. Он едва коснулся этой возможности в ходе бесед во время IV конгресса в Москве, но, чем больше он размышлял, тем четче она вырисовывалась.

9 августа собрался Центральный Комитет партии, обсудивший и одобривший решения расширенного пленума Исполкома Коминтерна и отставку Фортикьяри.

Вопрос о слиянии с социалистами более не существовал. Речь шла о подготовке к слиянию с «третьеинтернационалистами», с которыми не было расхождений во мнениях. Постепенно восстанавливались организации на местах.

Наш центр в Милане вел бурную деятельность. Руководящее ядро состояло из членов группы «Ордине нуово». Возобновились связи с Грамши, его руководство помогало преодолевать неуверенность и нерешительность. Он призывал вести активную политику, сообразуясь с существующей в стране обстановкой. Грамши вновь зажег всех желанием любым способом развеять черный мрак, окутавший всю страну, и начать открытую борьбу.

21 сентября в доме одного из товарищей на окраине Милана собрались Тольятти, Таска, Дженнари, Вота, Леонетти и Марио Монтаньяна, заменивший Лонго в Федерации коммунистической молодежи, чтобы обсудить вопрос о новых отношениях с «третьеинтернационалистами».

Десяток полицейских с пистолетами в руках ворвались в дом, связали по двое всех присутствовавших и хозяина и отвезли их в квестуру [1].

Эта полицейская акция была проведена по доносу одного из осведомителей, которых фашисты уже имели практически повсюду. Всех задержанных обвинили в заговоре против государства.

---

[1] Квестура — полицейское управление.— *Прим. перев.*

Только к вечеру Аморетти, Рита и я, ожидавшие возвращения Тольятти в нашей мастерской, узнали о случившемся. Мы сразу же собрали в большие сумки документы, которые, по нашему мнению, нужно было сохранить. Сложили в чемоданы все, что туда смогло войти, и спрятали их в надежных тайниках. Потом мы поторопились домой к Тольятти, чтобы и там сделать то же. Нужно было не очень задерживаться с этим, чтобы ночью не привлечь к себе внимания. Прятать документы и вещи нам помогал товарищ Аркуно.

Только на следующее утро у нас было время подумать над серьезными последствиями этого ареста. Я мысленно перебирала руководителей партии. Бордига и Гриеко подали в отставку и находились в тюрьме. Тольятти, Таска и Вота арестованы. Террачини в Москве, в Исполкоме Коминтерна. Скоччимарро в Берлине. Грамши переехал в Вену, и мы сами запретили ему въезд в Италию. Руководители Федерации коммунистической молодежи, такие, как Марио Монтаньяна, тоже были в тюрьме. Но, несмотря на все, Тереза Ноче в одиночку умудрялась выпускать газету молодежи «Ла воче делла джовенту» [1] и в рамках возможного вести работу среди молодежи. Конечно, арест руководителей неизбежно подтвердит полиции и фашистам существование подпольного коммунистического центра в Милане, а следовательно, в городе усилится полицейский надзор.

Я подумала о необходимости перевода центра в другой город и выбрала Рим. Его преимущество было в том, что облегчалась связь не только с Бордигой и Гриеко, с легальным центром и другими нашими организациями, такими, как Красная помощь, но и с межобластными секретариатами.

Центр помещался в квартире, снятой товарищем Аладино Биболотти. Там же он оборудовал свою коммерческую контору, в которой мы числились служащими. О происшедших арестах и последующих изменениях я сообщила Террачини, говоря о необходимости его возвращения в Италию. Террачини ответил, что приедет Скоччимарро из Берлина. Но Скоччимарро был арестован в Берлине и более месяца просидел в тюрьме. Мы были очень обрадованы и радостно встретили его, когда он появился в нашей конторе.

---

[1] «Голос молодежи».— *Прим. перев.*

Контора Биболотти была просторной и надежной. Однако по мере накопления документов их прятали в надежных местах или передавали нашему представителю при Исполкоме Коминтерна, который должен был позаботиться об их сохранности.

18 октября начался процесс над Бордигой. Первый судебный процесс над Компартией Италии. Обвиняемыми по делу проходили Бордига, Гриеко, Берти, Доцца, Виаццоли, Далла Лучиа, Ньюди, Бетти, Виньокки, Биче Лигабуе, Ди Туллио, Базиле, Интрона, Ла Камера, Морабито, Пиццуто, Ди Гаэтано, непойманными числились Террачини, Грамши, Фортикьяри, Камилла Равера (Сильва), Адзарио и другие. Все подследственные были обвинены в принадлежности к коммунистической партии. И все были оправданы. Наша партия в то время еще была легальной и имела своих представителей в парламенте. Поэтому коммунистов нельзя было обвинить только в том, что они коммунисты.

Исполком Коминтерна предложил Бордиге вернуться в состав Исполкома партии. Однако Бордига ответил, что на условиях Коминтерна он не намерен участвовать в руководстве партией. Гриеко, подавший в отставку из Исполнительного комитета, согласился работать в отделе пропаганды и печати. И все другие участники провалившегося процесса возобновили свою деятельность.

К концу декабря были освобождены Тольятти, Таска, Дженнари, Вота и Леонетти, арестованные в Милане. Тольятти возобновил работу в нашем новом подпольном центре в Риме.

Кончался 1923 год. Несмотря на репрессии фашистского правительства и его наймитов, мы все-таки сумели восстановить ряды нашей партии. В партийном архиве хранятся подробные данные о составе партии в 1923 году. Эти документы свидетельствуют, с какой тщательностью вели партийный учет в секциях, федерациях и в центральных органах КПИ даже в самые трудные годы, во время жестоких преследований коммунистов. После «похода на Рим» многие товарищи были вынуждены покинуть свои родные места, другие эмигрировали в поисках работы. Количество членов коммунистической партии резко уменьшилось, но партии удалось повсюду сохранить свою структуру.

К концу 1923 года в партии было 58 местных федераций, подразделявшихся на 550 секций, которые в совокупности насчитывали более 9 тысяч коммунистов. Они были авангардом, закалившимся в условиях суровой борьбы и преследований и потому обладавшим большой боевитостью, способностью к сопротивлению и к дальнейшему развитию.

21 января 1924 года мы готовились достойно, делом встретить третью годовщину образования нашей партии, но обрушившееся тяжелое известие отодвинуло на второй план все другие мысли. Умер Ленин.

В то время даже враждебная буржуазная печать писала о подлинном величии его личности. Я остро чувствовала всю тяжесть этой невосполнимой утраты: Ленин, указавший человечеству новый путь к будущему, ушел от нас слишком рано. В моей памяти навеки запечатлелось, как Ленин, дружески улыбаясь, прощался с Бордигой и со мной в дверях своего кабинета после нашей короткой встречи. Конечно, такую выдающуюся жизнь, как ленинская, не измерить количеством прожитых лет, она измеряется грандиозностью мыслей и свершений этого великого человека, и потому Ленин всегда был и будет рядом с людьми, идущими по пути, предсказанному и начатому им.

Но как трудно идти по этому пути, на каждом шагу оставаясь верными заветам Ленина: бороться за освобождение человека от всяческой эксплуатации, гнета и несправедливости, против безумия и бесчеловечности войны, за достижение действительной солидарности и единства всех людей на земле.

Я вспоминаю о необычайных трудностях, о громадных проблемах, требовавших решения в те годы. Ленин умел, когда это было необходимо, замедлить шаг, отступить и вновь идти вперед, никогда при этом не отказываясь от основополагающих принципов, ведущих к достижению нашей цели. Он умел перестраивать или создавать заново все: от фабрик и заводов до руководства государством, никогда не теряя связи с коммунистами, рабочими, крестьянами, солдатами, женщинами, молодежью и вызывая у всех чувство высокой активности, творческой инициативы и ответственного отношения к работе. Благодаря глубокой человечности Ленин был близок и понятен всему народу.

Ленин умер, но осталась его партия, остались большевики, повторяла я. В ленинском духе, с новым подъемом

они продолжат дело, начатое Ильичем. И мы, итальянские коммунисты, после смерти Ленина поклялись еще самоотверженнее вести нашу борьбу. Этого же требовала от нас и обстановка, складывавшаяся в Италии в новом году.

Муссолини пытался придать своему режиму законный и конституционный вид и надеялся создать новую палату депутатов, большинство в которой принадлежало бы фашистским депутатам, что свидетельствовало о якобы широкой национальной поддержке фашистского режима. Еще летом 1923 года палата приняла — против голосовали лишь коммунисты и социалисты — так называемый закон Ачербо. По новому избирательному закону избирательный список, получивший относительное большинство голосов, получал две трети мест в парламенте, а остальные места распределялись между другими партиями пропорционально количеству поданных за них голосов. 25 января 1924 года палата депутатов была распущена, новые выборы были назначены на 6 апреля.

Обстановка не давала гарантий, что можно будет свободно проводить предвыборные митинги, выставлять кандидатов, что будет соблюдаться тайна голосования и т. д. Тем не менее руководство коммунистической партии 23 января в резолюции Центрального Комитета, подчеркнув, что «механизм избирательного закона, обстановка в стране и то, как вынуждены работать пролетарские партии, совершенно не позволяют предстоящим выборам быть средством выражения политической воли большинства», решило принять в них участие, «чтобы использовать все возможности легальных действий». После этого заявления КПИ ИСП и унитарные социалисты также приняли решение участвовать в выборах. В резолюции ЦК, кроме того, говорилось: «Центральный Комитет рассматривает предвыборную борьбу как составную часть действий коммунистической партии, направленных на создание единого фронта, защищающего экономические и политические интересы трудящихся классов». ЦК постановил предложить всем пролетарским партиям Италии присоединиться к соглашению о выдвижении общего избирательного списка ««пролетарского единства» и о совместных действиях, начальным этапом которых является предвыборная борьба» [1].

---

[1] *P. Spriano*. Op. cit., vol. I, p. 326—327.

Это была первая политическая инициатива, с которой убежденно и в духе единства выступил новый Исполком партии. Однако надежды на успех были невелики. Социалисты предложили провести совещание трех пролетарских партий, на котором коммунисты вновь выдвинули идею единого блока, основанного на определенном программном соглашении, и опять подчеркнули, что «для установления хотя бы относительно демократического положения в Италии необходимо крушение фашизма». Реформисты не приняли предложения компартии. Велла заявил, что в Италии существует не классовая, а личная диктатура. Не следует отрезать реформистам путь к союзам с буржуазией, наоборот, надо способствовать их приходу к власти вместе с либеральной буржуазией. Руководство ИСП также отказалось от участия в едином блоке, который был в итоге подписан КПИ и фракцией «третьеинтернационалистов» Итальянской социалистической партии.

Серрати высказал пожелание, чтобы его не выдвигали кандидатом. Бордига, который должен был возглавить избирательный список, дал самоотвод. Таска предложил применить к нему дисциплинарные меры, но мы воспротивились: дискуссию в партии нельзя было начинать с дисциплинарных мер против Бордиги. Нашу точку зрения поддержал и Коминтерн. Бордиге было разрешено основать вместе с другими неаполитанскими товарищами теоретический журнал «Прометео».

Других трудностей при составлении списков «пролетарского единства» не было. Всего в списки вошло 156 кандидатов (108 коммунистов и 48 «третьеинтернационалистов») в 13 избирательных округах из 15. В Абруццо и Сардинии нам не удалось представить избирательные списки.

Вся партия принимала активное участие в предвыборной борьбе. Громадную помощь оказывала газета «Унита» [1]. Объединительный комитет, созданный на IV конгрессе Коминтерна, решил после Миланского съезда ИСП продолжать работу с фракцией «третьеинтернационалистов». С этой целью было принято решение начать издание новой газеты, в которой сотрудничали бы коммунисты и «третьеинтернационалисты».

В сентябре 1923 года Грамши, выступавший за скорейший выпуск газеты, предложил назвать ее «Унита».

[1] «Унита» («Единство») — ежедневная газета, центральный орган Итальянской коммунистической партии.— *Ред.*

Название выражало не только цель, стоявшую перед нами в тот момент, но и национальную роль пролетариата, как ее видел Грамши: создать национальное единство. Буржуазные классы показали, что они не способны сделать это, и такое единство должно было родиться на основе союза между рабочими индустриальных районов страны и широкими народными массами Юга, на основе общего обновления всего итальянского общества.

«Унита» вышла впервые 12 февраля 1924 года в Милане и была горячо встречена всеми товарищами. Главным редактором ее являлся Оттавио Пасторе, соредактором — «третьеинтернационалист» Франческо Буффони. Редакция газеты состояла из Аморетти, Платоне, Чиллы, Марио Монтаньяны, Ли Каузи, Марио Малатесты, Романо Кокки, Тулли, римского корреспондента Леонетти, корреспондента в Болонье Леонильдо Тароцци и литературного и театрального критика Леониды Репачи. За финансовую сторону отвечал товарищ Джованни Джардина.

«Унита» открывалась статьей, посвященной памяти В. И. Ленина: «Имя Николая Ленина [1] будет озарять начало нашего дела и перспективу на будущее». Редакционная статья «Главный путь» содержала общеполитические указания. «Трагический опыт, полученный рабочими и крестьянами Италии в последние годы,— говорилось в ней,— не должен пропасть... С этой целью наша газета ставит перед собой задачу методично исследовать причины, приведшие трудящихся к тяжелейшему поражению, и извлечь из него уроки для их боевого сознания». Затем перечислялись проблемы и вопросы, которые ставила обстановка в тот период: «Какие перспективы открываются сегодня перед трудящимися? Какова природа и сущность фашистского режима? Каковы средства и резервы для создания эффективной оппозиции ему?»

В то время уже исчезли социал-демократические иллюзии на полевение Муссолини, надежды на конституционную буржуазную оппозицию. «Чтобы бороться против фа-

---

[1] В 20-х годах за границей часто называли В. И. Ленина Николаем. Впервые произвольное раскрытие инициала — Н. Ленин — допустили редакторы газеты «The Chicago Daily News», опубликовавшие 27 октября 1919 года интервью В. И. Ленина, подписанное «Wl. Oulianoff (N. Lenin)», за подписью «Wl. Oulianoff (Nikolai Lenin)». Эта ошибка повторялась неоднократно.— *Ред.*

шизма,— утверждала «Унита»,— самой мудрой стратегией является та, которая основывает свои планы единственно на трудящихся классах и только в них видит свои резервы».

Это были указания, как вести борьбу и работу всем коммунистам, и для каждого товарища появление «Униты» стало возобновлением ежедневного диалога с партией, рабочими, всеми трудящимися. Газета вернула людям уверенность в свои силы. У всех нас, видевших тогда первый номер «Униты», он навсегда останется в памяти.

Избирательная кампания проходила в обстановке нападений, избиений, запугивания, убийств. Многие либералы и демократы выступили в избирательном блоке с фашистами, составив общий «большой список», который поддерживали группировки финансистов и промышленников. Коммунисты работали самоотверженно. «Унита», несмотря на бойкот и преследования со стороны фашистов, несмотря на аресты распространителей, имела тираж около 25 тысяч экземпляров. Трудно было проводить митинги: фашистских провокаторов поддерживали «служители порядка». Тем не менее нам удалось провести несколько митингов даже в Калабрии и Лукании, областях, где не было предприятий, организованных масс трудящихся. Компартия работала также и на селе, среди крестьян и ремесленников, распространяла листовки, плакаты, образцы заполнения избирательных бюллетеней.

1 марта вновь вышел журнал «Ордине нуово». Печатался он под руководством Руджеро Гриеко в Риме на виа дель Викарио, 13. Первый номер журнала, посвященный Ленину, написал, по сути дела, Грамши. В статье «Партия и фракция» Тольятти выступил с критикой бордигианских взглядов на партию и фракционность. Значительное место в журнале было уделено политическим вопросам и практическим задачам, вставшим в связи с подготовкой к выборам. Во втором номере «Ордине нуово» появилась важная передовая статья Грамши «Против пессимизма», которая вызвала среди коммунистов широкий отклик.

По мере приближения выборов фашисты и их покровители все более нагнетали напряженность: росло количество нападений, провокаций. Постепенно угасли последние иллюзии даже у тех, кто надеялся воспользоваться фашизмом как временным средством против наступления

народных масс, чтобы защитить буржуазный строй, а затем вернуться к обычному конституционному режиму.

Фашизм хотел одержать на выборах полную и шумную победу. Для этого он опирался на государственную власть, на закон Ачербо и на фашистский сквадризм. Банды фашистских молодчиков не ограничивались запугиванием и избиением: кандидат от социалистической партии в Реджо-Эмилии Антонио Пиччинини был зверски убит. В ходе самих выборов повсюду совершались разные махинации и подтасовки, открыто нарушался принцип тайного голосования, во многих местах вовсе препятствовали голосованию.

И тем не менее в рабочих центрах фашистский «большой список» потерпел поражение: списки меньшинства в совокупности собрали больше голосов. Коммунисты в Пьемонте, Лигурии и Сицилии получили больше голосов, чем социалисты, а в Венеции-Джулии и в Апулии — больше, чем социалисты и социал-демократы, вместе взятые.

Однако в среднем по стране фашистский «большой список» имел относительное большинство и в соответствии с «мошенническим законом» Ачербо получил две трети мест в парламенте, то есть 374. Прочие мандаты были разделены между остальными партиями — пропорционально количеству поданных за них голосов, в том числе народная партия получила 39 мест, социал-демократы — 24, социалисты — 22, список «пролетарского единства» получил 19 депутатских мандатов (13 коммунистов, 5 «третьеинтернационалистов» и 1 независимый — Гуидо Пичелли), 14 мест имела демократическая оппозиция, 8 — либеральная оппозиция Амендолы[1], 7 — республиканцы, 3 — список Джолитти и т. д. По списку «пролетарского единства» были избраны: Маффи и Бендини в Пьемонте, Грациадеи в Лигурии, Репосси, Рибольди и Фортикьяри в Ломбардии, Грамши и Борин в Венето, Дженнари и Сребрнич в Венеции-Джулии, Пичелли и Энрико Феррари в Эмилии, Дамен в Тоскане, Молинелли в Марке, Вольпи в Лацио, Альфани в Кампании, Кармине Джорджо, которого затем заменил Руджеро Гриеко, в Апулии, Гулло в Калабрии-Базиликате, Ло Сардо в Сицилии.

Результаты выборов показали фашизму, что для подавления оппозиции в палате депутатов нужно более ради-

[1] Амендола, Джованни (1886—1926) — итальянский политический деятель, возглавлял левое крыло либеральной партии. С 1919 года — депутат парламента. С 1924 года — один из лидеров Авентинского блока. Умер в эмиграции.— *Ред.*

кальное средство, чем закон Ачербо, и к этому средству фашизм обратится, когда ликвидирует парламентскую систему и образует фашистскую палату и фашистские корпорации.

Мы расценили результаты голосования как удовлетворительные. По нашим предварительным прогнозам, ожидалось, что список «пролетарского единства» завоюет от 8 до 12 мест в парламенте. В информации, отосланной в Исполком Коминтерна, Тольятти, подчеркивая значение полученных результатов, откровенно и убежденно признавал «эффективность тактики единого фронта».

19 апреля Грамши написал короткое письмо из Вены. Он был доволен, так как знал о своем избрании депутатом парламента и надеялся, что сможет вернуться на родину. Грамши писал: «Надеюсь, мы скоро увидимся; я думаю, вы мне напишете, чтобы я приехал в Италию».

Грамши вернулся в Италию 12 мая 1924 года. Он поселился в Риме на виа Везалио, в домике, принадлежавшем семье Пассардже. Для хозяев Грамши был очень серьезным и очень занятым профессором: они его никогда не беспокоили. Таким образом, Грамши наконец смог восстановить непосредственную связь со старыми товарищами и с итальянской действительностью. Платоне, которого редакция газеты «Унита» перевела в Рим, неотлучно находился при Грамши, став его секретарем.

С Грамши и Платоне мы часто встречались по вечерам за ужином в одной из тратторий около вокзала Термини или во время прогулок у Колизея. Присев на древние камни у его стен, мы вели нескончаемые разговоры о том, что нас беспокоило и заботило в то время. Иногда с какой-нибудь стороны площади раздавался звук гитары и Грамши умолкал: он любил слушать музыку. Платоне часто принимался подпевать, чем сразу же вызывал наше недовольство и протест: пел он не блестяще.

Грамши не терпелось встретиться с товарищами, которые должны были принять участие в партийной конференции в районе озера Комо. На конференцию, проходившую нелегально, под видом загородной экскурсии, съехались члены Центрального Комитета, секретари федераций и межобластных комитетов партии, представитель отдела печати и пропаганды ЦК и представитель Федерации коммунистической молодежи. Заседания проходили под откры-

тым небом в зеленой долине, где цвели нарциссы. Делегатам были представлены три проекта тезисов. Первый, разработанный группой Грамши, подписали Тольятти, Равера, Дженнари, Скоччимарро, Леонетти, к ним присоединились Грамши, Террачини, Ньюди, Флеккья и Адзарио. Второй подписали Бордига, Гриеко, Фортикьяри и Репосси. Третий проект тезисов разработали правые. Его подписали Таска и Вота, а вокруг них объединились Мерсу́, Роведа, Биболотти, Чилла, Фарини, Массини, Карретто, Каппелли, Пиккаблотто и Берти.

Тольятти, Бордига и Таска выступили с пояснением тезисов, представленных их группами. Тольятти изложил историческое обоснование первых лет жизни компартии, полемизировал с Бордигой по вопросам общего понятия партии и ее места в мировом рабочем движении, поддержал тактику единого фронта и политику, направленную на завоевание большинства пролетариата.

Представители периферийных партийных организаций в большинстве своем выразили удивление по поводу разногласий, возникших в руководстве партии, но ранее им не известных. Они выступали против образования фракций, враждебно отнеслись к группе Таски, недоверчиво и недоуменно восприняли новую группу, которую Бордига, бывший ее противником, определил как «центристскую».

С яркой речью на конференции выступил Грамши. Он заострил внимание присутствовавших на проблемах и задачах текущего момента, подчеркнул необходимость борьбы за завоевание большинства пролетариата и поддержки со стороны широких народных масс.

В своем заключительном слове Тольятти уточнил: «Для нас не существует «центр». Есть левое крыло мирового рабочего движения и это — Коммунистический Интернационал». Полемизируя с Бордигой, он утверждал: «Мы находимся на позициях Коминтерна... не поневоле... Мы стоим на них убежденно и сознательно... И мы стремимся, чтобы вся наша партия стояла на этих позициях, не «подчиняясь дисциплине», а по убеждению».

Получилось так, что дискуссия на конференции велась в основном по общим, идеологическим вопросам, а не по конкретным, актуальным проблемам, и схематические, упрощенные и категорические заявления Бордиги оказались более доступными пониманию руководителей федераций, чем другие выступления. 39 секретарей федераций и межобластных комитетов партии проголосовали за те-

зисы Бордиги. Кроме того, к ним присоединились один член ЦК и представитель Федерации коммунистической молодежи.

Тезисы группы Грамши были одобрены семью членами Центрального Комитета, включая трех членов ЦК, подписавших тезисы, и четырьмя секретарями федераций. За тезисы, представленные группой Таски, проголосовали четыре члена ЦК и шесть федеральных секретарей.

Я не присутствовала на конференции: было решено, что в это время я постоянно буду дежурить в Секретариате партии. О конференции мне рассказывали вернувшиеся товарищи. Тольятти был серьезен, озабочен, немного огорчен. Леонетти, недовольный и критически настроенный, говорил: «Конференция была импровизированной. Ее надо было готовить заранее и планомерно, чтобы прийти к ней, имея в руках всю партию или, по крайней мере, руководящие кадры. Секретари федераций не знали истории, сути и корней разногласий, которые им пришлось оценивать. Удивленные и сбитые с толку, они проголосовали за Бордигу, чтобы подчеркнуть свою приверженность к партии, свою верность и дисциплину, как они их понимали».

«Все это,— заметил Грамши,— можно было предвидеть. Конференция стала первой и необходимой встречей и столкновением, исходным рубежом в деле, которое мы будем проводить в партии. Надо было получить ясное и четкое представление о ситуации, в которой нам придется работать».

Последовавшие за этим события, решения, принятые Грамши и партией в связи с этим, дали сильный импульс развитию политической линии компартии, предложенной Грамши.

IV

ОТ УБИЙСТВА МАТТЕОТТИ ДО АРЕСТА ГРАМШИ

Новая палата депутатов начала свою работу 24 мая. Наша группа поручила товарищу Гулло принять участие в дебатах, затронув в особенности проблему Юга. В связи с этим Грамши провел с ним продолжительную беседу, говоря о необходимости союза трудящихся Севера с крестьянской беднотой Юга. Но Гулло так и не пришлось выступить: этому помешал неожиданный срыв обычной парламентской работы.

30 мая в палате депутатов нового состава Джакомо Маттеотти, несмотря на протесты, крики и шум, поднятый фашистами, разоблачил и документально доказал обман, насилия и подлоги, совершенные фашистами во время выборов, поставив таким образом под сомнение законность проведенного голосования. Вечером 10 июня, выйдя из дому, обратно он не вернулся. Он пропал бесследно.

Поздно вечером [1], когда я работала в своей комнате на виа Паниспериа, ко мне зашел Платоне. У него было мрачное, озабоченное лицо.

— Пропал Маттеотти,— сказал он.— А я нигде не могу найти Грамши.

— Надо его немедленно разыскать,— сказала я, холодея от страха.

— Возможно, мы ищем друг друга,— добавил Платоне и, словно озаренный внезапной догадкой, сказал: — Он наверняка попытается установить связь с редакцией газеты. Побегу-ка я туда.

— Держите меня в курсе событий,— попросила я его, пока он поспешно спускался по лестнице.

Платоне разыскал Грамши, а затем зашел ко мне, чтобы успокоить. Он сказал, что Маттеотти, выйдя из дому, направился на набережную Тибра имени Арнальдо Бре-

---

[1] 11 июня 1924 года.— *Ред.*

шианского. Там на него набросились пять человек, силой втолкнули его в автомобиль и помчались с огромной скоростью. Похитителями были фашисты, которые вряд ли его пощадят.

На следующий день в обстановке всеобщей напряженности депутат Гонсалес разоблачил в палате депутатов исчезновение Джакомо Маттеотти.

Муссолини, бледный и неподвижный, отмалчивался. Все депутаты от антифашистской оппозиции вышли из зала. Они назначили заседание Комитета оппозиции и 14 июня обнародовали совместное заявление, в котором постановили воздержаться от участия в работе парламента.

В Милане редакция газеты «Унита» получила сообщение об исчезновении Маттеотти и приказ полиции молчать об этом. Перед входом в редакцию газеты собралась огромная толпа фашистов, угрожавшая нападением и расправой.

Но по телефону прозвучал голос Грамши: «Надо переходить в наступление, возглавить наступающих. Мы должны привести народные массы в движение». «Унита» вышла с огромным заголовком, начав мобилизацию народа и наступательную кампанию против фашизма.

На заседании Комитета оппозиции Грамши предложил провести всеобщую забастовку. Его предложение было отвергнуто другими оппозиционными течениями и Всеобщей конфедерацией труда; к нему присоединился один лишь Буоцци.

Убийство Маттеотти застало врасплох буржуазную и социал-демократическую оппозицию, в большинстве своем убежденную в том, что фашизм был преходящим явлением, обреченным на исчезновение после «нормализации» и восстановления законности. Неучастие в работе парламента явилось протестом, к которому примкнули все оппозиционеры. Но как только речь зашла о дальнейших шагах, среди них сразу же начались разногласия.

Быть может, в эти первые дни всеобщего негодования, когда внимание всей страны было обращено к парламенту, призыв к массам, демонстрация силы могли бы изменить обстановку. Но страх перед «беспорядками», перед коммунистами заставил почти всех представителей оппозиции отвергнуть предложения о том, чтобы обратиться к массам.

Антифашистские демонстрации прошли в нескольких городах, где возникли местные антифашистские комитеты. Чувствовалось, что все пришло в движение. Многие фа-

шисты в состоянии паники вынимали фашистские значки из петлиц.

Ослаб фашистский и полицейский надзор. Грамши мог свободнее передвигаться по городу. Наши встречи и беседы проходили с меньшими осложнениями.

По сравнению с неуверенностью и инертностью других оппозиционных течений позиция Грамши выделялась своей смелостью, учетом обстановки и ее реальных возможностей, политической обоснованностью. Это позволяло видеть в нем политического руководителя не только партии, но и всего народа.

Пользуясь ослаблением полицейского надзора, я почти каждый вечер встречалась с Грамши и Платоне.

Грамши рассказывал о своих разговорах с представителями оппозиции, с деятелями культуры и журналистами. С беспощадной иронией комментировал он услышанные речи, возражения, описывал страх оппозиционеров перед его предложениями обратиться с призывом к массам, активно выступить на борьбу с фашизмом, поставив перед собой ясную цель и не отходя от принятого решения.

В Риме в те дни царило всеобщее возбуждение: люди, казалось, ждали чего-то необыкновенного. Хозяйка дома, где жил Грамши, сказала ему по секрету, что она запаслась мукой, «ибо все настроены против фашистов, будет революция и хлеб исчезнет с прилавков».

Грамши улыбался, хотя и не совсем весело. «Конечно,— говорил он,— народ настроен против фашистов. Но одного морального осуждения еще недостаточно, чтобы изгнать их из правительства. Нужна сила, чтобы их сбросить. Нужен общенациональный политический центр, вокруг которого можно было бы политически сплотить народные массы, пришедшие в движение под влиянием всеобщего гнева. Необходимо также указать конкретные, осуществимые цели, отвечающие интересам и требованиям масс».

Грамши считал, что в тот момент можно было сделать шаг вперед. Но в оппозиции он был одинок: у других не было подобной убежденности. Деятели оппозиции с ужасом отвергали его предложения о мобилизации народных масс. Они надеялись, что король отстранит Муссолини. Народного движения они боялись больше, чем фашизма.

Партия была еще не уверена в своих силах и медлила. Надо было заставить ее действовать открыто, политически активно. Грамши поддерживал постоянную связь с газетой

«Унита», проводил заседания, вел откровенные разговоры в руководящих органах, беседовал с товарищами из Рима, Турина, Милана.

В Турине местный оппозиционный комитет принял резолюцию, опубликованную также в «Риволюционе либерале» [1], в которой говорилось:

«Собрание представителей партий, организаций борцов нефашистских политических тенденций Турина, отметив, что ответственность за убийство Джакомо Маттеотти несет все фашистское правительство, требует отставки Муссолини и призывает депутатов меньшинства, единственно избранных в соответствии с законной волей народа, объединить свои усилия и приступить к защите порядка в стране и созданию нового правительства».

Миланский оппозиционный комитет потребовал отставки правительства, роспуска фашистской милиции, новых выборов на основе пропорциональной системы.

Но в целом в городах Северной Италии одного морального протеста, хотя и широко разделявшегося общественным мнением и оппозицией, было недостаточно для того, чтобы поднять фабрично-заводских рабочих на решительную борьбу и организовать массовое движение.

Руководство партии направило письмо партийным и профсоюзным организациям пролетариата, предложив приступить к согласованным совместным действиям, «дабы подвиг Джакомо Маттеотти, ставшего символом пролетарского самопожертвования в эти тяжелые годы фашистской реакции, не пропал даром», а также провести всеобщую забастовку в целях ликвидации фашизма.

Это предложение осталось без ответа. 19 июня Грамши писал в журнале «Стато операйо» [2]: «Правительство отчаянно пытается снять с себя всякую ответственность и вину, фашизм старается доказать свою невиновность, наказав физических исполнителей преступления». Но совесть народа восстала против главных виновных: против фашизма, его режима, его правительства.

«Все оппозиционные партии выступили... во главе своих сил против правительства, против фашизма. Они

---

[1] «Риволюционе либерале» («Либеральная революция») — демократический журнал, издававшийся в Турине с начала 1922 года П. Гобетти, находился в оппозиции к фашизму.— *Ред.*

[2] «Стато операйо» («Рабочее государство») — еженедельник, издаваемый Компартией Италии в Милане с августа 1923 года.— *Ред.*

правильно поняли, подобно подавляющему большинству итальянцев, что для устранения преступности с политической арены следует устранить причины преступности, разоружить белую гвардию, распустить центры бандитизма, другими словами, ликвидировать силы, поддерживающие фашизм. Такова точная оценка обстановки и потребности момента, налагавшие на оппозиционные партии долг, священный долг, который не был выполнен... И все же, что сделали оппозиционные течения, чтобы добиться каких-либо конкретных результатов? Они заняли выжидательную позицию, быть может, надеясь, что распространяющийся скандал сам по себе нанесет смертельный удар по фашистскому правительству. Разумеется, это явилось самообольщением. Фашистскому правительству до сих пор удалось устоять на ногах... Таким образом, пассивное выжидание обернулось виной».

27 июня Турати должен был торжественно почтить память Маттеотти. Оппозиционные течения наметили провести в этот день символическую 10-минутную забастовку.

КПИ призвала трудящихся к всеобщей забастовке и выдвинула конкретные цели борьбы: наказание всех виновных в преступлениях, совершенных против трудящихся и антифашистов; освобождение арестованных и осужденных пролетариев и антифашистов; роспуск военизированных организаций; запрещение подстрекательских выступлений газет, виновных в том, что они подталкивали фашистов на преступления и защищали убийц. В качестве необходимого условия для осуществления этих задач партия потребовала удаления фашистов из государственных органов власти.

«Долой из правительства фашистских убийц,— говорилось в обращении партии.— Таково немедленное требование итальянского народа».

Всеобщая конфедерация труда выступила против лозунга всеобщей забастовки, считая его провокационным. Однако в Риме, Турине, Милане, Болонье и во многих других городах значительное число рабочих не вышло на работу и приняло участие в народных демонстрациях.

В Риме забастовали все строительные рабочие, представлявшие большинство рабочего класса столицы. В 10 часов, когда гудки в соответствии с решением оппозиционных партий дали сигнал о временном прекращении работы, все замерло в тишине. На улицах и площадях Рима про-

хожие также останавливались и, обнажив голову, застывали в молчании.

С песней «Бандьера росса» мощный народный поток направился по набережной Арнальдо Брешианского к тому месту, где был похищен Маттеотти. Демонстрантов остановила конная полиция, но большая группа трудящихся на лодках поднялась вверх по Тибру и, пока толпа молча стояла у реки, добралась до места похищения Маттеотти, возложив там венки. Снова зазвучала «Бандьера росса», а в это время на пьяцца дель Пополо новый поток демонстрантов столкнулся с полицией и вооруженными силами.

В Милане на демонстрантов напали не только полицейские, но и вооруженные фашисты, начались бурные столкновения, в ходе которых погиб трамвайщик Ольдани. На следующий день большая толпа провожала Ольдани в последний путь. На могиле новой жертвы реакции пели «Интернационал».

В траурной речи Турати заявил, что обстоятельства преступления «делают невозможным для оппозиции участие в работе палаты депутатов до тех пор, пока сохраняется нынешнее положение дел». Таким образом, официально был подтвержден выход оппозиции из парламента и создание Авентинского блока [1].

Однако 24 июня Турати писал Кулишовой [2]: «Время работает на врага». А 13 июля он добавлял: «Все чувствуют, что надо сделать что-нибудь, но положительно ничего не получается. Мы понимаем: чем больше проходит времени, тем больше враг собирается с силами и что случай с бедным Маттеотти дал отныне все, что только мог дать» [3].

В самом деле, отсутствие перспектив, неуверенность авентинцев играли на руку фашизму. Муссолини выигрывал время. Всеобщее возмущение убийством Маттеотти и растерянность, проявившаяся в рядах фашистов, обострили состояние кризиса и недовольства, вызванное экономическими тяготами широких народных масс. В этот момент своевременное, решительное и единое руководство борьбой

[1] Авентинский блок получил свое название от Авентинского холма в Риме, на который, по преданию, удалились плебеи Древнего Рима во время борьбы против патрициев.— *Ред.*

[2] Кулишова (Розенштейн), Анна (1853—1925) — деятельница итальянского социалистического движения, примыкала к правому крылу ИСП, жена Ф. Турати.— *Ред.*

[3] *F. Turati — A. Kuliscioff.* Carteggio, vol. VI. 1923—1925. Torino, 1959, p. 252.

подняло бы народ на выступления, способные произвести перемены в обстановке и хоть отчасти восстановить демократическую жизнь в стране.

Колебания и инертность оппозиционных партий дали, напротив, фашизму возможность преодолеть растерянность и перейти в контрнаступление. Король заявил, что не может распустить правительство, опирающееся на большинство в парламенте. Церковь и высшие государственные круги предпочитали фашистскую нормализацию «скачку в неизвестность». Крупные промышленники, получившие наконец сильное правительство, готовое защищать их интересы, не хотели от него отказываться. Муссолини снял Финци с поста заместителя министра внутренних дел, Де Боно — с поста генерального директора общественной безопасности, устранил своего друга Чезаре Росси и некоторые другие фашистские креатуры, выступившие впоследствии в своих воспоминаниях с обвинениями против Муссолини. Были арестованы Думини, признавшийся, что он убил кинжалом Маттеотти в автомобиле после его похищения, Вольпи, Виола и другие физические исполнители преступления.

Но уже 8 июля были приняты первые меры против печати: префекты получили право приостанавливать выпуск антифашистских изданий, и эти меры стали весьма частыми.

1 августа Совет министров вынес постановление о том, что фашистская милиция включалась, хотя и при сохранении подчинения главе правительства, в вооруженные силы государства. Тем самым делался новый важный шаг по пути фашизации государства.

В сентябре снова начали бесчинствовать сквадристы. Они нападали на людей, избивали несогласных, громили редакции газет. Фашизм переходил к еще более жестоким репрессиям.

24 августа состоялся пленум Центрального Комитета партии. В своем вступительном докладе Грамши изложил политику партии во время кризиса, вызванного убийством Маттеотти. Он полемизировал с бордигианцами, осуждавшими связи коммунистов с оппозицией и любые политические отношения компартии с другими группами или партиями.

«После двух месяцев,— отмечал Грамши,— положение объективно не изменилось. В стране фактически все еще существуют два правительства, которые борются друг с

другом за преобладание среди реальных сил буржуазной государственной организации. Исход борьбы будет зависеть от воздействия общего кризиса на положение дел в Национальной фашистской партии, от окончательного отношения к ней других партий, составляющих блок оппозиции, от действий революционного пролетариата, руководимого нашей партией» [1].

«Ордине нуово» не выходил в течение пяти месяцев. По возвращении в Италию Грамши занимался главным образом восстановлением контактов с товарищами и знакомством с новой обстановкой. Вместо Гриеко, ставшего депутатом, ответственным редактором журнала стал Платоне.

Обстановка, создавшаяся сразу после выборов, потребовала от Грамши сосредоточения всех сил. «Ордине нуово» вновь появился лишь 1 сентября. Журнал снова обратился к прежним темам, начал «сражение» в духе идей Тольятти, обратив особое внимание на анализ обстановки и политики партии за эти месяцы. Той политики, которая, как говорил Грамши в своем докладе на пленуме ЦК, позволила в момент самого серьезного обострения кризиса не потерять контакта с народными массами... Инертность же оппозиции дала возможность фашизму восстановить свои силы и перейти в наступление.

Надежды, возлагавшиеся на раскол парламента в Италии, становились все более призрачными. Ожидали, что палата депутатов вскоре вновь начнет свою работу. 20 октября Грамши от имени парламентской группы компартии вновь предложил Комитету оппозиции «перенести протест по поводу убийства Маттеотти из чисто юридической области в область политическую», превратив оппозицию антифашистских партий в антифашистскую парламентскую ассамблею, в Народный парламент, противопоставленный фашистской палате депутатов. Это предложение было отвергнуто. Авентинский блок, несмотря на упорную глухоту короля, настаивал на том, чтобы дожидаться решения королевской власти.

Грамши развернул большую работу в партии, возобновившей свою деятельность повсеместно по стране. В мно-

---

[1] «La crisi italiana».— «L'Ordine Nuovo», s. III, a. I, n. 5, 1 settembre 1924.

гочисленных федерациях проходили собрания, дискуссии, отчетно-выборные конференции. В Кальяри на 25 октября было назначено собрание областного актива. Грамши захотел принять в нем участие.

В поездке его сопровождал мой брат Чезаре (Глобо), который в 1957 году в журнале «Ринашита сарда»[1] так описывал встречу Грамши с сардинскими товарищами:

«Я был тогда межобластным секретарем партии по Центральной Италии и Сардинии, «шестым номером», как тогда говорили. Я провел на острове собрания в нескольких первичных организациях и более широкую встречу в местечке Ис Аренас. В то время партийная организация была вынуждена вести полулегальное существование: товарищи подвергались репрессиям и преследованиям, собрания готовились с трудом, необходимо было соблюдать предосторожность. Для подготовки указанного собрания все товарищи работали с удвоенной энергией, и дело удалось на славу. Лишь много времени спустя полиция случайно узнала о нашем собрании. Присутствие Грамши и его выступление произвели сильное впечатление и взволновали коммунистов, которые долго их обсуждали.

На собрании Грамши сделал ясный и глубокий доклад об обстановке в Италии, заострив внимание на Сардинии с ее проблемами, нуждами и трудностями. Его речь интересно было бы вновь услышать или прочитать. Несмотря на то что с тех пор прошло много лет, многое в ней не потеряло своего значения и сейчас...»

1 ноября вышел очередной номер «Ордине нуово». В разделе «Хроника» Грамши отвечал на упреки в связи с задержкой выхода журнала. «Политическая деятельность партии,— писал он,— расширившаяся с усилением кризиса, с мощным ростом ее сил и влияния, с уточнением роли революционного пролетариата, поглотила все наше внимание и всю нашу энергию»[2].

Помимо «Ордине нуово» в эти месяцы регулярно выходили еженедельник «Стато операйо» под редакцией Тольятти, «Семе»[3] — небольшая газета для крестьян, выпуск которой Грамши подсказал из Вены, много любви и вни-

---

[1] «Сардинское возрождение».— *Прим. перев.*

[2] «Cronache de L'Ordine Nuovo».— «L'Ordine Nuovo», s. III, a.I, n. 6, 1 novembre 1924.

[3] «Зерно».— *Прим. перев.*

мания этой газете уделял Гриеко, «Компанья», изданием которой я вновь занялась, хотя мое имя там не упоминалось из-за моей работы в подпольном Секретариате партии.

Муссолини объявил о созыве палаты депутатов 11 ноября. Коммунистическая партия возобновила свое предложение о создании «антипарламента», но авентинцы вновь отказались. 12 ноября депутат-коммунист Луиджи Репосси вернулся в зал Монтечиторио [1], где «отмечалась» память Маттеотти, и от имени коммунистической фракции зачитал заявление, в котором, помимо всего прочего, говорилось: «С незапамятных времен повинным в убийстве не дозволено воздавать почести жертвам».

Это выступление означало официальный разрыв коммунистической партии с Авентинским блоком. Коммунистическая фракция продолжала свою антифашистскую борьбу в парламенте.

31 декабря фашистское правительство открыто перешло к новым актам насилия: были конфискованы оппозиционные газеты, произведены обыски, арестованы многие антифашисты; сквадристы стали бесчинствовать еще больше, избавившись от страха, испытанного в предыдущие месяцы.

3 января 1925 года Муссолини выступил в палате депутатов с наглой речью: «Я заявляю здесь,— сказал он,— перед лицом этой ассамблеи и всего итальянского народа, что я, я один, беру на себя всю политическую, моральную и историческую ответственность за все, что произошло... Если фашизм был сообществом преступников, то главой этого сообщества являюсь я!» [2].

Два дня спустя министр внутренних дел Федерцони сообщил палате, что за это время были закрыты 95 политически подозрительных кружков и клубов, распущены 25 «подрывных» организаций, 120 групп «преступной» ассоциации «Свободная Италия», произведены 655 обысков на дому, арестованы 111 «подрывных» элементов.

Голос оппозиции в парламенте был представлен одними коммунистами. Другие партии либо молчали, либо разваливались.

---

[1] Дворец Монтечиторио — здание, в котором находится палата депутатов.— *Прим. перев.*

[2] *R. De Felice*. Mussolini il fascista, vol I. La conquista del potere 1921—1925. Torino, 1966, p. 721—722.

Коммунистическая партия работала и сопротивлялась. Собрания проходили все чаще и при большом стечении народа: коммунисты научились проводить их с большей осторожностью и под разным прикрытием в местах, не вызывавших подозрения.

Крах авентинской оппозиции побуждал товарищей критически отнестись к тому, что произошло и что было сделано. Вставал вопрос: есть ли перспектива реальной и всеобщей борьбы, могла ли она привести к позитивным результатам, отличным от нынешних? Коммунисты задумывались над тем, чего недоставало этой борьбе. Они понимали, что необходимо живое, решительное участие народных масс в борьбе. Но для этого недостаточно одного гнева, морального осуждения фашистских преступлений. Надо было исходить из чаяний трудового народа, поставить перед собой задачи и цели, в которых нашли бы политическое выражение некоторые крупные требования рабочих и крестьянских масс.

Оживленные дебаты, развернувшиеся в конце 1924 — начале 1925 года, ознаменовали собой первый успех: партия политически воспрянула, секции и федерации заработали с удвоенной энергией, собрания и конференции, проходившие повсеместно, в том числе на Юге, вызывали большой интерес.

Завершая 1924 год, мы также скрупулезно отчитались перед товарищами о наших силах. Слияние с «третьеинтернационалистами» дало партии 2 тысячи новых членов.

В конце 1924 года партия насчитывала 25 тысяч членов, входивших большей частью в заводские, районные, поселковые организации: 15 тысяч из них работали в Северной Италии, 5 тысяч — в Центральной и 5 тысяч — в Южной Италии и на Островах.

В партии царили дух единства, отвергавший любую фракционность, железная дисциплина, высокая боевитость. Какая-то часть партии тяготела еще к Бордиге, не разделяя, однако, его идей и позиций, но это тяготение постепенно уменьшалось. Итальянские события этого года и политика партии в связи с этими событиями способствовали решительному изменению общего курса партии. Этому также способствовало отрицательное отношение Бордиги к политическим акциям компартии в течение всего «кризиса Маттеотти».

И все же новый год начинался волной сквадристских выступлений и репрессий. Газета «Унита» официально не

закрывалась, но ее подвергали беспощадной цензуре и непрерывным секвестрам. Другие издания распространялись по организационным каналам партии с помощью партийной сети подпольного транспорта и курьеров.

Грамши отдавал все свои силы политической подготовке и образованию коммунистов: была открыта «заочная школа», проводились беседы и дискуссии, встречи и собрания.

В Риме Грамши непосредственно и много занимался с группой студентов. Он говорил мне об этих молодых людях как о хороших растущих кадрах. Особенно хвалил восторженного и юношески нетерпеливого Велио Спано [1], в то время сардинского студента, который стремился поступить рабочим на предприятия ФИАТ, чтобы жить, работать и бороться вместе с рабочими. Прекрасно отзывался он и о прилежании, любознательности и критическом отношении к жизни другого римского студента — Альтьеро Спинелли. «Спинелли,— говорил мне Грамши,— надо уже сейчас дать возможность делать что-либо полезное: он настоящий труженик, надо привлекать его к сотрудничеству с нами».

Грамши подбирал для нашего внутреннего информационного бюллетеня много материалов из печати и документацию о деятельности Коминтерна и его секций. Материал поступал ко мне для ознакомления и для первоначальной разборки. По совету Грамши я поручила Спинелли переводить или резюмировать некоторые документы, извлеченные из этого информационного материала и полезные для нашей печати.

Еженедельно Спинелли с большой пунктуальностью приносил мне выполненную работу и забирал новую. Грамши, очень строгий в соблюдении правил подпольной работы, дал мой адрес Спинелли, сопроводив его соответствующими рекомендациями. «Он юноша серьезный, зрелый и очень осторожный»,— сказал он мне. Эта работа увлекала Грамши, и он всегда подробно говорил мне о ней.

Наши беседы, однако, из соображений предосторожности стали более редкими. Но время от времени мы встречались в скромных тратториях, где можно было подолгу сидеть, не вызывая подозрений. К нам присоединялся

[1] Спано, Велио (1905—1964) — деятель итальянского рабочего и коммунистического движения. Член ИКП с 1923 года. В 1943—1964 годах — член ЦК ИКП, в 1943—1960 годах — член Руководства ИКП. С 1948 года — сенатор.— *Ред.*

Платоне, сообщавший новости, в том числе и почерпнутые из печати. Иногда мы назначали друг другу свидания в другом месте. Так, однажды в Милане мы встретились в соборе Святого Амвросия, находившемся тогда вне городской черты. Часто наши встречи происходили на площади Святого Петра. Та часть, где сейчас проложен бульвар Кончильяционе, в то время была застроена скромными домиками, среди которых было много дешевых ресторанчиков для посетителей, прибывших издалека. Путник попадал на площадь из узких переулков и замирал в восторге перед грандиозной изумительной колоннадой, окружавшей площадь.

Грамши с громадным интересом следил за вопросами, возникавшими в Коминтерне. В данный момент его особенно беспокоили дискуссии, происходившие в ВКП(б).

Начало полемике положила статья Троцкого «Уроки Октября», опубликованная в сентябре 1924 года.

Грамши охарактеризовал действия Троцкого как серьезную ошибку. По мнению Грамши, это было опасным отклонением от ленинских норм внутрипартийной жизни и в более широком и важном плане от метода обсуждения и коллективной разработки политических вопросов, метода, который Ленин распространял и на вопросы творческого участия всего советского народа в строительстве нового общества. Анализ и обсуждение важнейших вопросов в статье Троцкого уводились на путь личной и односторонней полемики между крупнейшими руководителями партии.

Организации Всеобщей конфедерации труда распадались и численно уменьшались. Палаты труда, непосредственно поддерживаемые трудовым населением, проявляли бóльшую устойчивость, но сквадристы обрушили на них новую волну репрессий и преследований.

Все более очевидной становилась необходимость перехода к новым формам организации, которые способствовали бы преодолению распада и инертности традиционных профсоюзных организаций. На фабриках и заводах рабочие выражали возмущение быстрым ростом цен, который отнюдь не возмещался повышением заработной платы. Партия работала над подготовкой собраний на предприятиях с целью создания рабочих комитетов, названных так-

же агитационными, ибо они должны были использовать обстановку крайнего недовольства и поднять рабочих на защиту неотложных местных требований.

Деятельность партии развивалась во всех областях. Ди Витторио[1] начал вести систематическую работу в крестьянских районах Апулии и вообще на Юге. Гриеко занимался аграрным вопросом в общенациональном масштабе. Террачини, вернувшись из Москвы, где его заменил Скоччимарро, руководил в целом массовой работой партии и занимался газетой «Унита», редактором которой был теперь Леонетти, а Пасторе стал ее римским корреспондентом.

Расширение деятельности партии требовало лучшей организации работы, разделения задач и ответственности. В партии, как в ее центральных организациях, так и на местах, росли активность коммунистов, умение работать и коллективно руководить работой.

В низовых организациях возобновилась также работа среди женщин. Газета «Компанья», особенно ее страница, где печатались корреспонденции рабочих и крестьян, стала средством организации наиболее активных коммунисток, средством объединения, обмена известиями, указаниями, мнениями. В партийных секциях активистки партии организовывали более широкие собрания и встречи, на которые приглашали беспартийных, молодежь из других организаций, особенно католиков и социалистов.

Я иногда выступала на таких собраниях, однако избегала Турина, Милана, где фашисты и полицейские хорошо наладили надзор за «подозрительными лицами». Чаще всего я участвовала в собраниях, организованных под видом пикников, поездок на море, в горы. Встречаясь сейчас со старыми коммунистами, я нередко слышу подробные воспоминания о собраниях в далеком 1925 году, на которых я выступала,— в Ареццо, Виареджо, Бьелле, Неаполе и других местах.

В одном из воспоминаний, опубликованных в Турине в 1960 году, Рапелли описывает собрание, которое происхо-

---

[1] Ди Витторио, Джузеппе (1892—1957) — деятель итальянского и международного профсоюзного движения. Член ИСП с 1908 года. Член ИКП с 1924 года. Активный участник движения Сопротивления. В 1944—1947 годах — один из генеральных секретарей Всеобщей итальянской конфедерации труда. С 1947 года — генеральный секретарь ВИКТ. В 1949—1957 годах — председатель Всемирной федерации профсоюзов.— *Ред.*

дило в лесах Ступиниджи. С группой юношей и девушек я принимала в нем участие. Это были молодые католики, искавшие контакта с нашими группами после роспуска Молодежной католической федерацией Турина своих групп на текстильных предприятиях.

Среди профессиональных революционеров, то есть людей, полностью посвятивших себя подпольной партийной работе, женщин было не так уж много. Такая работа была нелегкой для них. Зачастую она требовала отказа от семейной жизни, от повседневных привычек и занятий, нарушений домашних устоев, а иногда и отказа от личных планов на будущее. Женщины, которые шли на эту работу, были убежденными революционерками. Движимые высокими идеалами, они готовы были пойти навстречу опасности, связанной с выполнением высоких целей и задач.

Перед нами стояли трудные и сложные задачи: надо было ясно представлять обстановку, отделять текущие задачи от более общих, уметь спорить и отстаивать свое мнение, способствовать выработке и осуществлению правильной политической линии, а особенно изучать проблемы женского движения, великую проблему раскрепощения женщины как составную часть и условие освобождения человечества.

Перелистывая как-то недавно некоторые номера скромной газеты «Компанья» и некоторые другие публикации, появившиеся в те годы, я нашла в них изложение тех принципов, которые были тогда положены в основу (и не утратили сейчас своей актуальности) нашей борьбы за освобождение женщин. В качестве предпосылки и условия экономической независимости женщины, завоевания ею свободы и достоинства утверждалось право на производительный труд, признание того, что роль женщины как матери заставляет общество создавать ей соответствующие условия, а не ставить ее в положение неравноправия и унижения. Необходимо обеспечить прямое сознательное и ответственное участие женщин в строительстве нового общества в его экономических, социальных, семейных и человеческих аспектах, в строительстве новой культуры и разработке нравственных начал.

Но помимо участия в разработке идейно-политических вопросов перед коммунистками и антифашистками вставали повседневные практические задачи по поддержанию связи, восстановлению явок, помощи заключенным и их семьям, изданию и распространению с помощью различ-

ных средств подпольной печати, как центральной, так и местной. Наши издания с типографской точки зрения были весьма скромны, их печатали с помощью знакомых типографов, а чаще всего на маленьких печатных станках, установленных в подвалах или на квартирах у товарищей, не вызывавших подозрения у полиции и фашистов. Иногда их просто раскатывали на ротаторе и перевозили с помощью курьеров (часто это были женщины). Рабочие на предприятиях передавали их из рук в руки, уносили домой. У женщин накопился особый опыт в такой трудной и рискованной работе, какой было распространение подпольной печати.

Наши идеи, наша критика фашизма и противодействие ему доходили до самых глухих уголков страны. Проникая в народ, наша печать поднимала его на борьбу, руководила его выступлениями, помогала расширять контакты, число союзников и идти дальше вперед.

6 февраля состоялся пленум Центрального Комитета партии. В нем участвовали Грамши, Террачини, Камилла Равера, Дженнари, Флеккья, Таска, Роведа, Мерсу́, Леонетти, Биболотти, Меррати, Маффи, Малатеста, Тонетти и Лонго от Федерации коммунистической молодежи.

Грамши завершил свой глубокий анализ обстановки выводом, что Авентинский блок сыграл свою роль. Он призвал, однако, товарищей обратить внимание на группы интеллигенции и молодежи, которые, отделившись от авентинцев, встали на более передовые антифашистские позиции или перешли к подпольной борьбе, как, например, группа «Либеральная революция» Пьеро Гобетти, группа Эмилио Луссу и группа так называемых «белых» — католиков, сплотившихся вокруг Гуидо Мильоли.

В связи с недовольством, распространявшимся среди рабочих, Грамши подчеркнул необходимость усилить работу на предприятиях, чтобы преодолеть настроения разочарования, вызванные в народных массах крахом надежд на Авентинский блок и усилением фашистских насилий и репрессий. Создание снизу рабочих, крестьянских и антифашистских комитетов должно было помочь развертыванию массовой работы партии.

Террачини информировал ЦК о выступлении большинства Центрального Комитета ВКП(б) против теории «перманентной революции» Троцкого и о борьбе. развернув-

шейся затем по проблемам социалистического строительства в Советском Союзе.

Грамши в своем выступлении также затронул этот вопрос, отвергнув как ошибочные и опасные позиции Троцкого.

Бордига не участвовал в заседании, но в одном из своих посланий солидаризировался с Троцким. Лонго, который, как и большинство руководителей Федерации коммунистической молодежи, отошел от бордигианских позиций, выразил в связи с этим недоумение и от имени молодежи потребовал «перенести на более поздний срок принятие резолюции».

ЦК нашей партии в заключительной резолюции выразил солидарность с ВКП(б) и осудил позицию Троцкого.

Брожение и недовольство рабочих на металлургических предприятиях заставили ФИОМ встать на более решительные позиции в переговорах с промышленниками, которые безрезультатно велись уже несколько месяцев. 13 марта ФИОМ объявил забастовку. К ней примкнули также металлурги Пьемонта и Венеции-Джулии.

Профсоюз металлургов Советской России выразил свою солидарность с итальянскими металлургами и направил им 5 тысяч рублей для успешного завершения борьбы. Подобную же солидарность проявил Красный Интернационал профсоюзов (Профинтерн), направивший бастующим 50 тысяч лир.

В Турине рабочие завода «ФИАТ-Линготто» устроили демонстрацию: они колоннами прошли до помещения профсоюза и выслушали Буоцци, выступившего с твердых позиций. Был образован межпрофсоюзный комитет в составе ФИОМ, социал-демократов и «белой» (католической) федерации. Эта унитарная борьба ободрила рабочих. Они надеялись, что забастовка сцементирует достигнутое соглашение.

Но промышленники и фашисты плели заговор, чтобы ликвидировать профсоюзы, внутренние комиссии и все организации борьбы и рабочего сопротивления. Забастовка закончилась одной-единственной уступкой: рабочие ФИАТ добились небольшого увеличения заработной платы. В том же месяце была разгромлена забастовка трамвайщиков в Турине. Ее руководители Фернандо Санти[1] и Джузеппе

---

[1] Санти, Фернандо (1902—1969) — деятель итальянского рабочего движения. Член ИСП. После освобождения Италии — секре-

Рапелли были зверски избиты фашистами. Отныне промышленники не только отказывались обсуждать требования рабочих с представителями профсоюзов, но и даже принимать профсоюзных руководителей в помещении Туринского промышленного союза.

После выступления Муссолини 3 января и усиления репрессий руководители Конфедерации промышленников стали вести себя нагло: выступали с антикоммунистическими заявлениями, вычеркивали кандидатов-коммунистов во время профсоюзных выборов, запрещали собрания на предприятиях.

Однако работа коммунистов на фабриках и заводах продолжалась. О ее результатах говорила даже буржуазная печать. Туринская газета «Стампа», например, признавала ее успехи.

В самом деле, в Турине коммунисты завоевали важные позиции на выборах в кассу взаимопомощи ФИАТ и получили большинство на выборах внутренней комиссии завода «ФИАТ-Линготто».

Фабрично-заводские ячейки проводили собрания и встречи на предприятиях. В Милане Леонетти издавал подпольную газету «Ла Верита» [1], выступавшую в поддержку собраний рабочих на предприятиях и внутренних комиссий. В ней находили отражение проблемы заработной платы, дороговизны и т. д.

1 Мая десятки тысяч рабочих оставили работу в Турине, Милане, Триесте, Генуе, Флоренции, Новаре, Болонье, Риме. Рабочие активно боролись, и это вдохновляло коммунистов.

«Унита» 1 Мая опубликовала список лиц, оказавших материальную поддержку газете, который занимал две страницы. Вся партия вела напряженную работу. Несмотря на трудности, «Унита» развернула действенные унитарные выступления, охватывавшие не только революционный авангард, но и широкие трудящиеся массы.

В деревне также происходили волнения: в Молинелле батраки под руководством Джузеппе Массаренти оказали героическое сопротивление сквадристам, которые избивали крестьян, жгли их дома, арестовывали непокорных. Несмотря на голод и погромы, батраки месяцами вели борьбу.

тарь ВИКТ и заместитель генерального секретаря ВИКТ. Выступал за сотрудничество социалистов с коммунистами.— *Ред.*

[1] «Ла Верита» («Правда») — рабоче-крестьянская газета типа листовки, выходила с января 1925 года.— *Ред.*

В районе Кремоны «белые» крестьянские лиги Мильоли упорно защищались, отражая нападения фашистских отрядов. В Апулии выступления батраков были, как и повсеместно на Юге, подавлены наемниками помещиков, опиравшихся на карабинеров и на фашистские отряды, провоцировавшие кровавые столкновения.

Коммунисты повсюду должны были искать новые пути, новые способы восстановления и приведения в порядок своих сил для того, чтобы и дальше идти по трудному пути борьбы.

В это время был арестован Тольятти. Это произошло 3 апреля, когда он выходил из типографии, где печатался журнал «Стато операйо». Многочисленные аресты были произведены также в Милане, Турине, Риме.

Грамши, возвратившись в Италию 18 апреля [1], вынужден был констатировать, что в деятельности партии возникли новые трудности. Тем не менее нужно было готовить съезд партии.

11 мая был созван пленум Центрального Комитета для того, чтобы информировать товарищей о решениях расширенного пленума Исполкома Коминтерна, поставить вопрос о созыве III съезда партии и договориться о подготовке съезда во всех звеньях партии и партийной печати.

Грамши не хотел доводить дело до бесповоротного разрыва с Бордигой или «менять фундаментальную основу партии в том виде, как она сложилась в Ливорно». Но позиция Бордиги и его сторонников заставляла сосредоточить внимание на подготовке съезда: в Милане секретарь секции Фортикьяри пригласил Бордигу выступить с лекцией, которая превратилась в его самовосхваление. Старые абстенционисты старались договориться между собой, наладить свои прежние связи, организовать свои силы.

В этой труднейшей обстановке в стране — и никто не мог сказать, как долго она продлится,— надо было что-то предпринять, чтобы партия не превратилась в замкнутую группировку простых пропагандистов будущей пролетарской революции, далеких от нужд народа и страны, лишен-

---

[1] Грамши участвовал в работе V расширенного пленума Исполкома Коминтерна, проходившего в Москве с 21 марта по 6 апреля 1925 года. В состав итальянской делегации кроме Грамши входили Гриеко, Оберти, Флеккья и Скоччимарро.— *Ред.*

ных конкретных возможностей для ведения активной борьбы.

Другими словами, надо было ликвидировать бордигианство в партии, произвести на съезде решительный поворот в сторону новой, унитарной ориентации партии, спаять воедино разные группировки, влившиеся в партию в момент ее создания.

Грамши отвергал любые попытки перейти на почву склок и личных обвинений. Он стремился прежде всего к диалогу, открытому, живому разговору, способному убедить, завоевать на свою сторону товарищей, повысить теоретическую и практическую подготовку членов партии, их способность к руководству.

«В обстановке, созданной фашизмом,— говорил он,— любой товарищ должен стать руководителем: возможным руководителем в своей партийной организации и руководителем масс».

В формуле «большевизация партии» он видел систему революционного воспитания, действующую внутри партии, отражающуюся в ее положениях, в ее организации и руководстве, в ее способности давать обоснованную, точную, критическую оценку обстановки, в ее действиях и творческой политической линии.

Это было нелегкое дело. Товарищи активно поддержали политическую линию партии в период авентинских событий, хотя против нее выступил Бордига. Они сосредоточили все свои силы на организации ячеек, на проведении собраний на предприятиях, на создании рабочих, крестьянских и антифашистских комитетов.

Но Бордига стремился вернуть предсъездовскую дискуссию к абстрактным, упрощенным, псевдореволюционным формулировкам, которые оказывали воздействие, особенно на молодежь, охваченную естественным нетерпением.

Фашизм тем временем осуществлял свой репрессивный план. Муссолини представил в палату депутатов законопроект, направленный, по его выражению, «на упорядочение деятельности ассоциаций, институтов и организаций, а также участия в них государственных служащих». В министерском докладе дело представлялось так, что законопроект непосредственно был обращен против масонства. Но в гораздо большей степени закон мог быть использован против антифашистских партий. Грамши решил выступить в прениях при обсуждении этого закона.

Возвращение коммунистов в парламент, энергичные речи и смелые разоблачения, с которыми эта немногочисленная группа депутатов выступила против грубых выпадов фашистов, повысили авторитет коммунистов в глазах общественного мнения, с большим интересом следившего за выступлениями Грамши, показавшего себя в эти месяцы выдающимся политическим деятелем.

Когда 16 мая в палате депутатов раздался знакомый, негромкий голос Грамши, вставшего со своего места, чтобы выступить, фашистские депутаты сгрудились вокруг скамеек, отведенных для крайне левых, образовав вокруг говорившего толпу. Муссолини тоже весь обратился в слух, лишь изредка вставляя реплики.

Спокойным и ровным голосом Грамши анализировал классовую сущность масонства и фашизма. Он, в частности, сказал: «Сегодня фашизм ведет борьбу против единственной, хорошо организованной силы, которой располагает буржуазия в Италии, стремясь выбить ее с должностей, которые государство предоставляет своим служащим. Так называемая «фашистская революционность» есть не что иное, как подмена одного административного персонала другим...»

Муссолини перебил: «Это замена одного класса другим, как было в России, как происходит во время всех революций».

Грамши ответил: «Истинная революция — это только та, в основе которой стоит новый класс. В основе фашизма нет ни одного класса, который бы уже не стоял у власти».

Муссолини возразил: «Но ведь крупнейшие капиталисты находятся в оппозиции».

Грамши ответил: «Просто фашизму еще не удалось до конца впитать в себя все капиталистические группировки».

Другие фашистские депутаты тоже перебивали Грамши, стремясь увести его в сторону, разбить аргументы, которые Грамши приводил в подтверждение линии, намеченной им в начале выступления.

Грамши было очень трудно говорить. На каждую реплику он отвечал со свойственной ему четкостью, предельно ясно, серьезно аргументируя свои убеждения. Несмотря на то, что его речь неоднократно прерывалась, Грамши негромко, с большой внутренней силой закончил свое выступление, которое произвело гораздо больший эффект, чем обычно.

Охота на коммунистов и антифашистов продолжалась: шпионы и осведомители засылались повсюду, где только предполагали деятельность против фашизма.

С помощью провокатора полиции удалось напасть на след руководителей подпольной газеты «Нон molларе!» [1]. Эрнесто Росси удалось скрыться, однако Сальвемини был арестован и отдан под суд. Временно выпущенный на свободу, он эмигрировал.

20 июля Джованни Амендола, высланный из Монтекатини, где он находился на излечении, подвергся нападению и был жестоко избит сквадристами, организовавшими засаду. Произошло это неподалеку от Пистойи. Он умер от полученных ран во Франции 7 апреля 1926 года.

Коммунисты разрабатывали и соблюдали новые, более продуманные формы предосторожности при проведении собраний и дискуссий.

Открыто фракционная деятельность Бордиги была тем более вредной, что в тот момент, когда фашистские репрессии свирепствовали вовсю, коммунисты все яснее ощущали потребность в единстве и сплоченности, в том, чтобы теснее сплотить свои ряды в борьбе с врагом. Резкая критика Бордигой Коминтерна и русских коммунистов вызывала замешательство у членов нашей партии, в которых глубоко укоренились тесные связи с Коминтерном и высокий авторитет партии большевиков.

Однако «левые» во главе с Бордигой продолжали работать над подготовкой сражения, которое они решили дать партии. 7 июня «Унита» известила всю партию о серьезном событии: четыре депутата-коммуниста — Дамен, Гулло, Фортикьяри и Репосси — совместно с другими коммунистами — Перроне, Венегони и Джироне — сформировали Комитет согласия из представителей «левых» элементов.

Фракционная деятельность запрещалась Уставом партии и влекла за собой дисциплинарные меры. Все, поставившие свою подпись под письмом, объявлявшим о создании Комитета согласия, были освобождены от занимаемых ими партийных должностей.

Всем федерациям КПИ было предложено высказать свое мнение относительно «фракции». Термин «фракция»

---

[1] «Нон молларе!» («Не уступать!») — нелегальная антифашистская газета, издаваемая во Флоренции группой «Италиа либера» («Свободная Италия») с января до октября 1925 года. В группу входили Эрнесто Росси, Гаэтано Сальвемини, братья Карло и Нелло Росселли.— *Ред.*

был оправдан тем фактом, что в других своих документах Комитет согласия призывал втайне налаживать организационную связь с партийными ячейками, секциями и федерациями, «подбирать самых надежных и политически подготовленных сторонников нашего течения мысли» [1].

Авентинский блок не оставлял надежд на монархию. 7 июня королю было направлено торжественное обращение, оставшееся без ответа. ИСП, социал-демократы, республиканская партия и Сардинская партия действия отказались присоединиться к этому обращению. Парламентская группа коммунистов предложила партиям, не поддержавшим обращение, собраться, чтобы, отметив провал Авентинского блока, согласовать новую тактическую линию и выработать план совместных действий.

КПИ предложила программу из трех пунктов:

1) рабочий контроль над промышленностью — действенное средство борьбы с финансовой плутократией фашизма;

2) наделение крестьян землей и борьба против крупных землевладельцев;

3) борьба за сформирование республиканской ассамблеи на основе рабочих и крестьянских комитетов, которая организовала бы все народные антифашистские и антимонархические силы [2].

Авентинские левые ответили решительным отказом: «нет» республиканской партии приняло полемический характер, отказ социалистов носил отпечаток замешательства.

Предложения, внесенные КПИ, подтверждали необходимость превратить рабочие и крестьянские массы в основное действующее лицо политической борьбы, указывали в качестве перспективы народное республиканское движение, нацеленное на создание ассамблеи, которая имела бы характер и выполняла бы функции учредительного органа. Это было развитием предыдущего предложения об «антипарламенте».

29 июля из тюрьмы был неожиданно освобожден Тольятти. Желая освободить Чезаре Росси и Джованни Маринелли, замешанных в убийстве Маттеотти, Муссолини

---

[1] *P. Spriano.* Op. cit., vol. I, p. 454.

[2] Ibid., p. 464.

объявил амнистию; это позволило и Тольятти выйти на свободу.

Тем не менее охота на коммунистов продолжалась. В августе полиция обнаружила подпольное помещение миланского отдела партии. Был арестован Террачини. Для обсуждения обстановки, выработки плана организации партийной работы и новых мероприятий по охране подпольного партийного аппарата было созвано заседание ЦК.

Несмотря на условия подполья, ЦК в тот период собирался часто: Грамши требовал, чтобы работа высшего руководящего органа партии была коллективной.

ЦК часто собирался в Капанна Маре. Я и Грамши приходили в числе первых. Нас встречала хозяйка, неизменно предлагавшая свежее молоко. Затем приходил Серрати, как всегда усталый.

Серрати был глубоко связан с трудящимися. Ему были близки чаяния и стремления народа. Природная эмоциональность помешала Серрати сделать суровый, но необходимый выбор, обусловленный реальностью послевоенной обстановки.

Серрати не понял, что политическое отмежевание от Турати, Тревеса и других старых представителей ИСП было вызвано различиями в позициях, ориентации и в политических программах. Он расценил его как незаслуженное изгнание из партии ее основателей, людей, создавших первую классовую организацию трудящихся, руководивших первыми забастовками и выступлениями масс. И это невзирая на то, что никто из нас не оспаривал и не отрицал их заслуг в этом. Напротив, Грамши высоко отозвался об этих заслугах в начале кампании за обновление ИСП.

Впоследствии Серрати честно признал свою ошибку. Никто не потребовал у него открыто сознаться в ней, когда в качестве уважаемого и любимого соратника он присоединился к КПИ.

Предсъездовские дискуссии велись на собраниях и в печати. «Унита» каждый день отводила много места для статей всех руководителей партии и многих рядовых коммунистов.

Темой обсуждения была политическая линия, которой партия следовала в течение последних двух лет. Бордига отвергал ее в целом. Он выступал против тактики партии по отношению к партиям парламентской оппозиции, против предложения об «антипарламенте» и соответствовав-

шей ему программы. Он отвергал всякую попытку достичь политического союза с другими партиями, союза рабочего класса с крестьянством, выступал против организации партии на основе производственных ячеек.

Полное несогласие Бордиги с политикой, которую проводила партия в период Авентинского блока, вызвало отпор со стороны многих коммунистов, чье мнение по этому вопросу было иным, чем у Бордиги.

Коммунисты, сплотившиеся вокруг Грамши, такие, как Гриеко, Трессо, Роведа, Адзарио, Ли Каузи, Флеккья, Биболотти, а также молодежь — Лонго, Соцци, Доцца, Д'Онофрио,— вели в партии самоотверженную политическую и организационную работу, находились на переднем крае борьбы, готовые на любые жертвы ради ее успеха. Тем самым они завоевывали растущий авторитет, усиливавший влияние их выступлений в прениях. Из 72 провинциальных федераций, которым было предложено высказаться по вопросу о «фракции», лишь 3 выразили свою солидарность с Комитетом согласия.

Грамши участвовал в предсъездовских дискуссиях, спорил с товарищами, добиваясь более глубокого понимания обсуждаемых вопросов.

Совместно с Тольятти Грамши начал подготовку тезисов к съезду. В момент разработки тезисов Тольятти весьма оптимистически расценивал достигнутое изменение соотношения сил внутри партии, а также возможности новых успехов в этом направлении.

Грамши отзывался об этом с большей осторожностью. Он считал, что часть недавно завоеванных сил еще недостаточно вооружена против нападок Бордиги и его резкого осуждения нашей политики. Грамши отмечал, что критика слева не оставляет равнодушными многих коммунистов. «К примеру,— говорил Грамши,— эта критика заставляет Скоччимарро идти на радикализацию наших позиций. Чтобы успешно завершить съезд, возможно, придется в некоторых случаях проявить настойчивость, «поправить» тех, кто еще находится в плену абстрактных и категоричных формул Бордиги, тех, кто опасается выглядеть «недостаточно левым». Помимо съезда формирование коммунистов будет проходить также в самом ходе развития политической партии».

Приняв участие в нескольких низовых партийных собраниях, Тольятти тоже стал более осторожным в своих прогнозах. Составление тезисов стало более трудоемким,

оно то и дело прерывалось спорами, требовало раздумий и уточнений.

В сентябре Грамши некоторое время жил у Тольятти, дорабатывая окончательный вариант тезисов «Положение в Италии и задачи Коммунистической партии Италии» — основного документа съезда, получившего впоследствии название «Лионских тезисов».

В целом «Лионские тезисы» явились решающим моментом в переходе от первого этапа в создании Итальянской коммунистической партии к последующему развитию и политическому росту партии, сопровождавшемуся, однако, временными остановками и зигзагами.

Перспективы и промежуточные цели, выдвинутые в качестве возможных программных положений партии, придали Лионскому съезду по сравнению с Римским съездом 1922 года глубоко новаторский характер.

Эти перспективы и промежуточные цели, четко определенные в речах, письменных работах и практических политических делах Грамши, в «Лионских тезисах» еще сохраняли отпечаток ограниченности, замкнутости, сектантской резкости, что явилось отражением суровой полемической борьбы тех лет и объективных трудностей момента.

Эти положения обретут у Грамши более конкретную, точную форму после 1926 года, будут им ясно сформулированы в 1928 году в беседе с Террачини в тюрьме, в разговорах Грамши с коммунистами, отбывавшими вместе с ним срок заключения в Тури, и, наконец, в письме, которое Грамши передал Пьеро Сраффе [1] и которое Сраффа доставил Тольятти.

«Лионские тезисы» стали надежным ближайшим ориентиром, придавшим бо́льшую уверенность усилиям партии по мобилизации масс на реальные действия, несмотря на жесточайшие репрессии и корпоративные рамки, в которые фашизм стремился заключить классовую борьбу.

Во второй половине 1925 года состоялись провинциальные партийные конференции и были завершены выборы делегатов на национальный съезд партии.

---

[1] Сраффа, Пьеро — беспартийный интеллигент, сочувствовавший коммунистам. Преподавал в университетах Перуджи и Кальяри. Оказал большую услугу КПИ, поддерживая контакты с А. Грамши, находившимся в тюрьме. Ныне профессор Кембриджского университета (Англия).— *Ред.*

Фракционная попытка создания Комитета согласия провалилась: результаты конференций показывали, что линия Бордиги не получила поддержки.

Партийные конференции проводились подпольно, на окраинах городов, в сельской местности, под видом всевозможных загородных поездок. Каждая конференция была итогом многочисленных собраний фабричных, уличных и деревенских ячеек. Участниками конференций были представители, выдвинутые этими низовыми собраниями.

Грамши выступил на конференциях в Милане, Триесте и Венеции. На конференции в Милане присутствовало около 50 делегатов, она продолжалась всю ночь в уединенном месте.

В период, когда подготовка к съезду находилась в самом разгаре, разразилась новая репрессивная кампания.

Поводом к ней стало первое покушение на Муссолини, совершенное Тито Дзанибони. Полиция и правительство следили за каждым его шагом в подготовке покушения через осведомителя, приставленного к покушавшемуся. Предотвращенное в последний момент, это покушение было с помпой использовано для того, чтобы потребовать от правительства выполнения уже подготовленных репрессивных мер.

В декабре были обнародованы новые правила, еще более ограничивавшие свободу печати. Был принят также закон, направленный против государственных служащих, настроенных антифашистски.

В этих условиях было нелегко подготовить и провести в Италии национальный съезд партии.

Первоначально предполагалось провести съезд в Вене, где Марио Кодевилла (Моро), секретарь Грамши в Вене, мог обеспечить его подготовку. Однако Кодевилла серьезно заболел, и тогда было решено провести съезд во Франции, в Лионе, прибегнув к помощи итальянских рабочих-эмигрантов.

Между 15 и 20 января 1926 года около 70 делегатов, представлявших все области, выехали из Италии. Получив инструкции в техническом отделе, делегаты разными путями пересекли границу и собрались 20 января в месте, отведенном для открытия съезда.

Я активно участвовала в отправке делегатов в Лион. Однако в самом съезде я не участвовала: один из членов секретариата должен был остаться в Италии, и было решено, что останусь я.

С самого начала работы съезда «левые» попытались опротестовать свое представительство на съезде. Однако эта попытка вызвала решительное несогласие делегатов, которым была известна большая организационная работа, проделанная партией до начала съезда.

Грамши зачитал тезисы «Положение в Италии и задачи Коммунистической партии Италии», проиллюстрировал и развил их основные положения. По вопросу о профсоюзах выступил Тольятти, по проблемам сельского хозяйства — Гриеко. Бордига подготовил длинный контрдоклад, в котором подтверждались его позиции. В прениях основным сторонником его линии был Отторино Перроне.

Многие делегаты развернули активную полемику с «левыми»: Раваццоли отметил деятельность партии в период Авентинского блока и последующую работу, проведенную на миланских предприятиях; Баньолати, представлявший батраков Феррары, продемонстрировал эффективность новой политики партии в рамках своей области; Адзарио упрекнул Бордигу в устранении от реальной борьбы. Серрати выступил в поддержку ячеек в качестве основы партийной структуры. Он заявил, что таким образом партия вверяется в руки рабочих, что это поможет улучшить работу активистов и завоевать на свою сторону трудящиеся массы. В этот момент Грамши понял, что ему удалось по-настоящему завоевать на свою сторону Серрати.

Таска выступил по вопросам профсоюзной и массовой работы. Он вновь подчеркнул свое несогласие с системой производственных ячеек, рабочих и агитационных комитетов, которые он ошибочно противопоставлял профсоюзам. Однако в целом он не имел собственной, отдельной от большинства позиции.

В качестве представителя Коминтерна выступил Эмбер-Дро, одобривший новую тактику партии и посоветовавший итальянским коммунистам «продолжать попытки сближения с максималистски настроенными рабочими в низах, применяя в наиболее целесообразных формах тактику единого фронта не только снизу, но при необходимости и сверху».

В политической комиссии съезда Грамши, полемизируя с «левыми», упорно настаивавшими на жесткой альтернативе «диктатура фашизма — диктатура пролетариата» (по сути, диктатура партии), подчеркивал важность промежуточных лозунгов и целей, способных обеспечить связь с непролетарскими социальными группами. «Ни в одной стра-

не,— сказал он,— пролетариат не в состоянии завоевать власть и удержать ее одними своими силами. Он должен обеспечить себе союзников. Вопрос приобретает особую важность в Италии, где пролетариат составляет меньшинство трудящегося населения и географически размещен таким образом, что не может рассчитывать на победу в борьбе за власть без правильного решения вопроса об отношениях с крестьянством. Постановке и решению этого вопроса наша партия в ближайшем будущем должна будет уделить особое внимание» [1].

Съезд продолжался около недели. Бордигианству было нанесено поражение. Заключительный документ, представленный большинством, получил 90,8% голосов, в то время как документ «левых» Бордиги — 9,2%. Воздержавшихся не было.

Грамши лично оказал давление на Бордигу, чтобы тот принял предложение войти в состав ЦК, и Бордига в конце концов согласился.

В Центральный Комитет вошли Грамши, Террачини, Тольятти, Скоччимарро, Камилла Равера, Гриеко, Дженнари, Таска, Серрати, Раваццоли, Маффи, Леонетти, Флеккья, Ньюди, Оберти, Чериана, Баньолати, Аллегато, Бордига, Венегони, Роведа, Адзарио, Тереза Реккья, Трессо.

Членами Политбюро стали Грамши, Тольятти, Террачини, Скоччимарро, Камилла Равера, Раваццоли и Гриеко, членами Секретариата — Скоччимарро, Камилла Равера, Тольятти, Террачини и Гриеко и членами Оргбюро — Скоччимарро, Камилла Равера, Террачини, Флеккья и Гриеко.

Тольятти было поручено представлять партию в Исполкоме Коминтерна, и он выехал в Москву в начале февраля.

Съезд дал толчок обновлению и укреплению партии, оживлению ее деятельности во всех сферах.

Центральные руководящие и рабочие органы партии были реорганизованы: подпольный секретариат в составе Скоччимарро и Раверы, которым помогали Аморетти и Пеллегрини, получил новое помещение, надежно укрытое от фашистов и полиции. При секретариате был создан технический отдел, руководство которым было возложено на Трессо. Он выполнял функции связи. В ведении технического отдела находились явки, курьеры и т. д.

---

[1] *A. Gramsci.* La costruzione del partito comunista 1923—1926. Torino, 1971, p. 483.

Грамши помимо руководства партией в целом возглавлял работу в области печати и пропаганды. Террачини, вышедший на свободу в феврале, наладил в Милане руководство профсоюзами (рабочие и агитационные комитеты и т. д.). В этом ему помогалиЕррати, Раваццоли и Веннегони. Гриеко возглавил сельскохозяйственный отдел, а также вместе с Ди Витторио осуществлял руководство крестьянскими ассоциациями. Таске была поручена разработка экономических вопросов. Соцци и Чезаре Равера отвечали за пропаганду среди военных.

На Джонну было возложено руководство Красной помощью. Молодежь создала свой собственный секретариат, куда вошли Доцца, Лонго, Д'Онофрио и другие молодые работники.

В Москве была организована школа для молодых коммунистов — представителей различных партий. Многие из нашей партийной молодежи использовали эту возможность. Грамши осуществлял подготовку отъезжавших. Он подолгу беседовал с отправлявшейся на учебу молодежью, указывая на пробелы, которые было необходимо ликвидировать. Эти беседы являлись ценным наказом, помогавшим, кроме всего прочего, лучше понять советскую действительность.

Во время пребывания в Москве Грамши находился в непосредственной связи с новым миром, о котором он отзывался с глубоким пониманием. Грамши познакомился с жизнью предприятий, с бытом городских кварталов и деревни, с обстановкой в культурных кругах, школах и семьях. Он завязал множество знакомств и стремился как можно глубже вникнуть в то, что думают люди о новой действительности, в то, как под ее влиянием меняются сами люди.

Нашу молодежь, говорил Грамши, пребывание в Советском Союзе может многому научить. Молодежи необходимо обрести веру в возможность создать такой социальный организм, где каждый мог бы жить активно и солидарно с другими. Абстрактный идеал лишен той эффективности, которой отличается реальная действительность, открытая для поиска и экспериментов, для критических суждений и творческой инициативы.

11 мая 1926 года в Капанна Маре собрался ЦК КПИ для обсуждения итогов деятельности партии в первые

месяцы, прошедшие после съезда, а также для изучения перспектив и постановки новых задач.

В Капанна Маре уже присутствовали почти все члены ЦК; хозяйка дома расставляла на столе перед каждым из стульев кувшины со свежим молоком, когда вошел Таска, тяжело дыша после быстрого бега. Лицо его было бледно и искажено. Все сразу подумали, что произошло что-то серьезное, возможно, ожидался налет фашистов или полиции. Таска приблизился к Грамши и что-то прошептал ему на ухо. Грамши побледнел и после недолгого молчания произнес: «Случилось ужасное. Товарищ Серрати умер, поднимаясь к Капанне вместе с Таской, Роведой и Д'Онофрио. Ему неожиданно стало плохо. Он скончался сразу».

На несколько мгновений все как бы окаменели.

Таска объяснил: «С ним остался Д'Онофрио. Роведа спустился в деревню, чтобы рассказать о случившемся и организовать перевоз тела Серрати в Милан».

— Необходимо немедленно, по группам, разойтись подальше отсюда,— ответил Грамши.— Полицию известят о том, где и с кем был Серрати в момент смерти. Она легко обнаружит место сбора. Если они придут, нужно, чтобы тут никого не было.

Мы быстро договорились о деталях ухода и о встрече в Милане для организации как можно более массовых и торжественных похорон Серрати.

Это был момент глубокой скорби для каждого из нас. Мы любили Серрати за его преданность, человечность, за нравственную и политическую принципиальность, за волю к борьбе и самопожертвование, за постоянную жажду тесной связи с широкими массами. Эта связь, как напишет впоследствии Грамши, лежала в основе того, что Серрати «пользовался такой любовью, какой никогда не мог завоевать ни один руководитель партии в нашей стране» [1].

Летом того же года Грамши в ходе одного из заседаний Политбюро КПИ с удовлетворением отмечал успехи, которых достигла партия, рост ее организованной силы (численность партии поднялась до 30 тысяч человек), активи-

---

[1] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Сборник статей и документов». М., 1953, стр. 186.— *Ред.*

зацию ее деятельности на предприятиях и в сельской местности, успехи партийной печати. Идеи и политическая программа партии находили все более широкое распространение, росло ее влияние на трудящихся, на народ в целом.

Грамши задавался вопросом, как фашизм будет на это реагировать. Каждое выступление рабочих и крестьян вызывало многочисленные аресты и акты насилия. Сам Грамши находился под наблюдением, за ним велась слежка. Он должен был вести себя крайне осторожно, свести до минимума встречи с нами.

В Секретариате партии неоднократно ставился вопрос об охране Грамши. На упомянутом заседании Политбюро было решено довести обсуждение этого вопроса до принятия и осуществления конкретных мер. Грамши привел множество аргументов против предложения о его выезде из Италии.

Грамши беспокоил отрыв от партии, от страны. Уже в Вене он почувствовал отрицательное влияние этих факторов. «Живя в отрыве от итальянского народа,— говорил он,— вдали от реальных нужд и требований масс, наедине со своими мыслями, мне было бы чрезвычайно трудно схватывать появление нового, рождение новых возможностей для итальянского общества».

Тем не менее мы настояли на необходимости оградить Грамши от опасности ареста или нападения. На одном из последующих заседаний Политбюро в августе мы решительно поставили вопрос о выезде Грамши за пределы Италии.

Было решено создать в Швейцарии Заграничный центр партии, тесно связанный с Внутренним центром. В его состав должны были войти Грамши и Камилла Равера. При центре предполагалось создать технический отдел во главе с Кодевиллой. Техническому отделу было поручено немедленно приступить к подготовке нового центра.

На том же заседании Политбюро, учитывая, что партия могла быть поставлена вне закона, были приняты некоторые организационные меры, призванные обеспечить деятельность партии в условиях подполья. В частности, было решено, что во всей партии руководящие органы будут иметь меньшие по составу и полностью законспирированные дублирующие органы.

Тем временем события в стране шли ускоренным темпом. Новые фашистские законы теперь уже и формально ликвидировали старый конституционный порядок. Выборные органы власти заменялись авторитарными.

Растущим фашистским и полицейским репрессиям партия противопоставляла более строгое соблюдение норм конспирации. Менялись шифры, явки, во время встреч соблюдались максимальная осторожность и пунктуальность, поддерживалось четкое разделение между легальными, нелегальными и дублирующими органами.

24 октября квартира Грамши на виа Морганьи подверглась обыску. Обыск не дал результатов, однако стала очевидной необходимость немедленного выезда Грамши из Италии.

Техническому отделу было предложено ускорить подготовку Заграничного центра. Было также принято решение о немедленном выезде Грамши за границу.

Грамши согласился с этим решением. Он лишь попросил предоставить ему возможность присутствовать на заседании ЦК. После заседания он мог бы сразу выехать в Швейцарию, где я должна была присоединиться к нему, с тем чтобы начать налаживать работу и связь с Внутренним центром.

Выезд Грамши за границу был назначен на 4 ноября.

31 октября в соответствии с указаниями Политбюро я выехала из Рима в Геную. Точно в срок встретившись с «сопровождающим», мы вместе с ним и Скоччимарро проделали последний отрезок пути до места, где должен был собраться ЦК.

Место встречи было выбрано техническим отделом. Каждому члену ЦК указывался день, час и место встречи с одним из представителей технического отдела. Каждый из нас должен был пунктуально явиться на встречу с «сопровождающим» и затем вместе с ним добраться до места сбора.

Был уже поздний вечер. Мы продолжали ждать, обеспокоенные необъяснимым опозданием остальных. Наконец появился Эмбер-Дро. А несколько минут спустя от других подошедших товарищей мы узнали, что в Болонье на Муссолини было совершено новое покушение и в ответ фашисты по всей стране развернули свирепую репрессивную кампанию.

Стало очевидным, что именно это явилось главной причиной опоздания или неявки остальных на заседание ЦК. Отсутствовали Грамши, Бордига, Таска, Леонетти, Дженнари, Ньюди, Флеккья и Тереза Реккья; Тольятти и Адзарио находились в Москве, Террачини, Оберти и Аллегато — в тюрьме. Маффи и Чериана болели. Присутствовало семеро: Скоччимарро, Камилла Равера, Гриеко, Роведа, Трессо, Равацполи, Венегони и представитель Коминтерна Эмбер-Дро.

Меня очень беспокоило отсутствие Грамши: он считал необходимым свое присутствие на заседании и лишь чрезвычайные обстоятельства могли помешать ему присоединиться к нам.

В отсутствие Грамши Гриеко кратко изложил взгляды Политбюро на вопрос о дискуссиях, возникших в ВКП(б).

Скоччимарро зачитал доклад о положении в Италии и о задачах партии. Обсуждение этого вопроса не было широким. Каждый думал о последних событиях, требовавших анализа и ответа.

Вечером 4 ноября я вернулась в Рим. Скоччимарро в установленном месте не появился. Не было его и на запасной явке. Я разыскала Аморетти. Он уверял, что Грамши выехал из Рима в Милан 31 октября.

Во второй половине дня из Милана прибыла товарищ Эстер Дзамбони. Она сообщила, что Грамши в Милане не пришел на условленную встречу с представителем технического отдела. Предположив, что Грамши вернулся в Рим, технический отдел с согласия Гриеко направил для связи с ним Дзамбони, совершенно незнакомую полиции и фашистам.

Дзамбони представилась у квартиры Грамши, что она пришла по делу к хозяйке дома. Ее пропустили, и она смогла коротко переговорить с Грамши. Он подтвердил, что 31 октября выехал из Рима, но в Милане был задержан фашистами и агентами полиции, которые, вежливо повторяя «ради вашей безопасности, господин депутат», отправили его назад в Рим.

С тех пор за Грамши «ради его безопасности» неотступно следили повсюду, вплоть до квартиры, контролируя каждый его шаг. Дзамбони сообщила Грамши, что технический отдел поручил ей сопровождать его в Милан, где все было готово для выезда за границу. Грамши возразил, что в настоящий момент это неосуществимо. Стражи не оставляли его ни на минуту.

6 ноября в фашистской газете «Тевере»[1] Фариначчи предложил лишить парламентского мандата депутатов, виновных «в систематическом отсутствии на заседаниях», то есть авентинских депутатов. Поименный список депутатов, опубликованный в той же газете, не содержал имен коммунистов, давно вернувшихся в парламент. В данной формулировке призыв Фариначчи на них не распространялся.

Создавалось впечатление, что Муссолини, стремясь не вызывать крупного скандала за границей, намеревался формально сохранить парламентский иммунитет, по крайней мере до одобрения чрезвычайных законов. Грамши под привычным надзором направился в парламент, где, как обычно, встретился с находившимися там депутатами-коммунистами, отдал распоряжение Рибольди выступить при обсуждении чрезвычайных законов против возобновления смертной казни и против предложения Фариначчи о лишении авентинских депутатов парламентской неприкосновенности. Он надеялся, выходя поздно из дворца Монтечиторио, ускользнуть от слежки. Однако ему пришлось вернуться домой с обычным сопровождением.

В тот же вечер Муссолини сообщил Фариначчи, что нужно было добавить к списку авентинских депутатов имена депутатов-коммунистов. Фариначчи возразил, что лишение депутатских мандатов мотивировалось тем, что авентинцы отказались участвовать в работе парламента. Муссолини ответил, что включения коммунистов в список желала корона.

В 22 часа 30 минут 8 ноября Грамши был арестован и в наручниках препровожден в тюрьму.

Хозяйка рассказала мне о подробностях ареста. Грамши был очень спокоен. Он в эти дни приводил в порядок свои бумаги, кое-какие документы уничтожал, собирал книги, журналы и газеты, связанные в толстые пачки. Грамши рассказал, кому и куда следует передать эти материалы в его отсутствие.

Мы позаботились о том, чтобы выполнить эти указания и организовать ему помощь в тюрьме. Оттуда Грамши сумел сообщить, что мне должны передать подготовленную им пачку газет. Получив ее, я внимательно стала просматривать каждую страницу в поисках послания. В середине пачки была незаконченная рукопись его работы по «юж-

---

[1] «Тибр».— *Прим. перев.*

ному вопросу», о которой он мне много говорил во время наших последних встреч [1].

В ночь на 9 ноября были арестованы все депутаты-коммунисты, кроме Гриеко, оставшегося в Милане, Бендини и Дженнари. 9 ноября вновь открылись заседания палаты депутатов, одобрившей меры против 124 депутатов оппозиции. Палата без обсуждения одобрила проект закона Рокко «о защите государства», учреждавшего смертную казнь и Особый трибунал.

Период между 5 и 9 ноября остался в моей памяти как непрерывные дни большого тревожного напряжения. Из состава секретариата осталась я одна, помощь мне оказывали лишь Аморетти и Трессо.

10 ноября я выехала с Аморетти в Милан, чтобы встретиться с Гриеко, укрывшимся там вместе с Таской, и с другими членами ЦК, которых можно было разыскать в Милане.

Гриеко рассказал мне, что был очень обеспокоен ошибкой, которую он совершил. Днем раньше у него была встреча с Таской, на которой они вместе обсуждали чрезвычайные законы и старались предугадать их последствия.

Таска считал, что сейчас «каждый должен укрыться в своей скорлупе» и ограничиться изучением вопросов рабочего движения, поддерживая лишь личные дружеские связи, и что только так «может выжить социалистическая идея». Гриеко, единственный член секретариата в Милане, поддался влиянию Таски. Ликвидаторская позиция Таски была изложена в коротком заявлении, которое Гриеко в конце концов подписал, намереваясь распространить его среди товарищей.

В тот же вечер Гриеко случайно встретился с советским коммунистом, знакомым еще по Москве, который занимался вопросами торговли между СССР и Италией. Гриеко показал ему документ, подготовленный Таской. «Это не большевистский документ»,— сказал советский товарищ. Гриеко подумал над этими словами и понял, что совершил ошибку, поставив под документом свою подпись.

---

[1] Когда в начале 1927 года в Париже был основан Заграничный центр во главе с Тольятти, я поехала туда, чтобы обменяться информацией и договориться о связи между двумя центрами. Там я передала Тольятти рукопись Грамши, которая из предосторожности была опубликована только в 1930 году в «Стато операйо».

Я его успокоила. В Милане находились Гриеко, Таска, Равацдоли, Джерманетто, Венегони, Равера. Кроме мнения Трессо, о котором я сообщила, можно было узнать о мнении Леонетти, Черианы и других. Таким образом, можно было организовать обсуждение, не уступающее последнему заседанию ЦК.

Гриеко разорвал документ. Предложенное мной обсуждение состоялось. Таска защищал собственную позицию, которой я решительно противопоставила свою. Таска оказался в одиночестве и не настаивал на своем мнении. Решено было подготовить коммюнике, основанное на моей позиции, и распространить его в партии и на предприятиях. Затем мы перешли к принятию решений по практическим и неотложным делам.

V

ПЕРВЫЙ ГОД В ПОДПОЛЬЕ

Тольятти в телеграмме из Москвы сообщил, чтобы Сильвия (Камилла Равера) или Гарланди (Гриеко) приехали в Москву с целью доставить туда информацию о последних событиях в Италии.

Было решено, что в Москву поедет Гриеко. Известный депутат-коммунист, он в любой момент мог быть арестован, поэтому был заранее запланирован и находился в стадии подготовки его выезд за пределы Италии. Мне было поручено реорганизовать партийный центр, разработать меры, которых требовала новая обстановка в жизни и деятельности партии, и осуществить соответствующие организационные мероприятия.

Суть политики, проводимой партией в тот период, выражалась в лозунгах, уже начавших получать все более широкое распространение: «Коммунистическую партию Италии — партию итальянского рабочего класса подавить невозможно», «Разгул реакции и фашистские репрессии не сломят сопротивление пролетариата», «Коммунистическая партия остается в Италии, продолжая свою деятельность и борьбу».

В письме Тольятти от 16 ноября, которым я впервые информировала его о последних событиях в стране и о новых условиях работы партии, приводились, в частности, некоторые данные о жестоком терроре, развязанном фашистами:

«В Милане за 8 дней арестовано 1960 человек, 151 из них жестоко избиты, некоторые вследствие побоев доставлены в больницы в тяжелом состоянии (в частности, Ферочи, который сейчас, к счастью, чувствует себя лучше). 40 домов и партийных помещений разгромлены. В Миланской провинции было произведено 200 арестов, многие подверглись избиениям, высылке, 5 человек погибли. В Форли было убито 5 человек, среди которых 2 фашиста, ибо в ходе разгоревшихся там самых настоящих сражений

коммунисты организовали оборону... В Равенне убито 4 человека, в Брешии арестовано 176 человек, разрушено 30 домов и помещений компартии, в Турине — 350 арестов, 20 разрушенных домов, 10 человек избито... В Риме число арестованных достигло 6 тысяч».

Обстановка и детали «охоты на антифашистов», развернувшейся в те дни, описаны в письме Велио Спано, тогда еще молодого деятеля компартии, написанном из Милана 4 ноября. «Охота на людей,— писал Спано,— продолжалась два дня. По сегодняшним сведениям, только в Милане было разрушено 60 домов и помещений, связанных с именами членов компартии и других противников режима. Сообщают о трех убитых. Один из них, рабочий-металлист, умер мучительной смертью. Помещения газет «Унита» и «Аванти!», а также многие типографии разгромлены. Все это произошло уже после того, как были арестованы 300 наших товарищей, около полусотни из которых до сих пор не освобождены...» [1]

Далее в моем письме Тольятти говорилось: «Партии, естественно, нанесен серьезный урон: множество арестов на периферии, в некоторых местах немногим из наших удалось спастись. Однако там, где партия была лучше организована и крепче сплочена, она выстояла и продолжает действовать, невзирая ни на что. В целом наша организация доказала свою способность устоять даже под столь сильным ударом, как этот последний. Боевой дух коммунистов в целом высок, даже выше, чем мы предполагали. Партийные кадры выдержали испытание, и по мере их выхода из тюрем (многие рано или поздно будут освобождены) партия возобновит свою деятельность, внося, разумеется, значительные изменения в формы и методы работы...

К сожалению, наибольший урон был нанесен партийному центру. Урон этот огромен. Как мы уже телеграфировали, арестованы Антонио, Морелли (Скоччимарро), Виола (Флеккья), Валле [2]. Валле, правда, был освобожден на следующий день. Самое страшное — арест Антонио, это единственное, что нанесло действительно сильный удар по партии, и многие обвиняют нас в том, что мы не спасли его, хотя это было абсолютно необходимо...»

---

[1] *P. Spriano.* Storia del Partito comunista italiano, vol. II. Gli anni della clandestinità. Torino, 1969, p. 64.

[2] Валле — Анджело Таска.— *Ред.*

После состоявшегося в Милане краткого заседания ЦК, собравшегося в неполном составе, я всецело посвятила себя выполнению поручений, данных мне ЦК. Обстановка в партийном центре была серьезной. Из состава ЦК, избранного в Лионе, Грамши, Террачини, Скоччимарро, Бордига, Флеккья, Оберти, Аллегато, Маффи и Роведа находились в тюрьме или в ссылке; Тольятти, Гриеко, Таска, Дженнари, Ньюди — в Москве; Адзарио — в Латинской Америке; в Италии оставались Камилла Равера, Раваццоли, Леонетти, Баньолати, Чериана, Венегони, Трессо и Тереза Реккья. Из избранного в Лионе секретариата осталась я одна.

Подпольный секретариат партии был перенесен в небольшой сельский домик в Стурле, неподалеку от Генуи. В Генуе никогда ранее не находились наши центральные партийные органы, и поэтому по крайней мере в течение некоторого времени внимание полиции к этому городу не должно было быть чрезмерным.

В другом домике, расположенном недалеко от первого и окруженного большим огородом, я разместила отдел печати и пропаганды, которым руководил уже выздоровевший Леонетти. С ним вместе работали Пиа Карена, Джованна Костантини, а позднее также Платоне и Серена Сейденфельд (Нувола), прекрасная работница, которую совсем не знала полиция. Позднее к работе с подпольной печатью подключились Секондино Транквилли и Габриэлла Сейденфельд.

В Санта Кьяре располагалась военная секция, проводившая работу в вооруженных силах. Здесь работали Гастоне Соцци и Чезаре Равера (Глобо).

В Милане оставалась профсоюзная секция под руководством Раваццоли и техническая, обычные задачи которой в сложившейся обстановке стали гораздо более трудоемкими.

Секция Красной помощи осталась в Турине, руководство ею было возложено на Джонну.

Центр по руководству коммунистической молодежью, где работали Секкья, Негарвилле, Ригамонти, расположился в одном из небольших местечек Пьемонта.

Секретариат занимался сбором информации. Здесь обсуждались и принимались решения по вопросам, постоянно выдвигавшимся сложившейся обстановкой, проходили собрания с участием членов различных отделов центра, областных секретарей, представителей молодежи и других

коммунистов, выносивших на обсуждение особо важные вопросы.

Число людей, имеющих прямую связь с секретариатом, было сведено до минимума. Однако, с другой стороны, нам были необходимы по-настоящему тесные отношения с рядовыми коммунистами через их руководителей и посланцев. Нужно было собираться вместе, обсуждать пути восстановления партийных рядов, поредевших вследствие арестов и вынужденной эмиграции. Эти контакты были важны также и для того, чтобы лучше организовать помощь товарищам, брошенным в тюрьмы. Кроме того, они помогали представить четкую картину создавшейся обстановки, способствовали своевременному решению ближайших задач, при этом также не забывались более общие и отдаленные перспективы.

Необходимо было сохранить партию неизменной, уберечь организацию, не прекращать критику, сопротивление, выступления против фашизма, налаживать борьбу, расширять связи.

Нужно было также политически направлять борьбу коммунистов, давать отпор всякому проявлению замкнутости и сектантства, чтобы продолжать жить и работать в реальном мире, в тесной связи с массами и общественным мнением. В условиях кризиса и попрания всех нравственных идеалов со стороны фашизма было чрезвычайно важно сохранить в каждом выступлении, в каждом акте борьбы верность идеям социализма, общее стремление к свободе и справедливости, волю к борьбе и к освобождению от фашизма.

В самый трудный период, последовавший после принятия в Италии чрезвычайных законов, коммунистическая партия была единственной, кому удалось сохранить внутри страны собственную организацию, руководство и продолжить свою деятельность.

Гуидо Лето, один из основных руководителей фашистской полиции и ОВРА (организации по подавлению антифашистской деятельности), созданной Боккини, впоследствии напишет: «Коммунистическая партия была единственной, кого не сломил закон и роспуск политических партий. В этом ей помогла партийная структура, уже в полулегальный период (1923—1926 гг.) способная обеспечить переход к конспиративной работе. Во многих местах каждый легальный партийный орган был сдублирован таким образом, что в случае официального роспуска партии

автоматически вступал в действие двойник. Разумеется, нормы перехода на нелегальное положение и имена людей, занимавшихся конспиративной работой, хранились в строжайшей тайне» [1].

В условиях бездеятельности других сил наша молодая партия, еще небольшая численно, однако имевшая прочную идеологическую и политическую основу, продемонстрировала итальянскому народу, трудящимся свой подлинный характер, свое своеобразие, историческую обоснованность своей деятельности. В уже имеющемся ряду славных, широко укоренившихся традиций она создала свою традицию, не похожую ни на одну другую.

Утверждение этой традиции происходило в условиях жестокой и упорной борьбы, влекло за собой риск, жертвы, на которые люди шли сознательно, борясь с настроениями покорности и пассивности. Многие, которым придется дорого заплатить за этот сознательно избранный путь, стойко встретят момент расплаты, убежденные, что цена хоть и очень высока, но уплачена не напрасно. Именно в этой убежденности и высоком самосознании будет заключена основа авторитета активистов компартии и их боевитости даже в самые суровые и мрачные периоды борьбы.

10 декабря я написала Тольятти: «Общая обстановка остается без изменений. Аресты продолжаются, началось приведение в исполнение приговоров о высылке. Официальные сведения об итогах работы чрезвычайной комиссии ограничиваются списком 522 сосланных. На самом деле их количество значительно выше, ибо, по данным наших организаций, число уже сосланных или ожидающих высылки превышает официальное... Только за последнюю неделю арестованы Дзамбони, Берти, Карретто, Кодре, возможно Роведа (уже несколько дней мы о нем ничего не знаем). Разыскиваются Пасторе, Кокки, Джерманетто, Альфонсо (Леонетти) и т. д. Всех разыскиваемых перечислить невозможно...

Трудности подобного положения дают о себе знать повсюду. Тот факт, что в газетах ничего не пишут о происходящем, способствует разрастанию разных домыслов и фантастических слухов, оказывает нездоровое воздействие. Все это, вместе взятое, крайне усложняет любую деятельность и агитацию. Возникает обстановка всеобщей подавленности, из которой не видно выхода. Если к этому доба-

---

[1] *G. Leto*. OVRA, fascismo, antifascismo. Bologna, 1952, p. 43.

вить бесконечные преследования, ущерб, наносимый арестами множеству семей, репрессии, увольнения, то станет очевидно, что все эти факты не могут временно не сказаться на настроениях людей вообще. В подобной обстановке есть тем не менее и определенный позитивный момент: она обусловливает суровый, бескомпромиссный, классовый характер борьбы, уничтожает всякие иллюзии даже среди мелких буржуа, обостряет недовольство масс, готовит благоприятную почву для партийной агитации и пропаганды...»

После вступления в силу чрезвычайных законов, после смерти Амендолы и Гобетти, вследствие эмиграции всех основных политических деятелей и исчезновения с политической арены в Италии партий антифашистской оппозиции отпала всякая возможность проводить политическую деятельность методами, отличными от методов нашей партии. Коммунисты, в отличие от эмигрировавших партий, утверждавших, что «в Италии больше нет никакой возможности действовать», ставили своей целью, оставаясь в стране, выдвигать непосредственные, ближайшие цели борьбы, вновь воодушевлять трудящихся на активную деятельность, поддерживать антифашистскую борьбу. Никто из нас даже не помышлял о том (как впоследствии утверждали некоторые), чтобы каким-то образом поставить под удар организацию компартии и ее руководящие кадры.

«Насколько мне известно,— вспоминала Фидия Сассано, бывшая в то время областным секретарем по Пьемонту и Лигурии,— в директивах, доставлявшихся курьерами из партийного центра, а также в ходе встреч с участием сотрудников центрального аппарата, не отмечалось склонности к неосторожным действиям, могущим вызвать напрасные жертвы. В них указывалось на необходимость укрепления уже имеющихся связей между партией и трудящимися на предприятиях, одновременно предлагалось проводить необходимую политическую работу в условиях полной нелегальности».

На предприятиях в то время было еще возможно возбудить в трудящихся чувство протеста, мобилизовывать наиболее активных, проводить собрания в лесах или под видом поездки за город, готовить сходки с участием не более 20 человек с целью выяснить обстановку и настроения рабочих в том или ином производственном коллек-

тиве. Подобная деятельность позволяла также поддерживать на низовом уровне связи с представителями других политических течений и с беспартийными элементами.

Однако, по мере того как росла строгость применения чрезвычайных законов, становилось все труднее прибегать к подобным формам протеста. Необходимо было переходить к конспирации, к методам подпольной деятельности, за которую нередко приходилось расплачиваться тюрьмой, ссылкой и даже жизнью.

Из Москвы Пятницкий прислал нам для помощи в работе товарища Макса (Хофмайера), имевшего за плечами большой опыт большевистской борьбы. Однако Италия вступила в период, когда аресты коммунистов приняли постоянный, непрерывный характер. К концу 1926 года треть членов компартии находилась в тюрьмах. Это были те товарищи, которые, участвуя в работе и борьбе партии, занимая ранее государственные и профсоюзные должности, были известны полиции и фашистам.

Существовала ли альтернатива создавшемуся положению? В те зимние месяцы, прогуливаясь по маленькому, безлюдному, каменистому пляжу в Стурле, я неоднократно думала об этом. Всех нас неотступно преследовал, тревожил один и тот же вопрос. Напряженная повседневная работа каждого из нас и наших сильно поредевших секций оставляла крайне мало времени для широкого, обстоятельного анализа и коллективного обсуждения обстановки. В основном мы обсуждали с непосредственно заинтересованными работниками самые насущные вопросы, возникавшие сплошь и рядом в обстановке, к которой наша политическая работа приспосабливалась буквально на ходу.

В короткие минуты прогулок по маленькому стурлинскому пляжу я раздумывала над задачей необычайной трудности: в Италии необходимо действовать так, как действует живая, активная политическая партия, но в то же время надо сохранять наши ряды, беречь наиболее ценные кадры. Как это сделать?

«Нельзя биться головой об стену,— неоднократно предупреждал Грамши,— потому что разобьется голова, а не стена». Тем не менее необходимо было разбить стену насилия и варварства, чтобы проложить себе путь вперед. Необходимо было стойко и неустанно работать, собирать и мобилизовывать силы, необходимые для победы. Как? Грамши в то время не мог мне ответить.

Таска после отъезда из Италии больше не прислал нам ни одного письма. Возможно, он просто не имел достаточного опыта в обращении с подпольной системой связи. Грieко после отъезда в Москву тоже ни разу не написал нам. Может быть, он хотел целиком оставить Тольятти задачу поддерживать контакты с нами. От Тольятти, однако, к нам поступали помимо отдельных номеров журнала «Инпрекорр»[1] и других изданий Интернационала только короткие записки или шифровки, связанные с текущими делами: сведения по бюджету, советы о мерах предосторожности в связи с возвращением в Италию делегации рабочих из Москвы, рекомендации о том, куда отправить из Италии эмигрирующих товарищей — во Францию или в Бельгию, в Америку или в Москву.

«Нам сейчас, как никогда, нужны ваши светлые головы»,— написала я в письме Тольятти и Гриеко в конце обстоятельной информации о нашей работе и о предпринятых нами шагах и мерах.

Раздумья на стурлинском пляже привели меня к мысли о необходимости ориентироваться на длительную борьбу сопротивления. Я и раньше часто выступала против максималистских формулировок, появлявшихся в подпольных молодежных изданиях. Тем не менее я считала эти формулировки выражением живого стремления молодежи отреагировать на всеобщую подавленность, желанием вселить в людей волю к борьбе, подчеркнуть наше партийное присутствие в рядах рабочего класса.

10 января[2] в очередном письме Эрколи и Гарланди[3] я, в частности, указывала: «Получила ваши краткие записки от 28 декабря, в которых сообщалось лишь о благополучном прибытии Гарланди. Теперь жду сведений по всем тем вопросам, которые вместе вы теперь уже наверняка решили...»

Письмо заканчивалось обычной просьбой: «Пишите нам. Сейчас мы, как никогда, нуждаемся в ваших руководящих указаниях. Сердечный привет всем товарищам. *Микели»*.

Тем временем фашистские репрессии вступили в новую фазу. Был создан Особый трибунал, который отличали не-

[1] «Инпрекорр» — информационный бюллетень Исполкома Коминтерна.— *Ред.*

[2] 1927 года.— *Ред.*

[3] Тольятти и Гриеко.— *Ред.*

законность ведения дел и чрезвычайная суровость приговоров.

В помощь этому новому варварскому репрессивному органу по всей стране благодаря усердию Артуро Боккини, уже создавшего широкую и дорогостоящую сеть агентов и провокаторов, была организована и постоянно росла тайная политическая полиция (ОВРА).

28 августа 1926 года в Болонье ОВРА арестовала двух партийных курьеров, Джакомо Стефанини и Бонавентуру Джидони, в момент, когда они обменивались сумками. Корреспонденция, обнаруженная в сумках курьеров, вызвала многочисленные аресты и дала полиции повод для начала судебного процесса. С принятием чрезвычайных законов процесс по делу курьеров вырос в «процесс по делу коммунистического центра», к которому были привлечены многие деятели компартии [1].

Грамши вначале был приговорен к высылке на остров Устику сроком на 6 лет. Прибыв туда 7 декабря, Грамши поселился вместе с другими пятью коммунистами, среди которых был и Бордига. Несмотря на сильные различия во взглядах, старая дружба между Грамши и Бордигой сблизила их. Они совместно организовали питание, причем каждый по очереди в течение недели выполнял обязанности официанта и помощника повара. Они также организовали школу, где Грамши преподавал историю и географию, изучал немецкий язык, а Бордига преподавал технические предметы.

Мы сразу же задались целью организовать побег Грамши. Бордига быстро нашел способ поддерживать с нами связь и в коротком шифрованном письме предложил свою помощь для освобождения Грамши. Однако не успели мы начать подготовку побега, как поступило сообщение о переводе Грамши с Устики в тюрьму Сан-Витторе в Милане. После многочисленных перемещений Грамши был доставлен в Милан 6 февраля. Он сильно устал, оброс длинной бородой, глаза глубоко запали, запястья были в синяках от кандалов.

---

[1] Обвинение было предъявлено 54 коммунистам, в том числе Грамши, Террачини, Скоччимарро, Рибольди, Молинелли, Роведе, Сальватори, Маффи, Николе, Оберти, Адзарио, Флеккья, Борину, Альфани, Биболотти, Карретто, Феррари, Джидони, Стефанини, Дзамбони и скрывавшимся Тольятти, Камилле Равере, Гриеко, Доцце, Буффони, Бендини, Ньюди, Джерманетто, Равацполи, Марио Монтаньяне.

Для нас заключение Грамши в тюрьму было большим ударом, самой тяжелой утратой среди бесчисленных потерь того времени.

С целью ускорить формирование Заграничного центра партии я от имени нашего Внутреннего центра обратилась с письмом в Секретариат Исполкома Коминтерна. В письме я указывала, что в интересах создания и руководства Заграничным центром КПИ мы считаем необходимым отозвать товарища Эрколи с занимаемой им должности в Секретариате Исполкома Коминтерна. Секретариат Исполкома Коминтерна счел нашу просьбу обоснованной и освободил Эрколи от работы в Коминтерне на период между VII и VIII пленумами Исполкома.

VII расширенный пленум Исполкома Коминтерна состоялся в Москве с 22 ноября по 16 декабря. В работе пленума участвовала итальянская делегация в составе Тольятти, Гриеко, Дженнари и Карло Реджани. Мы получали об этом пленуме нерегулярную информацию в документах и других изданиях, время от времени передаваемых нам из Москвы. В общем плане Исполком Коминтерна вновь подтвердил политическую линию и выводы, сформулированные на предыдущих пленумах.

Итальянская делегация обратилась к руководству советской делегации с письмом, в котором выражались полная поддержка и солидарность с борьбой, которую ВКП(б) и ее ЦК проводили против оппозиции.

От имени итальянской делегации выступил Реджани. Он подчеркнул правильность курса ЦК ВКП(б) и отметил успехи, достигнутые Советским Союзом, несмотря на многочисленные трудности.

В ходе пленума Исполкома Коминтерна последние события в Италии не были подвергнуты детальному анализу. Пленум выразил свою солидарность с итальянскими коммунистами, высоко отозвался о КПИ за ее способность оказывать сопротивление перед лицом новой волны репрессий.

Сам Тольятти, иллюстрируя в своем выступлении[1] итальянскую обстановку, отметил, что фашизм в Италии для преодоления глубокого экономического кризиса, сопровождавшегося постоянным снижением заработной платы, прибегает к крайнему средству — к террору, доводя до

[1] *P. Togliatti.* Opere, vol. II. 1926—1929. Roma, 1972, p. 104—113.

предела социальный кризис и вызывая полевение рабочих и крестьянских масс.

«Нужно также отметить, что тот гнет, к которому вынужден прибегнуть капитализм, чтобы добиться стабилизации,— сказал Тольятти,— тяготеет не только над рабочими массами, но и над средними классами и мелкой буржуазией, которые поэтому уже не так легко мобилизовать для борьбы с пролетариатом. Наоборот, для нас, как для авангарда пролетариата, облегчается возможность вернуться к положению 1919 и 1920 гг., когда рабочий класс пользовался решающим влиянием и вовлекал в борьбу все слои общества, враждебные капиталистическому режиму» [1].

Мы, работники партийного центра в Стурле, как и любой член нашей партии, всем сердцем ощущали тесную связь с Советским Союзом и с Коммунистическим Интернационалом.

С глубоким чувством ответственности мы стремились как можно больше знать о проблемах, стоящих перед братскими партиями, воздерживались от критики отдельных деятелей или обособившихся групп, позиции которых нам не были достаточно хорошо известны, об условиях борьбы и деятельности которых мы не имели подробной информации.

Мы решили не проводить широкого обсуждения результатов пленума Исполкома Коминтерна на основе отрывочных материалов, рассчитывая получить впоследствии от нашей делегации более полные сведения, достаточные для выработки позиции.

В первые месяцы 1927 года, несмотря на чрезвычайные законы и на самороспуск Всеобщей конфедерации труда, рабочие выступления не прекратились ни в промышленном треугольнике, ни в других областях.

В Триесте федерация КПИ имела в своих рядах много трудящихся-словенцев. Коммунисты выступали в защиту национальных интересов словенцев, растоптанных фашизмом. Федерация КПИ в Триесте выпускала «Дело» — газету на словенском языке. Фашистские репрессии из-за

---

[1] «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926. Стенографический отчет», т. I. М.—Л., 1927, стр. 371.— *Ред.*

этого становились все более жестокими. Тем не менее в Триесте под руководством Джорджо Яксетича компартии в 1926—1927 годах удалось сохранить свою организацию, связи с предприятиями и контакты с массами. Федерация коммунистической молодежи в Триесте имела в своих рядах смелых активистов, руководимых Джордано Пратолонго, а впоследствии Гадди и Лино Дзокки. Челесте Негарвилле снабжал Триест подпольной молодежной печатью. Молодые коммунисты даже организовали краткие курсы по идеологической подготовке.

В Венеции провели забастовку обработчицы жемчуга. Инициаторы забастовки были арестованы. Выступления рабочих прошли на заводе «Сан-Марко» в Триесте, на заводах «Бреда» выступления протеста вылились в демонстрации на улицах, вызвавшие вмешательство полиции.

В Сицилии рабочие серной промышленности выступили против низких заработков и невыносимых условий труда.

Большую помощь партии оказывала в этот период подпольная печать, ставшая основным средством связи с рабочими и народными массами. Забота о том, чтобы не потерять эту связь, не оказаться изолированными в подполье, была стимулом в нашей работе по распространению подпольной печати.

Секция печати и пропаганды стурлинского партийного центра готовила редакционный материал, содержавший общие политические директивы. На местах этот материал дополнялся другими сообщениями, а затем, там же на местах, обеспечивалось издание печати и ее распространение.

Газета «Унита» распространялась среди рабочих. Под заголовком было указано: «Орган коммунистической партии». Она начала регулярно выходить в декабре 1926 года в Турине и Милане. Позднее, перепечатанная на разный типографский манер, она появилась и в других городах.

Одной из важных постоянных тем нашей пропаганды была борьба против приготовлений к войне и воинственных заявлений дуче.

В интервью газете «Дейли экспресс» от 24 января Муссолини сказал: «Италии нужно пространство для растущего населения. Никакая держава не имеет права сопротивляться ее законным усилиям, направленным на поиск территорий, подходящих ее народу. Италия должна или

расшириться, или взорваться». В журнале «Ле Форце Армате»[1] Муссолини писал: «Для нас, солдат, и для всех итальянцев, достойных этого имени, Витторио Венето[2] является не конечной, а отправной точкой».

Следовательно, дуче хотел войны. Судя по всему, его целью были Балканы. И в самом деле, в стране росли военные расходы, увеличивались вооружения, множились проекты военно-морских и военно-воздушных баз, крупная промышленность перестраивалась на производство оружия. Текстильные фабрики выпускали униформу для солдат.

Военными вопросами и всем, связанным с вооруженными силами, специально занималась наша «шестая» секция, которую называли также спортивной. После принятия чрезвычайных законов она была перенесена из Милана в Санта Кьяру, местечко в нескольких десятках километров от Стурлы. Руководство этой секцией было возложено на Гастоне Соцци и Чезаре Раверу, которым помогал Пьетро Секкья, представлявший в этой секции Федерацию коммунистической молодежи.

Для ведения пропаганды в армии, особенно среди молодых призывников, секция издавала газету «Казерма»[3], освещавшую наиболее важные события текущего момента.

Во второй половине февраля нам сообщили из Москвы, что в Париже учрежден Заграничный центр партии. В его состав вошли Тольятти, Гриеко, Таска и Лонго как представитель Федерации коммунистической молодежи. Мы также получили копии двух документов, имевших отношение к учреждению Заграничного центра: резолюцию об экономическом и политическом положении в Италии и резолюцию о создании Заграничного центра и его задачах.

Эти два документа представили на рассмотрение в Президиум Исполкома Коминтерна Тольятти и Гриеко — два члена Политбюро КПИ, находившиеся в Москве. Президиум Исполкома Коминтерна одобрил эти документы 28 января.

---

[1] «Вооруженные силы».— *Прим. перев.*

[2] В конце октября 1918 года при Витторио Венето итальянская армия наголову разгромила австро-венгерскую армию, уже утратившую боеспособность. Итальянцы захватили 500 тысяч пленных и много боевой техники.— *Ред.*

[3] «Казарма».— *Прим. перев.*

В резолюции о положении в Италии давался анализ изменений в экономической структуре страны, указывались ее характерные особенности и присущие ей противоречия. Отмечалось, что пассивность рабочего класса обусловлена жестокостью фашистских репрессий, бездеятельностью классовых профсоюзов, дезертирством оппозиционных политических партий. Резолюция указывала также на возможные пути развития обстановки в стране.

Вероятная перспектива, указывалось в резолюции, на которую партия должна ориентировать свои действия,— это та, что фашизм исчезнет не иначе, как под ударами народной революции рабочих и крестьян в союзе с некоторыми средними слоями, при поддержке освободительной борьбы национальных меньшинств. Фашизм падет под ударами революции, которую наша партия должна стремиться превратить в революцию пролетарскую. Перерастание народной революции в пролетарскую не будет ни легким, ни автоматическим. Характер антифашистской революции во многом зависит от роли, которую коммунистическая партия будет играть в подготовке и руководстве борьбой [1].

Кроме того, в резолюции выдвигались конкретные требования, отвечавшие существовавшему положению: борьба против снижения заработка, против удорожания жизни, за лучшие условия труда, за свержение фашизма, против монархии, за свободу создавать различные ассоциации.

В области партийных задач резолюция отмечала, что партия должна приложить максимум усилий для завоевания масс на свою сторону, не упускать ни одной возможности побудить их к действию, преодолеть их пассивность. В условиях предательства оппозиционных партий, прекративших борьбу и работу в Италии, говорилось в резолюции, долг компартии — остаться в стране, вести в массах самую широкую работу, невзирая на любые удары со стороны реакции.

В резолюции о создании Заграничного центра указывалось: делегация Центрального Комитета КПИ, находившаяся в Москве в январе 1927 года, в соответствии с рекомендациями руководства Коминтерна и ВКП(б), перед лицом дальнейшего ухудшения обстановки в Италии, в результате чего внутри страны значительно затруднится деятельность руководящих политических органов, решила образовать Заграничное бюро партии и наметила нижесле-

[1] *P. Spriano.* Op. cit., vol. II, p. 105.

дующие нормы, подлежащие одобрению ЦК партии в форме, которую ЦК сочтет наиболее приемлемой:

I. Заграничное бюро партии является руководящим ядром Политбюро ЦК. В его компетенцию входят:

а) решение основных вопросов тактики партии;

б) руководство и контроль за общей деятельностью партии;

в) политическая подготовка заседаний ЦК, съездов партии и партийных конференций;

г) кооптация новых членов ЦК и Политбюро.

II. Кроме того, в обязанности Заграничного бюро входит:

а) издание теоретического журнала партии;

б) руководство идеологической работой в партии;

в) руководство экономическим отделом партии;

г) информирование компартий других стран о деятельности КПИ и связи с ними;

д) контроль за итальянскими эмигрантами за границей;

е) контроль за проведением международных кампаний против фашизма.

III. Заграничный центр обязан обсуждать и решать основные вопросы тактики партии в тесном контакте с членами Политбюро, находящимися в Италии. В своей работе Заграничный центр обязан сотрудничать с возможно большим числом членов ЦК.

IV. В Италии размещены следующие отделы:

а) секретариат;

б) организационный отдел;

в) отдел агитации и пропаганды;

г) профсоюзный отдел;

д) спортивный отдел.

V. Руководство секретариатом возлагается на одного из членов Политбюро. Секретариат в рамках общей политики партии решает вопросы тактики и организационные вопросы, встречающиеся в текущей партийной работе.

VI. Между членами Заграничного и Внутреннего бюро необходимо наладить регулярный обмен материалами и мнениями.

Тольятти прислал нам короткую записку с просьбой о моей поездке в Париж для того, чтобы обменяться информацией и наладить регулярную связь между Заграничным центром и нашим секретариатом. Нужно было также быстро подготовить созыв ЦК партии для обсуждения и одобрения резолюций 28 января.

Заседание ЦК было намечено созвать в Базеле 3 марта. Я немедленно выехала в Париж для предварительной встречи, о которой просил Тольятти. Со мной выехал Джиганте, который вместе с Моранди возглавлял наш технический отдел. Джиганте должен был заняться вопросами связи между двумя центрами. В этом ему должен был помочь товарищ Кодевилла, приехавший в Париж из Вены с целью организовать технический отдел при Заграничном центре.

В Париже я встретилась с Тольятти, Гриеко и Таской в небольшом кафе на окраине города. Между нами завязался дружеский разговор о происшедших событиях, о том, какая работа была проделана в наших центрах. Мне пришлось ответить на множество вопросов о деталях нашей организации и работы. Однако я немного могла добавить к обстоятельным письменным сообщениям, которые я им направляла. Таска спросил: «Есть ли признаки того, что какая-нибудь другая партия располагает, как мы, организацией и руководящими органами в Италии?»

Я ответила, что, по-моему, таких признаков нет, но что отдельные элементы различных течений поддерживают между собой связь для обмена мнениями, критики и т. п. Очень многие, добавила я, высоко ценят нашу подпольную печать.

— А как вы там, в Италии, считаете, насколько близко падение фашизма? — спросил Таска.

— Не думаю,— ответила я,— что между вами и нами возможны большие разногласия по этому вопросу. Перед нами долгий период сложной обстановки, «черной работы», как говорят наши товарищи.

Встреча, как и просил Тольятти, носила информационный характер. Тольятти считал, что анализ и глубокие дискуссии необходимо отложить до заседания ЦК. Тем не менее у меня осталось впечатление, что прожившим долго вдали от Италии действительно очень трудно постигнуть реальную обстановку, в которой приходилось жить и работать внутри страны.

Заседание ЦК КПИ состоялось в Базеле 3 марта. В нем приняли участие восемь членов ЦК: Тольятти, Гриеко, Таска, Камилла Равера, Равацполи, Тереза Реккья, Венегони, Ньюди. Кроме того, присутствовали Доцца, Д'Онофрио, Секкья как представители молодежи и сотрудники раз-

личных центральных отделов партии в Италии: Транквилли, Платоне, Чезаре Равера, Джонна и Карло Хофмайер.

Была одобрена обширная повестка дня, предложенная Гриеко:

1. Доклад секретариата (Микели); доклад Федерации коммунистической молодежи [Пиппо (Доцца)]; доклад Красной помощи [Вольпи (Джонна)]; доклад об эмиграции во Францию и в Бельгию (Oресте) [1]; обстановка в профсоюзном движении [Лино (Раваццоли)].

2. Доклад о VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна и о международном положении (Эрколи); доклад о Брюссельском конгрессе [2] и о международной кампании против фашизма (Верри) [3].

3. Подготовка II национальной партийной конференции (Верри).

4. Кооптация новых членов ЦК, выработка структуры отделов центра и его рабочих секций (Микели).

Раваццоли, председательствовавший на заседании, открыл его словами солидарности с жертвами фашизма, выразив также благодарность швейцарским товарищам, которые помогли организовать заседание ЦК. Я сделала подробный доклад о событиях в Италии и о деятельности партии, начиная с дней, когда произошло покушение в Болонье. Я вновь напомнила: депутаты оппозиции были сняты с занимаемых в парламенте должностей еще до начала работы парламента, депутаты-коммунисты, включая Грамши, были арестованы еще до появления закона, аннулировавшего их мандаты. В докладе говорилось и о многих тысячах арестов, задержаний и высылок, о насилии и репрессиях, которыми так изобиловали те дни.

Многочисленные аресты затронули людей, о которых было известно, что они коммунисты, тех, кто в годы легальной и полулегальной работы находились на виду. Однако ни одна из основных организаций партии не была

---

[1] Оресте — Эннио Ньюди.— *Ред.*

[2] Речь идет о международном конгрессе против колониального гнета и империализма, состоявшемся в Брюсселе 10—15 февраля 1927 года. На конгрессе были представлены 137 организаций из 37 стран. Вместе с представителями рабочего класса и прогрессивной интеллигенции западных стран в конгрессе участвовали посланцы угнетенных народов Азии, Африки и Латинской Америки. Конгресс постановил создать Лигу против империализма, против колониального угнетения и за национальную независимость (Антиимпериалистическую лигу).— *Ред.*

[3] Верри — Анджело Таска.— *Ред.*

разрушена. Сохранились также связи между отдельными отрядами партии и ее центром.

Далее я информировала об организационных изменениях в партии и обрисовала общую схему отделов партийного аппарата:

«первый» — центральный секретариат;

«второй» — отделение секретариата, расположенное в Милане, задача которого — сбор и передача в «первый» материалов, сведений из различных «номеров» и парторганизаций Северной Италии, а также передача в «номера» директив, инструкций и сообщений из «первого»;

«третий» — отделение секретариата с задачами, аналогичными «второму» для Центральной и Южной Италии;

«четвертый» — отдел Агитпропа и информации, имевший помимо своих обычных функций задачу восполнять недостаток информации, вызванный закрытием периодических изданий партии, путем выпуска еженедельных бюллетеней и сбора внутренней и внешней информации;

«пятый» — военный, или спортивный, отдел по работе среди солдат;

«шестой» — технический отдел;

«седьмой» — Красная помощь;

«десятый» — «номер» для Ломбардии;

«двенадцатый» — «номер» для трех Венеций;

«тринадцатый» — «номер» для Центральной Италии;

«пятнадцатый» — «номер» для Южной Италии.

За период между ноябрем и мартом лишь трое товарищей из этого аппарата были арестованы. Далее я привела некоторые из уже поступивших в секретариат данных о силах компартии в целом...

По вопросу о положении в стране в целом в моем докладе отмечалось, что волна репрессий, последовавшая за октябрьским покушением 1926 года, с одной стороны, способствовала росту недовольства режимом, а с другой — обусловила подавленность и дезориентацию народных масс, вселила в них ощущение бессилия, полного отсутствия средств борьбы. В большой мере подобные настроения были результатом исчезновения с политической арены всех партий и группировок, вокруг которых ранее сплачивались силы антифашистского направления.

Коммунистическая партия должна была прежде всего заботиться о том, чтобы ее присутствие ясно ощущалось в рабочей среде и в массах в целом. Партии пришлось своей активной деятельностью доказывать, что, невзирая на

чрезвычайные законы, она не покинула своего места, что ее руководство и организация продолжали действовать, что партия в целом продолжала защищать интересы рабочего класса и всех угнетенных масс.

Прочитанный мною доклад не вызвал замечаний и дискуссий. Затем Гриеко изложил общеполитические директивы, содержавшиеся в резолюции от 28 января, также не вызвавшие возражений. Доцца информировал о молодежной работе. Джонна рассказал о деятельности Красной помощи, подчеркнув ее трудности и задачи.

Раваццоли выступил с докладом о деятельности партии в профсоюзах. В заключительной части выступления он отметил, что на фабриках существует возможность проводить работу среди рабочих. Однако далее Раваццоли заявил, что линия партии не дает рабочим повода для иллюзий, что, напротив, партия постоянно стремится разъяснять трудящимся невозможность в современной итальянской обстановке заключать трудовые соглашения, вести переговоры с хозяевами в качестве представителей организованных, имеющих всеобщее признание профсоюзов.

ЦК заслушал доклад Тольятти о VII пленуме Исполкома Коминтерна и о резолюциях 28 января. Обе они были одобрены, причем была подчеркнута лишь необходимость ясной и четкой регламентации функций Политбюро и Внутреннего партийного центра. Решение этого вопроса было отложено до следующего заседания Политбюро, которое, собравшись 17 марта, сформулировало их следующим образом:

1. Руководство общей деятельностью партии возможно лишь при тесном сотрудничестве между Заграничным бюро и членами Политбюро, находящимися в Италии. Основные вопросы тактики партии должны решаться совместно. Каждый из отделов не должен публично или в отношениях с Коминтерном выступать от имени всей партии без предварительной договоренности с другим отделом.

2. Решение вопросов тактики партии, не требующих принятия срочных мер, также должно обеспечиваться совместно. Выдвижение тех или иных вопросов может производиться одним из центров, однако для окончательного решения требуется согласие обеих инстанций.

3. Заграничное бюро ответственно за поддержание нормальных отношений с Коминтерном. По всем вопросам,

связанным с обсуждением итальянской обстановки и директив партии, необходимо консультироваться с членами Политбюро, находящимися в Италии.

4. В обязанности Заграничного бюро, кроме того, входит: а) издание теоретического журнала партии; б) руководство работой по идеологическому воспитанию членов партии; в) руководство работой экономического отдела; г) сбор зарубежной информации; д) работа среди итальянских эмигрантов; е) контроль за проведением международных мероприятий по борьбе с фашизмом.

5. Члены Политбюро, находящиеся в Италии, ответственны за выполнение решений Политбюро и Центрального Комитета, а также за принятие решений по текущим вопросам тактического и организационного характера.

6. В Италии находятся следующие отделы: а) секретариат; б) организационный отдел; в) отдел агитпропа; г) профсоюзный отдел; д) спортивный отдел; е) шестой (технический) отдел.

В апреле партии, находившиеся в эмиграции в Париже, выступили с политической инициативой. Итальянская социалистическая партия обратилась к коммунистам, социал-демократам и республиканцам с письмом, в котором антифашистским партиям предлагалось создать единый фронт, политическое содержание которого должно было определяться лозунгом «социалистическая республика, находящаяся под контролем свободных итальянских рабочих организаций». В письме, однако, не указывались направления деятельности, которую необходимо было проводить в Италии.

Заграничный центр Коммунистической партии Италии подверг критике этот лозунг за идеологическую расплывчатость, подчеркивая необходимость проведения в Италии практических действий, которые, беря начало в борьбе за осуществление ближайших, частичных требований, привели бы впоследствии к созданию «комитетов единого фронта», предназначенных «стать основой антифашистской стратегии и тактики».

Этот первый обмен письмами не был продолжен.

Однако по инициативе другой организации, Итальянской лиги прав человека, между группами эмигрантов-антифашистов были проведены встречи и достигнут ряд соглашений, в результате чего в том же апреле в Париже бы-

ла создана Организация антифашистского действия, к которой примкнули социал-демократическая и республиканская партии, Буоцци от имени Всеобщей конфедерации труда, а позднее и социалистическая партия. Организация выпускала свой еженедельный орган «Ла Либерта» [1], распространявшийся в странах, где находились итальянские политические эмигранты.

Организация антифашистского действия, судя по всему, стояла на позициях выжидания. Тем не менее Заграничный центр нашей партии стремился уделять ей политическое внимание, невзирая на еще сильное в нас влияние сектантской недоверчивости.

Секретариат Исполкома Коминтерна известил нас о созыве VIII пленума Исполкома Коминтерна. Тольятти должен был принять в нем участие и на основании предыдущих решений Секретариата по окончании заседания вновь занять свое место представителя КПИ в Исполкоме Коминтерна.

Однако мы считали необходимым присутствие Тольятти в Заграничном центре партии. На пленум Исполкома Коминтерна мы решили послать делегацию КПИ в составе Тольятти и Транквилли. Я от имени Политбюро партии написала следующее письмо в Секретариат Исполкома Коминтерна: «Дорогие товарищи, в январе вы сочли обоснованной нашу просьбу об отзыве товарища Эрколи с занимаемого им поста в Коминтерне по причине партийной необходимости. Однако период пребывания товарища Эрколи в наших рядах был ограничен промежутком между VII расширенным пленумом Исполкома Коминтерна и последующим пленумом.

Мы считаем, что следует пересмотреть январское решение. Механизм руководящей работы в нашей партии, включающий внутренний и заграничный центры, постепенно усовершенствуется, однако одним из главных залогов успеха в работе является привлечение к ней всех тех немногих товарищей, которыми партия располагает в настоящее время.

Первые три месяца работы показали, что эффективность работы Заграничного центра зависит от того, насколько постоянно, повседневно его члены следят за событиями в

[1] «Свобода».— *Прим. перев.*

Италии и поддерживают связь с Внутренним центром. Отзыв товарища Эрколи в Москву значительно ослабил бы нашу и без того слабую организацию. Партия сильно пострадала и не имела ни времени, ни возможностей подготовить новых товарищей для выполнения руководящей работы.

Уверены, что вы учтете эти наши соображения и разрешите товарищу Эрколи вернуться для работы в нашей организации «на неопределенный срок». С коммунистическим приветом,

Микели».

В стране тем временем дефляционная политика Муссолини, проводимая им с августа 1926 года после речи, произнесенной в Пезаро, начинала оказывать свое влияние на трудящихся. Уровень заработной платы падал, ухудшающиеся условия труда вызывали у рабочих растущее чувство протеста, участились забастовки и выступления.

В Турине увольнение с заводов ФИАТ 3 тысяч рабочих вызвало крупные волнения. Против сокращения зарплаты выступили рабочие табачной промышленности, предприятий «Сниа-Вискоза», провели забастовку 2 тысячи работниц предприятия Капамьянто.

В Ферраре 2 тысячи безработных провели манифестацию перед зданием фашистской партии, аналогичные факты имелись в Болонье и в Парме. Выступления против тяжелых условий труда были отмечены в Павии, Брешии, Бергамо, Асколи Пичено.

Дефляционная политика Муссолини не только увеличивала трудности, с которыми итальянская промышленность сталкивалась на внешних рынках, но и усугубляла кризис сельского хозяйства, еще более ухудшала условия, в которых находились сельскохозяйственные рабочие и батраки. В деревнях недовольство масс обращалось главным образом против сельских старост, в которых крестьяне видели непосредственных представителей налоговой политики фашизма.

Эти сведения о забастовках, демонстрациях и других проявлениях протеста были для партии большим стимулом в дальнейшей работе. А у фашистов и полиции эти сообщения вызывали ярость, толкая их на еще более жестокие репрессии.

В своих сообщениях Муссолини глава фашистской полиции Боккини в мае 1927 года указывал: «Даже в тех случаях, когда нам путем массовых арестов удается передать в руки суда главарей, место арестованных немедленно занимают другие, и коммунистическая организация в целом сохраняет свою силу... До сих пор мы не смогли установить местонахождение партийного центра и личности его руководителей, а также нащупать новую организационную сеть, которая, особенно на Севере, работает в полную силу благодаря окружающей ее атмосфере строжайшей секретности» [1].

В этих условиях полиция прибегла к самому коварному и страшному методу: она начала засылать в компартию осведомителей, которые, проникая в периферийные органы, всячески стремились добраться до партийного центра.

Этот прием нанес партии огромный ущерб. Наши руководящие органы на периферии, в силу стоявшей перед ними задачи стимулировать и направлять борьбу трудящихся, постоянно находились под ударом полиции, особенно если они состояли из новых, неопытных в конспирации, менее подготовленных в политическом отношении работников, заменивших тех, кого затронула волна репрессий в ноябре 1926 года.

В Турине, Пьемонте и Лигурии, где партия была сильной и зрелой, в первые месяцы после полного перехода в подполье не было отмечено серьезных потерь. Организации партии продолжали действовать, «Унита» и «Батталье синдакали» [2] имели широкое хождение. Тем не менее ОВРА дала себя почувствовать всюду. Использование осведомителей приобретало все более систематический характер и начинало приносить плоды.

В Турине полиции удалось настигнуть в одной из тратторий участников собрания коммунистической молодежи. Были арестованы Освальдо Негарвилле, Луиджи Грасси, Паоло Скарпоне, Марио Россо, Джованни Араньо. Анонимный звонок позволил римской полиции захватить секретаря федерации КПИ Джулио Турки. В Брешии попал в лапы властей Паоло Бетти. Чтобы добиться выдачи «сообщников», его подвергли страшным истязаниям. Бетти молчал и самой дорогой ценой заплатил за это молчание.

---

[1] *P. Spriano*. Op. cit., vol. II, p. 94.

[2] «Батталье синдакали» («Профсоюзная борьба») — подпольная профсоюзная газета, издаваемая коммунистами.— *Ред.*

Все больше арестованных подвергалось пыткам. Кое-кто заговорил, некоторым они стоили жизни.

3 июня полиция арестовала Джованни Пароди, Артуро Виньокки и Альтьеро Спинелли. 12 июня в Милане, Варезе и других городах были проведены целые облавы, в которые попали Ренато Битосси, Фидия Сассано, Исидоро Маркьоро, Витторио Флеккья, член ЦК партии.

Ориентация на длительную борьбу была верной, но каким путем можно было уберечься от полицейских репрессий и одновременно поддерживать живую, непосредственную связь с массами?

Первостепенным был в то время вопрос о выработке политических перспектив на основе правильного и всестороннего анализа обстановки с целью приспособить к ней ритм, методы партийной работы, разработать конкретные меры, чтобы обеспечить ее непрерывность.

В Москве с 18 по 30 мая проходил VIII пленум Исполкома Коминтерна. Тольятти и Транквилли по-прежнему работали каждый на своем посту.

В Париже с 10 по 14 июня было проведено заседание Политбюро КПИ с участием основных представителей Внутреннего центра для информации и обсуждения результатов пленума Исполкома Коминтерна, изучения обстановки в Италии и состояния партии. Основные пункты повестки дня были таковы:

1. Международные вопросы:

а) доклад о пленуме Исполкома Коминтерна [Пасквини (Транквилли), Эрколи];

б) доклад об экономическом положении страны [Риенци (Таска)].

2. Внутренние вопросы:

а) доклад секретариата (Микели);

б) организационные вопросы [Макс (Хофмайер)];

в) молодежные вопросы [Маркуччи (Madджони)];

г) профсоюзная работа и работа среди крестьян (Бласко) [1];

д) работа в учебных заведениях [Галло (Лонго)].

3. Вопросы эмиграции:

а) работа среди эмигрантов (Гарланди);

---

[1] Бласко — Пьетро Трессо.— *Ред.*

б) антифашистская деятельность за границей (Риенци).

4. Разное.

В заседании участвовали: Тольятти, Гриеко, Таска, Камилла Равера от Политбюро (Раваццоли остался в Италии); Трессо, Леонетти, Транквилли от Внутреннего центра; Лонго, Доцца, Madджони от Федерации коммунистической молодежи, а также Хофмайер.

Тольятти и Транквилли информировали о вопросах, обсуждавшихся на VIII пленуме Исполкома Коминтерна.

Основной темой дискуссии на пленуме была угроза войны против Советского Союза. Дипломатические отношения между СССР и Англией резко ухудшились. Муссолини выступил в поддержку английского правительства, ибо, как он выражался, советский строй таит постоянную опасность не только для общественного и национального устройства западных стран, но и для самих основ человеческой цивилизации. В Варшаве был убит полпред СССР [1].

Политбюро КПИ одобрило резолюцию, в которой перед лицом попыток изолировать, окружить СССР, в условиях подготовки к войне против Советского Союза, КПИ обязывалась приложить максимум усилий для того, чтобы итальянский пролетариат в борьбе против войны занял достойное место, предначертанное ему революционными традициями, узами солидарности с Советской Россией, необходимостью оградить ее от нападок империализма.

Я зачитала подробный доклад по внутренним вопросам. Обстановка, сложившаяся в Италии после вступления в силу чрезвычайных законов, отличалась всеобщей пассивностью, разбродом и дезориентацией. Она не могла обеспечить поддержку лозунгам о завоевании власти. Подобные лозунги более соответствовали целям пропаганды, призывам, отличавшимся большей глубиной и широтой охвата проблем, чем те, с которыми наша партия обращалась к трудящимся массам через подпольную печать. Перед нами стояла задача выдвигать непосредственные, ближайшие, близкие каждому цели, чтобы разбудить и поднять на борьбу разобщенные, подавленные массы.

Эпизодические выступления протеста носили изолированный характер, преследовали конкретные цели, выдви-

---

[1] Речь идет об убийстве белогвардейцем полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова.— *Ред.*

гали специфические требования об условиях труда и заработной плате.

Возникали также более крупные народные волнения, вызванные отчаянием, безработицей, ужасной нищетой масс. Мы со своей стороны стремились сделать все, чтобы возглавить эти выступления, направить их в правильное политическое русло, придать им антифашистскую направленность.

Авторитет нашей партии, ее нравственное влияние на умы людей были достаточно высоки, подпольная печать работала эффективно и с большим мужеством. Однако условия, в которых партии приходилось жить и действовать, продолжали оставаться крайне тяжелыми.

Систематические полицейские облавы, повсеместное использование провокаторов на предприятиях, в общественных учреждениях, в жилых домах буквально повсюду стали новой формой террора.

В этих условиях коммунистическая партия была единственной, кто продолжал борьбу, невзирая на все ухищрения врагов. Однако она вынуждена была нести тяжелые потери.

В заключительной резолюции по вопросу о внутренней обстановке и о задачах партии указывалось: «Наши организации, несмотря на большие трудности, продолжают идти вперед по правильному пути, который позволит коммунистической партии оказывать решающее влияние на основные слои итальянских трудящихся масс. Национальная коммунистическая печать сейчас распространяется в Милане в количестве, превышающем тираж, существовавший до официального закрытия ее властями».

Организационные вопросы обсуждались отдельно. Мне казалось, что они неотделимы от анализа обстановки и выработки общеполитических директив, однако Тольятти считал, что разработка организационных норм и мер требует специального обсуждения.

Ссылаясь на уже обсуждавшиеся во Внутреннем центре вопросы, я предложила временно перенести секретариат, отдел печати и пропаганды за границу, неподалеку от Италии, например в Швейцарию, а также пополнить секретариат кем-нибудь из членов Заграничного центра.

Транквилли поддержал мое предложение, Леонетти тоже высказался в его пользу. Тольятти, однако, сделал замечания, указав, в частности, что при обсуждении данного вопроса в Москве товарищи из братских партий

были против этого. Это не решающий фактор, отметил Тольятти, но в Италии в таком случае не осталось бы инициативного центрального органа, чутко улавливающего обстановку. Это отрицательный момент.

В итоге было решено одобрить предложение Микели с учетом замечаний Эрколи.

Было решено, что Леонетти и Платоне не будут возвращаться в Италию. В страну вернутся Камилла Равера, Грието и Транквилли с заданием реорганизовать «второй» отдел. Камилла Равера, для помощи которой был выделен Платоне, назначалась ответственной за перенос секретариата, отдела печати и пропаганды в район Лугано (Швейцария), куда впоследствии предполагался переезд из Парижа Тольятти и Грието, которые вместе с Раверой должны были стать членами секретариата. Леонетти и Пиа Карена должны были войти в состав отдела печати и пропаганды, а Лонго — возглавить Федерацию коммунистической молодежи.

Во второй половине июля все эти решения были выполнены.

Я с Платоне и его супругой, Армидой Грието, поселилась в уединенном домике в районе Лугано. Тольятти с семьей и Грието расположились на окраине Лугано. В своем доме они организовали, обеспечив надлежащую маскировку, секретариат. В двух соседних домах разместились отдел печати и пропаганды, а также Лонго, возглавивший Федерацию коммунистической молодежи. Технический отдел позаботился о бесперебойной связи с оставшимися в Италии отделами, и работа закипела вновь.

Вскоре оказалось, что обстановка и рабочий ритм Лугано были весьма непохожими на атмосферу нашего центра в Стурле. Недоставало напряженности подлинного подполья, чувства какого-то особо тесного братства, обусловленного этой напряженностью. Недоставало живого, непосредственного контакта с рабочими, с людьми, о которых мы сейчас размышляли иначе, более абстрактно. Работалось с меньшим порывом, удовлетворенность работой снизилась. Мы были как бы эмигрировавшим аппаратом. Меня все сильнее тянуло в Италию, я считала временным это перемещение, вызванное необходимостью, надеждой, что вместе нам удастся найти новые способы и средства выполнения задач, стоявших перед нами в Италии. Однако в целом эти вопросы оставались заключенными в узкие рамки мер предосторожности, которые рекомендовалось со-

блюдать более строго, учитывая ошибки и стремясь их не повторять. Это, конечно, имело реальное и очень большое значение, однако не вносило ничего существенно нового в организацию и практическую работу партии.

Организационный отдел, преобразованный Трессо, прислал в секретариат информационный отчет о положении в стране. В Ломбардии был арестован областной партийный секретарь, в Тоскане и Эмилии в лапы полиции попал секретарь КПИ по этим двум областям. С его арестом полиция овладела адресами периферийных областных явок. В Пьемонте и Лигурии партия, несмотря на многочисленные аресты, продолжала активно действовать. Относительная стабильность партийного аппарата здесь была обусловлена наличием сильной рабочей прослойки, обеспечивавшей контроль за периферийными организациями. Слабо шла работа в центральных областях страны. На Юге неаполитанская организация вела активную работу. Однако в других южных областях имелись признаки проникновения в ряды партии сомнительных людей: неожиданно в одно и то же время исчезли три человека, составлявших межобластной комитет. Подобные сомнения распространялись и на другие районы, полиция проводила аресты и облавы с явной помощью осведомителей.

В Болонье полиция произвела многочисленные аресты. Был задержан межобластной секретарь Пенаццато, межобластной молодежный секретарь Челесте Негарвилле и другие. Провокатор выдал полиции Феличиту Ферреро, работавшую в Туринском отделении Красной помощи. Вместе с ней был арестован и Велио Спано.

Провокаторы, которым удавалось проникнуть в наши организации, премировались крупными суммами денег. Неопытные коммунисты попадали в расставленные ловушки, совершали неосторожные, необдуманные шаги. Это приводило к аресту и преданию суду Особого трибунала многих ценных работников. Фашистская печать обычно ничего не писала об арестах и приговорах Особого трибунала, лишь изредка в некоторых городах данные о деятельности Особого трибунала публиковались с целью устрашения.

После изучения в секретариате информационного отчета, полученного из организационного отдела, было решено созвать заседание Политбюро с целью обсудить политические и организационные вопросы и одновременно дать анализ международного положения.

Первое заседание в узком составе, посвященное организационным вопросам, состоялось 17 августа.

Тольятти подверг общей критике работу, проведенную партией после введения чрезвычайных законов. Он говорил о серьезности допущенных ошибок, не указывая их конкретно, не давая практических советов для их исправления, не предлагая взамен новых методов работы. Общее отрицательное суждение обо всем том, что ранее делалось партией, показалось мне нападением на коммунистов, работавших в Италии все последнее время, нападением на партийный аппарат, которому в столь трудных условиях работы предъявлялось даже обвинение в бюрократических тенденциях.

Я реагировала на подобный подход к анализу обстановки, призвав к серьезному и ответственному поиску способов улучшить организационную работу и деятельность партии, исходя из целей нашей политики и в соответствии с нашими политическими суждениями, отметила новизну методов борьбы, к которым прибегнул противник, указала на ограничения, возникшие в связи с этим в нашей работе.

Гриеко попытался объяснить, что «речь шла не о том, чтобы делать нападки на партию или полемизировать с Микели, а о том, чтобы произвести критический анализ нашей организационной работы». Я заметила, что расхождения заключались в суждении, высказанном Тольятти о партии и о партийном аппарате, работающем в Италии. Тольятти предложил перенести изучение вопроса на другое заседание, в ходе которого он собирался уточнить свои мысли и изложить их в документе, содержащем предложения о методах организационной работы. Это предложение было принято.

В этом заседании участвовал товарищ Хофмайер, около года по-братски сотрудничавший с нами в Италии и оказывавший нам в работе большую помощь. Он с видимым удивлением выслушал суровую критику и обвинения, высказанные Тольятти. Не выступив, он ушел еще до того, как окончилось заседание.

На следующее утро он зашел ко мне, чтобы узнать мое мнение обо всем услышанном на заседании. Он первым прокомментировал его: «Тольятти и другие товарищи, около двух лет назад покинувшие Италию, с трудом могут представить себе, в каких условиях приходилось вести работу после октября 1926 года. Нельзя сейчас согласиться с вче-

рашним мнением о том, что нужно отменить пост областного секретаря из соображений внутрипартийной демократии и с целью борьбы против бюрократизации партийного аппарата в Италии, где коммунисты ведут работу в условиях не только отсутствия всякой личной выгоды, а, наоборот, в обстановке полной неуверенности и постоянной опасности».

Хофмайер понял, что и я была удивлена всем услышанным не меньше его. Он спросил, чем закончилось заседание.

Плана и новых методов работы, ответила я, предложено не было. Единственное указание «просто работать лучше» могло мало помочь. Товарищи, долгое время оторванные от Италии, были, несомненно, меньше нас осведомлены о положении в стране. Политическая линия партии всегда настраивала их на мысль о необходимости расширять работу в Италии. В ходе одной из бесед в Заграничном центре они даже предложили организовать в Италии несколько партийных школ с целью подготовки новых кадров.

Цель, поставленную в ноябре 1926 года, можно было считать достигнутой. Коммунистическая партия осталась на своем месте, она вела борьбу и возглавляла ее. Это укоренилось в сознании всех, даже полиции. В силу этого можно было в интересах продолжения борьбы пойти на временное отступление,— активное отступление с целью реорганизовать партию и подготовить ее к длительному периоду сопротивления и подпольной борьбы.

Поэтому было бы ошибкой сводить все к необходимости «работать лучше», не указывая, как это делать, заниматься мелкой организационной критикой, делать из несоблюдения норм предосторожности всеобщие отрицательные выводы. Не следовало обострять расхождения полемикой, грозившей принять личный характер. Нас всех мучил один вопрос: как сохранить силы, не ослабляя борьбы?

Уже некоторое время я чувствовала сильную усталость. Не исключалось, что это была болезнь, и я решила просить временно освободить меня от работы в секретариате для отдыха и лечения. Другие товарищи продолжили бы поиск новых методов работы, способных дать лучшие результаты, чем это было до сих пор.

Хофмайер одобрил мою мысль об отдыхе и лечении. Он был убежден, что после долгих лет подпольной работы, большого напряжения и ответственности отдых абсолютно

необходим. Однако он считал, что просьбу о временной замене в секретариате мне нужно было сопроводить ясным ответом на все сказанное во время заседания. Он настаивал до тех пор, пока я не написала товарищам из Политбюро одобренное им письмо. В нем, в частности, указывалось: «В ходе заседания Политбюро 17 августа, посвященного обсуждению партийно-организационных вопросов, я высказалась против некоторых утверждений товарища Эрколи, которые, по-моему, не соответствуют действительности. Я не согласна, в частности, со следующим: с момента запрещения партии до настоящего времени она не стремилась решать организационные вопросы с учетом условий подполья и продолжала работать плохо, как легальная или полулегальная партия.

Все неудачи последнего времени зависят от того, что сотрудники аппарата не умеют вести нелегальную работу, что они превращаются в бюрократический механизм, оторванный от жизни партии, что они своими действиями ставят под удар основы всей партии.

Я считаю, что эти утверждения являются следствием слабого знания товарищем Эрколи условий, в которых партийный аппарат вынужден был работать с момента запрещения партии до настоящего времени».

«Я считаю,— указывалось далее в письме,— что ошибки заключаются в изучении организационных вопросов самих по себе, а не в связи с политической жизнью партии. Они также являются результатом преувеличения любого случая провала какого-либо из элементов аппарата, выражающегося в фразах типа «скоро у нас больше ничего не останется» и т. д.».

«Таким образом,— написала я в заключение,— учитывая общее мнение Политбюро, я считаю себя кандидатурой, наименее пригодной для работы на занимаемой мною должности. Прошу Политбюро освободить меня от обязанностей члена секретариата».

Мне устно ответили, без малейшего упоминания о возникших на заседании разногласиях, что в документе, опубликованном «от имени члена Политбюро», содержатся двусмысленные намеки. Было признано, что мне действительно необходимо подлечиться и отдохнуть, не прекращая, однако, работу в секретариате.

Никаких существенных изменений в организационной работе предложено не было, не осуществились они и впоследствии.

Суждения, ставшие причиной моего процитированного выше письма, на которых в то время было решено не заострять внимания, были одобрены в последующие годы в основном теми, кто был мало знаком с реальными событиями и условиями партийной работы в 1927 году, теми, кто считал, что после принятия в Италии чрезвычайных законов многие коммунисты были безответственно, необдуманно поставлены под удар.

27 августа состоялось заседание Политбюро, посвященное международным вопросам. Присутствовали Тольятти, Гриеко, Равера, Раваццоли, Леонетти, Лонго, Хофмайер и Ракоши — представитель Коминтерна.

Тольятти вновь обрисовал международную обстановку, таящуюся в ней угрозу войны, особенно войны против Советского Союза, подчеркнув необходимость усиливать борьбу за мир, против военной опасности.

В ходе этого же заседания, учитывая обстановку, сложившуюся в руководящих органах партии в связи с многочисленными арестами, в состав ЦК были кооптированы Транквилли, Ли Каузи, Нискьо и двое рабочих, имена которых должны были указать впоследствии первичные организации.

В Политбюро были кооптированы Таска, Леонетти и Трессо. Коммунистическая молодежь поручила Лонго и Доцце руководство своим Заграничным центром, а Секкья — Внутренним.

Работа закипела с новой силой. Мне для отдыха и лечения разрешили сократить часы работы и часть ее, по согласованию с Тольятти и Гриеко, выполнять дома, где я жила вместе с Платоне и Армидой. Для меня это был период тревожных раздумий о Грамши, томящемся в тюрьме и не имеющем возможности оказать нам помощь, дать указания.

Тем временем внимание швейцарской полиции привлекли обитатели дома, где жили Лонго, Ноче, Леонетти и Карена. Из опасения, что это внимание могло распространиться на других или, еще хуже, нами могли заинтересоваться итальянские фашисты, было решено перенести партийное руководство из Лугано в Базель. Платоне, Армида и я тоже оставили наш домик.

Именно в те дни лечивший меня врач сказал, что состояние моего здоровья гораздо хуже, чем я предполагала. Без моего ведома он оповестил об этом остальных, и мне предложили отправиться на период лечения и отдыха в горную местность.

В сопровождении Платоне я выехала в Энгельберг, небольшую деревушку на высоте 2 тысячи метров, которую мне посоветовал врач. Разместившись в подходящей гостинице, я начала отдых, следя за питанием, проводя много времени на воздухе, среди ледников и снега гор, куда можно было добраться по канатной дороге.

Однажды Платоне приехал навестить меня, справиться о здоровье и рассказать о последних новостях.

Тольятти и он с семьями переехали в Базель, куда вскоре перебрались и остальные. Весь Заграничный центр теперь находился там. Полным ходом шла подготовка партийной конференции, которую уже давно предлагал провести Тольятти. Партия переживала трудное время, было необходимо посоветоваться с рядовыми коммунистами. Конференцию было намечено провести в конце января в Базеле.

Затем вдруг Платоне сказал:

— А теперь еще эта неприятность с Джонной.

— Неприятность?

— Первое предательство на национальном уровне.

Затем он изложил мне все по порядку.

Джонна[1] был арестован в Турине 27 октября, затем переведен в Перуджу, где действовала особая бригада политической полиции при министерстве внутренних дел, а позднее был доставлен в Рим.

Месяц спустя он неожиданно появился в Рекко, зашел к Трессо на квартиру, которую тот подыскал себе как раз после ареста Джонны, и рассказал, что совершил побег из поезда во время одного из переездов. Трессо, обеспокоенный мыслью о том, что Джонна вступил в сделку с полицией и, возможно, обещал сотрудничество в поимке членов Внутреннего центра, сделал вид, что целиком верит в эту историю и помог Джонне добраться до Милана с товарищем, которому было поручено «обеспечить его безопасность».

[1] Гуильельмо Джонна из Анконы работал в партийном аппарате с 1925 года. В 1927 году он был национальным руководителем Красной помощи. Джонна знал руководителей партии, некоторые подпольные явки, методы работы нашей организации.

Трессо переговорил с Чезаре, информировал его обо всем, поручил встретить Джонну в Милане и быть с ним вплоть до поступления указаний из Базеля.

Затем Трессо сообщил в Базель об истории с «побегом». Тольятти не поверил в романтическую историю с прыжком из окна (Джонна весил более 100 *кг*), приказал Трессо, Транквилли и Раваццоли, руководителям Внутреннего центра, немедленно покинуть Италию. Он был убежден, что Чезаре и другие члены аппарата попали в руки полиции, и поэтому задержал отправку в Милан указаний, которых там ждали с нетерпением. Наконец к рождеству в Италию прибыл курьер с паспортом для Джонны, по которому тот должен был выехать в Швейцарию. В Комо Джонна сошел с поезда и исчез. Позже он объявился в Швейцарии по данному ему адресу. В Швейцарии по указанию членов Заграничного центра он поселился в гостинице в Люцерне. Чезаре, все время следивший за ним, жил неподалеку, в Вицнау. Тем временем специальная партийная комиссия внимательно изучила случай с «побегом».

Джонна в результате разговоров, уточнений, бесед почувствовал, что его подозревают. В конце концов он привел новую версию. Побега с поезда не было. По прибытии в Рим он потребовал встречи в министерстве внутренних дел для того, чтобы дать важные показания. Его доставили в палаццо Виминале, и там лично с начальником полиции был заключен договор: он должен был проникнуть в руководство партии и давать необходимую информацию. Пытаясь вернуть доверие, Джонна назвал имена двух проникших в партию провокаторов — Квалью и Марацци. Он также предложил работать и на партию, и на полицию. Партийный центр объявил публично о его предательстве, и Джонна исчез.

По решению партии Чезаре больше не вернулся в Италию. Он провел со мной два дня, целиком прошедшие в разговорах на самые разные темы. В конце января 1928 года я встретилась с ним в Базеле, куда прибыла для участия в партконференции.

Основная цель конференции заключалась в том, чтобы приблизить к Заграничному центру руководящие кадры партии, работавшие в Италии. На повестке дня конференции стояли следующие вопросы:

1. Обстановка в Италии и задачи партии (Гриеко).
2. Работа в профсоюзах (Раваццоли).
3. Международное положение (Тольятти).

По окончании конференции состоялось заседание ЦК. Результаты конференции были признаны в целом положительными. Кроме того, было решено, что Тольятти и Камилла Равера будут представлять КПИ на IX пленуме Исполкома Коминтерна, созывавшемся 12 февраля. Камилла Равера была назначена представителем КПИ в Исполкоме Коммунистического Интернационала.

Для работы в Италии был создан Внутренний центр во главе с Ли Каузи. Он имел свои бюро на Севере (Ли Каузи) и в Риме (Аморетти и Анна Бессоне), а также отдел по работе с молодежью (Д'Онофрио).

Я немедленно выехала в Москву, чтобы приступить к своей новой работе.

VI

В МОСКВЕ

Выйдя из вагона поезда в Москве, я сразу увидела идущих мне навстречу Дженнари, Пелузо, Джерманетто, Вердаро и других товарищей, тепло меня встретивших и проводивших в гостиницу «Люкс», где был размещен представитель Компартии Италии при Секретариате Исполкома Коминтерна. В гостинице ко мне подошли другие итальянские товарищи, находившиеся в Москве по разным причинам. Они наперебой расспрашивали об Италии, о партии, о друзьях, рассказывали о себе, о своей работе. Первый день в Москве мне показался продолжением моей партийной работы, я находилась в гуще партийных проблем, среди коммунистов с их живым партийным, антифашистским задором.

Позже пришла Фанни Езерская, и с того момента ее теплая дружба не оставляла меня.

На следующий день Дженнари проводил меня в большое здание Коминтерна недалеко от входа в Кремль. Он помог мне ознакомиться с его внутренним расположением, особенно с помещениями, где мне предстояло работать: итальянский представитель в Коминтерне обычно вел и дела секретариата романских стран.

Отделы Коминтерна работали с 10 до 16 часов. После этого у нас с Фанни еще оставалось время, чтобы осмотреть партийную школу, где молодые итальянские коммунисты, готовившиеся к работе в Италии, хотели услышать от меня подробные новости о положении в стране, о состоянии партии и многое другое. Впоследствии Фанни помогла мне лучше познакомиться с Москвой, побывать на предприятиях, в интересовавших меня учреждениях, познакомиться с советскими людьми, с их образом жизни, с тем, как они участвуют в строительстве нового общества.

Москва уже не была такой, какой я ее видела в 1922 году во время IV конгресса Коминтерна, когда еще чувст-

вовалось напряжение героического периода военного коммунизма. Нэп внес в черты города новые элементы: маленькие рынки, мелкие торговцы, маленькие частные предприятия, скромные русские, кавказские, украинские и еврейские рестораны. Вместе с тем всемерно развивалась кооперация в противовес частной торговле.

Однако эти первые впечатления были сразу отодвинуты на второй план. Дженнари сообщил, что Пятницкий хочет познакомиться и побеседовать со мной. Он провел меня в кабинет. Пятницкий руководил организационным отделом Коминтерна. Он встретил меня очень тепло и с живым одобрением отозвался о деятельности компартии в Италии после введения чрезвычайных законов, в период создания Внутреннего центра, по мнению Пятницкого «абсолютно необходимого».

У него в кабинете были копии всех писем, написанных мной Тольятти между ноябрем 1926 года и мартом 1927 года. Пятницкий с похвалой отозвался о проделанной в тот период работе. Он сказал, что, как старый большевик, хорошо понимал трудности, с которыми нам пришлось столкнуться, и что мы, по его мнению, достигли больших успехов. Затем он показал мне подшивку нашей подпольной печати, хранившуюся вместе с письмами, и заметил, что это было хорошим подтверждением проделанной нами работы. Пятницкого очень огорчил арест Хофмайера. Но ничего, сказал он потом, Хофмайер выстоит и вернется к работе.

Тольятти информировал его о плохом состоянии моего здоровья. Пять лет непрерывной подпольной работы без отдыха и разрядки — это слишком, сказал он. Поэтому, прежде чем приступить к работе в Секретариате, мне посоветовали некоторое время отдохнуть и полечиться под Москвой, сохранив возможность участвовать в наиболее важных заседаниях Секретариата. В Горках, заметил Пятницкий, находятся большевики, нуждающиеся в отдыхе и лечении. Там у вас будет хорошая компания.

После тщательного медицинского обследования я выехала в Горки. Меня сопровождала внимательная, заботливая переводчица, обещавшая, что Фанни будет часто меня навещать и привозить новости.

Горки находятся в 40 километрах от Москвы[1]. Вокруг был чудесный лес, сосны и березы, покрытые снегом, а

[1] Горки находятся в 35 *км* к юго-востоку от Москвы.— *Ред.*

среди деревьев были разбросаны уютные деревянные домики, предназначенные для отдыха и лечения.

В одном из таких домиков поселили меня с переводчицей. Вместе мы начали знакомиться с окружающими местами, заводить знакомство с отдыхающими большевиками.

Мне рассказали, что в одной из этих дач Ленин провел последние месяцы своей жизни. Дом, в котором он жил, остался в неприкосновенности, таким, каким из него ушел Ленин.

Меня пригласили осмотреть этот дом. В кабинете Ленина, стоя перед его письменным столом, заполненным книгами и газетами, я, казалось, ощущала его присутствие, как и в тот незабываемый день, когда я видела его в московском кабинете. На письменном столе еще стояли маленькие пучки колосьев, которые местные крестьяне и посланцы далеких деревень приносили Ленину в подтверждение нового, свободного труда на полях.

Там же, в последние месяцы болезни, Ленин принимал рабочих, крестьян, строителей нового, социалистического общества. Он беседовал с ними, стремился понять их думы, состояние духа, чтобы вести их за собой вперед.

И теперь рабочие, крестьяне, трудящиеся Союза Советских Социалистических Республик продолжали непрекращающимся, трогательным потоком нести из всех городов и деревень дань своего сердечного уважения к Ленину — в Мавзолей, где покоится его тело, а тем временем ленинские идеи и заветы, вечно живые и действенные, продолжают вести его народ, все народы к указанным им целям.

Очень скоро мне пришлось вернуться в Москву: прибыл Тольятти, и вместе мы должны были принимать участие в IX пленуме Исполкома Коминтерна [1]. С КПИ не было связано особых или незнакомых мне вопросов, заметил Пятницкий. Поэтому мое присутствие на расширенном пленуме могло ограничиться лишь самыми важными заседаниями, чтобы не прерывать отдых и лечение в Горках. Так мы и договорились.

Тольятти сразу же сообщил крайне печальную новость: Гастоне Соцци был убит в тюрьме города Перуджа. Это новое злодеяние фашистов глубоко меня потрясло.

Соцци был арестован в Милане 4 ноября 1927 года. При нем нашли экземпляр подпольной газеты «Казерма», вы-

---

[1] IX пленум ИККИ состоялся 9—25 февраля 1928 года.— *Ред.*

пускавшейся Соцци и его соратниками под вымышленными именами. Этот факт превращал его в «опасный элемент».

Соцци было 25 лет. Он работал в партии с 1921 года. Образцовый коммунист, он любил свою работу, любил знания и жизнь. Соцци прибыл в Милан, где поселился вместе с молодой женой Нормой. С помощью Чезаре Раверы он должен был организовать военный отдел партии. Норма ожидала ребенка, а Гастоне рисовал веселые иллюстрации для подпольного журнальчика «Фанчулло пролетарио»[1]. Ожидаемому ребенку он посвящал свою работу, ребенку, увидеть которого ему не пришлось.

Как и было решено, я участвовала в заседаниях пленума лишь частично. Об остальном меня информировал Тольятти.

В формулировках по общим вопросам не появилось ничего нового. Были подтверждены предыдущие решения с небольшим акцентом на критику социал-демократии, сохранявшей влияние среди рабочего класса, однако выступавшей в защиту буржуазии. Была отмечена также необходимость борьбы против социал-демократии с целью высвободить массы из-под ее влияния.

По русскому вопросу Тольятти одобрил решения XV съезда ВКП(б), осудившего троцкистскую оппозицию и заявившего о ее несовместимости с коммунистическим движением.

В секретариате романских стран Тольятти сделал подробный обзор обстановки в Италии и деятельности КПИ, сообщив также о разногласиях с Лонго и частью Секретариата ФКМ по вопросу о политической линии партии. Секретариат подтвердил действенность резолюции, одобренной в январе 1927 года, в которой все эти вопросы получили соответствующее решение. Партия должна была придерживаться этой резолюции.

Таким образом, Коминтерн вновь одобрил нашу политическую линию.

Я тем временем возобновила отдых в Горках. Большая часть времени проходила в разговорах с большевиками, гостеприимными обитателями дач, разбросанных среди

---

[1] «Пролетарский ребенок».— *Прим. перев.*

берез. Мы собирались в общей даче, где можно было полистать газеты (вездесущий врач ограничивал отводимое на чтение время), сыграть в шахматы, поговорить об актуальных вопросах, вспомнить прошлое. Воспоминания большевиков помогали мне глубже понять своеобразие русской революции, ее особенности, обогатить знания о ней новыми деталями.

Я сознавала, что для лучшего понимания всех прошлых и настоящих трудностей необходимо было также учитывать огромные размеры и многообразие мира, который необходимо было преобразить и переустроить. Этот мир, протянувшийся от Балтийского моря до Средней Азии, объединял обширные территории, населенные различными по уровню развития, по складу ума и по национальным традициям народами. Эти народы должны были обрести в Союзе Советских Социалистических Республик свое единство, равенство, однородность экономического, социального и гражданского развития.

В простых, непринужденных разговорах с опытными большевиками я стремилась уловить любое свидетельство, самый маленький, но для меня показательный эпизод. Один из большевиков хорошо говорил по-французски. От него я получила подробные сведения о том, как работали большевики в первые годы Советской власти, какую работу они вели в массах. Однажды этот товарищ рассказал мне, как его, молодого тогда еще работника, после победы над белогвардейцами послали с инспекцией в одну из областей с мусульманским вероисповеданием. Советскими законами многоженство было отменено, и партия вела упорную работу по разъяснению массам правильности, справедливости принятого законодательства.

Большевик прибыл с инспекцией в один из небольших городов с мусульманским населением и быстро вошел в контакт с местными товарищами. Работа велась активно, все были согласны с политикой партии и с принятыми законами. Секретарь парторганизации пригласил его к себе в дом пообедать. К столу подавала женщина, представленная как домработница. Затем, когда секретарь ненадолго вышел, женщина приблизилась к гостю и быстро, с видимым желанием разоблачить ложь, объяснила, что она самая пожилая из трех жен секретаря и поэтому обслуживает за столом гостей и двух других жен, которым оказывается предпочтение. Инспектор чувствовал себя очень неловко. Что же делать? Секретарь работал хорошо, видно

было, что он пользуется всеобщим доверием. И инспектор уехал, ничего не сказав. По возвращении в Москву он рассказал об этом случае. «Меня справедливо упрекнули,— говорил он мне,— поскольку моим долгом было поговорить с секретарем, не прибегая к организационным мерам, которые при необходимости можно было применить и позднее, по согласованию с членами местной парторганизации. Я должен был проявить откровенность и последовательность в разговоре с той женщиной. Что она могла подумать о коммунисте, смолчавшем после всего услышанного?»

В области с мусульманской религией впоследствии были направлены квалифицированные работницы, которые настойчиво и деликатно провели работу среди женщин, в особенности молодых. Эти женщины позднее сами стали зачинщицами борьбы за преобразование сложившихся устоев в соответствии с новым характером человеческих отношений и с новыми советскими законами.

Ленин указывал, что выработка и издание справедливых законов — дело относительно простое и несложное. Гораздо сложнее и длительнее преобразование, изменение давних устоев, традиционной структуры отношений и образа мыслей, обычаев, веками укоренившихся в сознании людей.

Советские товарищи, проводя в 1928 году работу по коллективизации огромных сельских районов, ощущали справедливость этой ленинской мысли. Классовая борьба, противопоставившая кулаков бедным крестьянам, коллективизации (в этом заключалась основная трудность проводимой работы), осложнялась сопротивлением, обусловленным старыми обычаями, устремлениями, образом мысли. Это сопротивление необходимо было преодолеть, обеспечив нужное оборудование и машины, гарантируя экономические выгоды. Одновременно надо было проводить терпеливую работу по идеологическому, нравственному, культурному воспитанию.

В конце апреля на реке пошел лед, и я была глубоко поражена величием этого зрелища. До ледохода река служила дорогой, по которой то и дело скользили сани, двигались подводы, ходили люди, взрослые и дети, укутанные в шубы, а иногда образовывались небольшие группы людей вокруг крохотных деревенских рынков. Затем вдруг с сильным грохотом и скрежетом лед лопнул сразу в разных местах, и появилась вода, которая, вихрясь и

бурля, начала уносить прочь ворочающиеся ледяные глыбы.

Мне очень хотелось успеть в Москву к 1 Мая, и мой отъезд из Горок был ускорен на несколько дней. Я с сожалением простилась с уютными дачами, с белыми, прямоствольными, уже начавшими зеленеть березами, с большевиками, оставившими во мне воспоминания о своей дружбе, о теплых, наполненных глубоким смыслом беседах.

В Москве меня ждали другие итальянские товарищи. Дженнари хотел, чтобы я приступила к работе в Секретариате, и попросил меня обратиться в партийный центр с просьбой подробнее информировать о положении в Италии и о нашей работе внутри страны. Вместе с ним мы просмотрели последние материалы, поступившие из базельского секретариата.

После пленума Исполкома Коминтерна состоялось заседание ЦК КПИ в Базеле. Мы получили краткое изложение доклада Гриеко, из которого явствовало, что многие связи между центром и периферийными органами были утрачены. В Турине партия проводила работу самостоятельно. В Милане провокатору удалось проникнуть в руководство федерации, что вызвало многочисленные аресты и распространение среди коммунистов духа недоверия. В Падуе действовало руководство федерацией. В Порденоне хорошо работали партячейки текстильных предприятий, организовавшие забастовку. Слабее велась работа в Эмилии. В центральных и южных областях репрессии давали себя знать меньше, чем на Севере.

В целом Секретариат партии считал необходимым направлять в Италию инспекторов для оказания помощи и координации работы внутренних отделов, возглавляемых Ли Каузи, Аморетти и Д'Онофрио. В апреле в Италию ездил Лонго.

12 апреля в присутствии короля в Милане открывалась ярмарка. За несколько минут до прибытия королевского кортежа взорвалась бомба с часовым механизмом, подложенная в основание одного из уличных фонарей вблизи входа на ярмарку. В результате взрыва 20 человек было убито и 40 ранено.

В тот день Лонго договорился о встрече с Ромоло Транквилли, младшим братом Секондино, который должен был выехать из Италии. Однако юный Транквилли был арестован за несколько часов до встречи во время облав,

последовавших за неудавшимся покушением на короля. Лонго по счастливой случайности избежал ареста.

Коммунисты были непричастны к покушению, однако именно на них обрушились основные репрессии. 560 антифашистов, главным образом коммунистов, были арестованы и подвергнуты пыткам. Транквилли вместе с Ваккьери, Лодовикетти, Теста и другими был передан в руки Особого трибунала. Все они были приговорены за принадлежность к КПИ и антифашистскую пропаганду к различным срокам заключения от 12 до 2 лет. Ромоло был приговорен к 12 годам тюрьмы. 23 октября 1932 года он умер от пыток в тюрьме острова Прочида.

После покушения в Италии было распространено заявление ЦК КПИ. В нем, в частности, указывалось: «Покушение в Милане является трагическим доказательством и прямым следствием остроты экономического и политического кризиса, переживаемого Италией...

Покушение в Милане используется фашизмом в качестве повода для совершения новых преступлений... для организации нового наступления реакции. Цель этого наступления ясно видна с самого начала. Это коммунистическая партия — авангард рабочего класса, которую в очередной раз стремятся раздавить, оторвать от широких масс...» [1]

Я собиралась подготовить подробную информацию о положении в Италии и изложить ее перед секретариатом романских стран после начала работы. Однако выход на работу пришлось снова отменить: врачи заявили Пятницкому, что лечение и неоднократно прерывавшийся отдых в Горках были недостаточны для полного выздоровления и работы. Пятницкий отправил меня на лечение и отдых в другое место, в Марьино, под Курском.

Марьино до революции принадлежало русскому князю, эмигрировавшему в Париж в 1917 году. Большой дворец был окружен садами и лесами, здесь же находились дома для прислуги и гостей князя. Часть дворца была отведена под музей. Мне его показали: в нем были выставлены мебель, гобелены, картины, серебро, предметы сервировки. Остальная часть дворца была превращена в место отдыха

---

[1] «Lo Stato Operaio», a. II, n. 4, aprile 1928, p. 148.

и лечения. В залах можно было собираться вместе и беседовать, читать, играть в шахматы. Гости жили в дворцовых комнатах. Нам отвели две прекрасные комнаты, одну для меня, другую для переводчицы.

Рядом с дворцом начинался огромный парк, в котором каждый день можно было открывать новые достопримечательности. Посреди парка находилось небольшое озеро, по которому мы могли кататься на маленьких лодках.

Первые дни моего пребывания в Марьино прошли в знакомстве с этим интересным местом, с людьми, работавшими здесь, знавшими его историю и легенды, ставшими очевидцами недавних событий.

Затем постепенно я завела дружбу с другими отдыхающими, и разговоры, так привлекавшие меня в Горках, возобновились.

В Советском Союзе я стремилась находиться в возможно более тесном контакте с людьми труда, рабочими и сельскими тружениками, изучить деятельность экономических, административных и правительственных учреждений, чтобы следить за реальным ходом строительства нового общества.

Во время отдыха в Марьино мне довелось присутствовать на собрании сельского Совета одной из соседних деревень. Семьям из этой деревни в 1917 году были отданы княжеские земли. Распределением руководил революционный комитет, состоявший из представителей солдат и крестьян.

Работа на полях этой деревни шла полным ходом: красные знамена развевались над избами, вокруг которых играли дети, разгуливали куры, гуси, индюки. Собрание сельского Совета обсуждало вопрос об объединении единоличных хозяйств в колхоз.

Обсуждение, в котором все собравшиеся живо и энергично участвовали, было для меня весьма интересным и поучительным. Молодые крестьяне серьезно обосновывали свою поддержку колхозу. Пожилые, опытные крестьяне в подтверждение своего согласия участвовать в колхозе ссылались на опыт сельских кооперативов, с которыми они были непосредственно знакомы. Они обстоятельно приводили аргументы в пользу колхоза: улучшение условий труда и жизни, общие положительные результаты, к которым, по их мнению, приводило создание колхоза. Небольшая группа людей в углу зала выступала против большинства собрания. Совет, как мне впоследствии сказали, найдет

демократическое решение вопроса в ходе последующих собраний.

— А если,— спросила я сопровождающих меня местных товарищей,— противники колхоза будут упорно настаивать на своей позиции, как вы поступите?

— У крестьян,— ответили мне,— тяга к земле чрезвычайно сильна. Нужно будет сделать им уступки: оставить небольшой надел, немного скота для личного пользования. Надо как можно скорее добиться реального улучшения дел, приобрести тракторы, отборные семена — словом, добиться результатов, которые шли бы на пользу и земле, и каждому из тех, кто ее обрабатывает.

В конце мая я получила вести о процессе над Грамши, Террачини и другими обвиняемыми [1]. В намерения фашистского правительства входила организация судебного процесса против коммунизма, с тем чтобы отбить у людей всякое стремление к сопротивлению. Коммунисты обвинялись в «заговоре против государственных властей». На процессе Грамши произнес слова, оказавшиеся впоследствии пророческими: «Я считаю... что все диктатуры военного типа рано или поздно обречены на гибель в войне. В таком случае очевидно, что пролетариат призван прийти на смену правящим классам, взять в свои руки управление страной, спасти судьбу нации». После паузы Грамши добавил: «Вы приведете Италию на грань краха, а мы, коммунисты, должны будем ее спасти» [2]. Грамши запретили продолжать речь. Выступить от имени всех обвиняемых поручили Террачини.

Приговоры были крайне суровыми: Грамши, Скоччимарро, Роведа получили по 20 лет тюремного заключения, Террачини — 22, а в общей сложности срок заключения обвиняемых превышал 300 лет. Приговоры не удивили меня. Но мысли о Грамши, о состоянии его здоровья, всегда волновавшие меня, в эти месяцы, ставшие еще более тревож-

---

[1] Обвинялись Антонио Грамши, Умберто Террачини, Мауро Скоччимарро, Джованни Роведа, Аладино Биболотти, Луиджи Альфани, Иджинио Борин, Энрико Феррари, Эцио Рибольди, Розолино Ферраньи, Бонавентура Джидони, Джакомо Стефанини, Исидоро Адзарио, Витторио Флеккья, Доменико Маркьоро, Джованни Никола, Фабрицио Маффи (последний отсутствовал, так как заболел в тюрьме) и другие. Скрывались от ареста Пальмиро Тольятти, Руджеро Гриеко, Камилла Равера, Эннио Ньюди, Джованни Джерманетто, Паоло Раваццоли, Артуро Бендини, Франческо Буффони.

[2] *P. Spriano*. Op. cit., vol. II, p. 158.

ными из-за отсутствия новостей, беспокоили меня все больше. В какую тюрьму его заключат? В каких условиях он будет находиться?

Я хотела вернуться в Москву, чтобы как можно быстрее связаться с базельскими товарищами и с Чезаре.

Несколько дней назад в Марьино приехала Юлька, жена Грамши, вместе со своим отцом, старым большевиком Аполлоном Шухтом. О Грамши у Юльки было не больше сведений, чем у меня. Как и меня, ее не удивила строгость приговоров, вынесенных фашистским Особым трибуналом. Она, может быть, даже более оптимистично, чем я, смотрела на реальный срок и последствия приговора, на физическую выносливость Грамши. Она убежденно говорила о спокойном характере писем Антонио, о его уверениях в способности выдержать заключение, о заботе товарищей, о давлении, которое должны были оказать на фашистское правительство возмущение и негодование во всех странах, вызванные этими абсурдными приговорами.

Приближался VI конгресс Коминтерна. В Коминтерне уже началась подготовка к конгрессу. Скоро должен был прибыть Тольятти. Я возвратилась в Москву.

Просмотрев материал, собранный Дженнари о положении в Италии и о деятельности партии, я увидела, что сведения, поступившие из Базеля, были весьма скудными. В них говорилось главным образом о новых полицейских репрессиях, нанесших партии очередной урон. Внутренние центральные отделы перестали существовать между 11 и 15 мая.

Ли Каузи был арестован в гостинице в Марина-ди-Пиза, Д'Онофрио — в Болонье. В Риме были арестованы Аморетти и Бессоне. Многие другие местные и областные руководители были задержаны в Пьемонте и других областях. ОВРА развернула бурную деятельность, повсюду засылались осведомители, фашисты неотступно следили за подозреваемыми в принадлежности к компартии. Особый трибунал продолжал усиливать террор.

В Италию вернулся из эмиграции коммунист Микеле Делла Madджора, который был серьезно болен. Фашисты из Понте Будджанезе, в провинции Пистоя, где он жил, подвергли его невыносимым преследованиям. 16 мая, доведенный до отчаяния постоянными издевательствами и провокациями, Микеле выстрелил в трех фашистов, убив од-

ного и ранив двоих. Особый трибунал в Лукке приговорил его к смертной казни. На следующий день после вынесения приговора Микеле Делла Madджора был расстрелян.

Тольятти после провала внутренних центральных отделов отмечал: «Работа партии внутри страны наталкивается на трудности. Нехватка квалифицированных кадров все больше дает о себе знать. Я убежден, что эта нехватка, кроме прочих фактов, показывает, что мы совершили ошибку, не предприняв ранее организационное отступление».

Тем временем я приступила к регулярной работе в Коминтерне, главным образом в латиноамериканском секретариате. Здесь постоянно работали товарищи Степанов [1], Васильев [2] и другие, снабдившие меня полезными сведениями и богатой документацией.

Я с интересом вникала в проблемы латиноамериканского континента: будучи внешне независимым, на самом деле он находился под пятой крупных империалистических держав, хозяйничавших в экономике южноамериканских государств, подкупавших местную буржуазию и чиновников.

Вся промышленность этих стран находилась во власти иностранцев: медные рудники Чили, добыча олова в Боливии, нефтепромыслы в Колумбии, Мексике и Венесуэле, сахарные плантации на Кубе, хлопковые плантации в Перу, кофейные плантации в Бразилии, плантации какао в Эквадоре и т. д. Условия труда в шахтах и на плантациях весьма напоминали времена рабовладения. Формально трудящиеся были свободны, однако крупные компании продавали им в кредит одежду, продукты питания и спиртные напитки. Кто имел долги, не мог покинуть работу. Конная полиция следила за побегами, а долги переходили от отца к сыну.

В городах процветали дельцы, банкиры, торговцы, чиновники и военные. Каждая страна имела свою историю страданий и мук, полную восстаний и репрессий, борьбы, надежд и предательств, всеобщего разрушения.

Слушая Степанова, читая материал, собранный в секретариате, я начинала осознавать возможности, которые наш международный центр предоставлял для пополнения знаний и опыта, увеличения эффективности борьбы.

---

[1] Речь идет о Стояне Миневе (1890—1959), работавшем в Коминтерне в 1926—1943 годах.— *Ред.*

[2] Б. А. Васильев (род. в 1889 году) — с 1925 года сотрудник Коминтерна.— *Ред.*

Я смогла воспользоваться ими в весьма малой степени, ибо время в основном ушло на отдых и поправку здоровья, которое тем не менее не собиралось радикально улучшаться. Я с величайшим интересом следила за дискуссиями, которые по самым разнообразным вопросам велись в рамках подготовки к VI конгрессу Коминтерна.

В заседаниях Коминтерна иногда участвовал Сталин. Он сидел неподвижно, весь внимание, как правило, молча, взгляд и выражение лица одинаково неизменны. Если он вслушивается, то только для себя, если ведет диалог, то только свой, внутренний, думала я, наблюдая за едва уловимыми изменениями в лице или за быстрым, металлическим блеском длинных, узких глаз.

Ему очень подходило имя: стальной. Во время своих коротких выступлений, а также тогда, когда он слушал других, он был спокоен, сух, внимателен и обособлен. Мысль его текла просто, с ясной последовательностью в соответствии с его характером, прямым и несгибаемым.

Когда Сталин присутствовал на заседаниях, мне казалось, что каждый стремился говорить максимально точно, ясно, стремясь уловить в лице Сталина согласие или молчаливый комментарий.

В Сталине были и от него, казалось, распространялись и на других железная твердость, уверенность в решениях, исключавшая всякое колебание, мощная, всевластная уверенность в себе.

Несмотря на неустанные попытки глубже понять все, что происходило и говорилось вокруг меня, я сознавала, насколько трудно давать уверенную, общую оценку действительности этого мира и его проблемам, будучи в СССР лишь временным наблюдателем.

Я страстно желала как можно теснее сблизиться с этим миром, с его жизнью. Во время моего пребывания в Москве в этом мне оказывала ценную помощь Фанни Езерская не только потому, что она прекрасно владела русским, итальянским и другими языками, но и потому, что она имела возможность слиться с реальной жизнью, познакомиться с рабочей, школьной, семейной средой. Помимо всего прочего Фанни была умным и опытным активистом компартии.

Ранее она была неутомимым секретарем Розы Люксембург, сотрудничала с нами в Италии, являлась ценным связным между нами и Коминтерном. В секретариате Сталина она занималась подготовкой документации о положении в Италии, Германии и Польше — странах, которые

она непосредственно знала и языками которых в совершенстве владела.

Вместе мы возобновили осмотр Москвы и ее окрестностей, ежедневно разговаривали на актуальные темы тех дней. Фанни делилась со мной своим беспокойством по поводу обстановки в Компартии Германии, сложившейся в результате постоянных кризисов и изменений в руководстве, борьбы между возникшими в то время группами, получившими название «правых», «левых», «примиренцев». Эти столкновения еще более обострялись личными выпадами, фракционными и раскольническими действиями.

Клара Цеткин разделяла беспокойство Фанни. Она в тот момент не была связана с партийной работой, поскольку выполняла в Москве обязанности руководителя Международного женского секретариата Коминтерна. Она выглядела больной и усталой. Жила Клара Цеткин в Кремле, куда мы часто заходили ее навестить. Она с печалью отзывалась о положении в своей партии и в Германии.

Цеткин опасалась, что внутрипартийная борьба отвлечет партию от выработки правильного суждения о создавшейся обстановке, от проведения верной политической линии. Особенно мало внимания, как ей казалось, уделяется крайне правой опасности. В Германии разжигался националистический дух реванша. Неудовлетворенные, малоопытные слои населения подстрекались к завоеваниям и призрачному могуществу.

Клара Цеткин с большой страстью занималась проблемами женских движений и хотела, чтобы я перешла к ней в Секретариат и осталась в Москве. Однако мои мысли были постоянно обращены к Италии, к моему долгу итальянской коммунистки.

Между 4 и 8 июня состоялось заседание ЦК КПИ. Мы получили об этом заседании обобщенный материал, позволивший судить об общем положении в партии.

Гриеко произнес вступительное слово, информировал о работе, проделанной партией после базельской конференции, сообщил о тяжелом уроне, нанесенном партии за период между концом апреля и серединой мая, когда все члены Внутреннего центра и многие из поддерживавших с ним связь были арестованы.

Заграничный центр сейчас поддерживал связь с Венето и с организациями партии в Болонье, Генуе и Савоне. Необходимость временного отступления была очевидна.

Из дискуссии, последовавшей за вступительным словом, явствовало, что налицо была всеобщая неуверенность относительно мер, при помощи которых можно было преодолеть трудности, обусловленные многочисленными арестами квалифицированных кадров в Италии. В целом преобладало мнение о необходимости иметь в Италии внутреннее политическое руководство, однако вместе с тем все исключали возможность немедленной посылки в Италию новых руководителей с целью реорганизовать Внутренний центр. Тольятти подверг критике также систему курьеров, осуществлявших связь между Заграничным центром и Италией, как опасную и политически неэффективную.

Секкья утверждал, что ошибка была допущена не в организационном плане, а в оценке политических перспектив, в преувеличении возможностей для деятельности по сравнению с реально существующими. Платоне настаивал на необходимости временного политического и организационного отступления. Лонго вновь подтвердил свою политическую платформу, охарактеризовал переживаемый Италией в настоящий момент период как период вынужденного спокойствия и депрессии в рабочем движении, за которым, однако, могло непосредственно последовать создание революционной ситуации. Поэтому задачей момента, по Лонго, была подготовка масс к революционному кризису также и внутри фашистских организаций, но не для того, чтобы завоевать их на свою сторону или изменить, а чтобы разрушить.

«Товарищи,— говорил он,— нас обвиняют в том, что мы принимаем желаемое за действительное. Мы, по их мнению, не видим всех этапов, через которые нужно пройти, не видим, что союз рабочих с крестьянами еще не оформился и что мы своей политической деятельностью должны способствовать его созданию. Однако объективно сама политика фашизма объединила, упростила классовые интересы различных социальных слоев, вывела на первый план общие устремления и отодвинула на задний план все противоречия, сблизила рабочих с крестьянами и ставит перед теми и другими задачу защиты своих жизненных интересов, подводит под их стремления общий знаменатель, знаменатель прямой революционной борьбы».

В сфере организационных вопросов Лонго заявил, что задачей партии являются накопление и подготовка сил. Деятельность фашизма, начиная с ноября 1926 года, была прямым, открытым наступлением против коммунистов.

В этих условиях мы должны ответить на фашистское наступление нашим контрнаступлением. Несмотря на все недостатки и ошибки в работе, эта линия была большим достоинством нашей партии.

Таска отверг доводы Лонго и его оценку политических перспектив. Раваццоли, Гриеко, Транквилли также высказались против, выступая в поддержку политической линии, выработанной в Лионе и последовательно проводившейся в жизнь после Лионского съезда.

Тольятти подвел итоги дискуссии, подтвердив действенность общих политических директив и партийных лозунгов, необходимых для дальнейшего роста антифашистской борьбы, и отверг как «свойственную максимализму в непосредственно послевоенное время» тактику усматривания в революции единственного средства борьбы.

ЦК назначил комиссию в составе Тольятти, Таски и Гриеко для редактирования программы действий партии. Кроме того, было образовано Заграничное бюро в составе Фарини, Джоветти и Секкья (как представителя Федерации коммунистической молодежи) с задачей налаживать связь с коммунистами, живущими в местах большого скопления эмигрантов из Италии, с целью использовать эмигрантов для получения сведений из Италии, для восстановления утерянных связей с коммунистами различных провинций. Эмигранты, отобранные после тщательной проверки, незнакомые полиции и имеющие паспорта, могли бы под разными предлогами, к примеру по поводу рождественских праздников, доставлять в Италию газеты и партийные директивы.

Наконец ЦК назначил товарищей, которые должны были войти в состав итальянской делегации на VI конгрессе Коминтерна.

Подготовка к VI конгрессу Коминтерна велась в момент, когда в международной обстановке отмечалось много сложностей и противоречий, приводивших или предвещавших в некоторых странах кризисы и столкновения, а в общем плане увеличивавших напряженность и опасность войны.

В Европе буржуазия передавала функции государственного руководства диктатурам различного толка: фашизм в Италии, адмирал Хорти в Венгрии, его преосвященство Зейпель в Австрии, король Александр в Югославии. В Германии усиливалось влияние правых националистов.

В Соединенных Штатах Америки бурный рост производства, преподносившийся как доказательство безостановочности социального прогресса, начинал давать перебои.

В Москве, в Коминтерне, возникали дискуссии и разногласия в оценке задач международного коммунистического и рабочего движения.

Тольятти прибыл в Москву на несколько дней раньше остальных делегатов, чтобы принять участие в заседании Исполкома Коминтерна, предшествовавшем конгрессу, а также чтобы внимательно изучить проекты документов конгресса. Он также имел встречи с руководителями различных партий, постепенно прибывавшими в Москву.

Тольятти с большой ответственностью отнесся к подготовке своего выступления на конгрессе и хотел представить его на одобрение нашей делегации.

Вскоре в Москву прибыли остальные члены делегации, которая в конечном итоге включала Тольятти, Таску, Гриеко, Камиллу Раверу, Ди Витторио, Оттавио Пасторе, Джерманетто, Джоветти, Бельтраметти, Кодевиллу, Ньюди, Поцци и представителей молодежи — Лонго, Секкья и Амадези.

Некоторые из членов делегации не смогли прибыть на конгресс из-за ареста или из-за того, что не успели вовремя пересечь итальянскую границу.

Конгресс открылся 17 июля. Присутствовали 532 делегата от 55 коммунистических партий [1]. Работа конгресса продолжалась до 1 сентября.

В первую очередь был произведен анализ международного положения. Конгресс не объявил ни о близком распаде капиталистической системы, ни о наступлении последнего, смертельного экономического кризиса капитализма. Тем не менее, основываясь на данных об анализе экономического положения крупнейших стран, конгресс не отверг возможность экономического кризиса в Соединенных Штатах, ранее уже обсуждавшуюся в компетентных кругах. Было отмечено, что этот кризис может иметь особенно серьезные последствия на мировой арене.

Общая обстановка была охарактеризована в определенной последовательности этапов развития рабочего движения после Октябрьской революции: первый период, период острого революционного кризиса, за-

---

[1] На VI конгрессе Коминтерна были представлены 57 коммунистических партий и 9 организаций.— *Ред.*

вершившийся в 1923 году поражением германского пролетариата; второй период, период частичной стабилизации, восстановления производительных сил капитализма, когда революционный нажим переместился на колониальную периферию мирового империализма; третий период, «период капиталистической реконструкции» и одновременно «роста сил, противостоящих капитализму», период «наибыстрейшего развития внутренних его противоречий»[1].

На VI конгрессе Коминтерна полемика против социал-демократии была исключительно острой. И в самом деле, европейская социал-демократия, подавившая сразу же после войны немецких спартаковцев, погубившая Розу Люксембург, Карла Либкнехта, тысячи рабочих-борцов, выступившая против рабочего движения во всех странах, в последующие годы сместилась еще дальше вправо, изменив свое первоначальное лицо. Социал-демократия вела разнузданную антикоммунистическую и антисоветскую кампанию, считала фашизм меньшим злом, чем большевизм, не проявляла ни малейшей тревоги по поводу усиления фашизма в Италии и Германии. Даже ее левое крыло вело себя пассивно перед лицом жестоких реакционных репрессий.

В документах VI конгресса указывалось на необходимость различать революционную обстановку и развитие революционного процесса в зависимости от конкретных стран. В Программе Коминтерна, принятой конгрессом, говорилось, что неравномерность развития капитализма, обострившаяся в империалистический период, вызвала разнообразие его типов, различные ступени его зрелости в отдельных странах, разнообразные и специфические условия революционного процесса. Эти обстоятельства делают исторически совершенно неизбежными разнообразие путей и темпов прихода пролетариата к власти, необходимость в ряде стран известных переходных ступеней, ведущих к диктатуре пролетариата, а затем и разнообразие форм строящегося социализма в отдельных странах[2].

---

[1] См. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1. Международное положение и задачи Коминтерна. М.—Л., 1929, стр. 27—28.— *Ред.*

[2] См. «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 6. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания. М.—Л., 1929, стр. 36.— *Ред.*

Конгресс отметил общую тенденцию к радикализации рабочего движения и народных выступлений. По поводу внутренних вопросов коммунистических партий и Интернационала было указано на необходимость бороться против правого уклона и примиренчества с правыми.

Тольятти выступил в общей дискуссии. Содержание его выступления было одобрено нашей делегацией. От имени итальянской делегации Тольятти выразил согласие с общей линией, намеченной в тезисах Исполкома Коминтерна, выразив удовлетворение содержавшимся в этих документах стремлением преодолеть «чисто фразерский метод» в анализе обстановки.

Тольятти указал на опасность выработки тактики только на основе формального, словесного беспокойства о «левом» или правом уклоне без соотнесения этих выражений с определенной ситуацией.

Остановившись на обстановке в Италии, Тольятти отверг тенденцию к обобщению природы фашизма без определения его подлинной сущности.

«Фашизм,— сказал Тольятти,— есть наиболее последовательная и законченная форма реакции. Но реакция отнюдь не исчерпывается только этой своей формой, существуют иные формы реакции, отличные от фашизма... Реакция может носить форму фашизма лишь в том случае, когда имеется возможность создания реакционного движения как движения «массового», на основе передвижки известных слоев средней и мелкой буржуазии в городе и деревне» [1].

Тольятти не согласился с тем, что некоторые товарищи чересчур сблизили фашизм с социал-демократией. Однако он допускал, что между фашизмом и социал-демократией существует связь, в некоторых случаях и в определенных условиях социал-демократия применяет явно фашистские методы.

Тольятти далее уточнил, что «необходимо остерегаться преувеличенных обобщений» ввиду глубокого различия «между фашизмом и применением фашистских методов социал-демократией: фашизм в общем является движением мелкой и средней буржуазии, возглавляемым крупной буржуазией и аграриями; он не имеет корней в традиционной организации рабочего класса. С другой стороны, социал-

[1] «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, стр. 502.— *Ред.*

демократия — движение, опирающееся на рабочую и мелкобуржуазную массу и черпающее свою силу главным образом в организации, которая в представлении широких рабочих масс является традиционной организацией их класса» [1].

Тольятти признал, что во всех крупных капиталистических странах рабочая масса левеет. Однако он подчеркнул, что «было бы большой ошибкой думать, что этот процесс полевения происходит автоматически — и также автоматически переводит массы на революционные, коммунистические позиции» [2].

Затем Тольятти подробно остановился на проблеме руководящих органов отдельных партий.

«Сравнивая состав руководящих центров наших партий во время IV конгресса с их теперешним составом,— сказал Тольятти,— мы убедимся, что почти ни один из них не сохранился в течение указанного периода. Среди немногих, сохранивших свой состав, укажу на Центральный Комитет итальянской партии, оставшийся к VI конгрессу в том же составе, как и во время пятого... Если что-либо из опыта нашей внутрипартийной жизни со времени V конгресса следует сделать общим достоянием, то это именно тот факт, что процесс образования руководящего центра партии должен протекать на основе определенной политической линии и открытой политической борьбы... Надо во что бы то ни стало избежать беспринципной фракционной борьбы. Поэтому-то мы считаем, что надо всегда с особенной осторожностью относиться к перенесению политической борьбы различных течений внутри партии в плоскость организационных мероприятий» [3].

Тольятти не смог закончить выступления из-за недостатка времени. Ему предложили передать заключительную часть выступления для стенографирования.

В итальянской комиссии Лонго вновь выступил с позиций, занимаемых им в партии. Однако члены комиссии, включавшей представителей основных партий Коминтерна, одобрили политическую линию, поддержанную Тольятти от имени большинства ЦК.

В тезисах о международном положении о КПИ говори-

---

[1] «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 1, стр. 503.— *Ред.*

[2] Там же.— *Ред.*

[3] Там же, стр. 508.— *Ред.*

лось следующее: «Коммунистическая партия Италии... сумела сохранить свою нелегальную организацию и продолжать свою пропагандистскую и агитационную работу как единственная партия, ведущая действительную борьбу за свержение фашизма и капиталистического режима» [1]. Партии рекомендовалось настойчиво бороться против правого уклона и одновременно «решительно выступить против всякой тенденции к отрицанию или сужению возможностей широкой работы по завоеванию масс, находящихся под влиянием некоммунистических и антифашистских течений, или масс, на которые пытается воздействовать фашизм» [2].

Клара Цеткин официально поставила передо мной и перед Тольятти вопрос о моей работе в руководстве Женским секретариатом Коминтерна.

Несмотря на постоянный интерес к проблемам женского движения, и в особенности к работе под руководством Клары Цеткин, я в первую очередь стремилась как можно скорее возобновить работу в моей партии и в Италии. Тольятти высказал решительное несогласие с просьбой Цеткин. Кроме всего прочего, он считал, что в Москве я никогда не смогу отдохнуть так, как нужно для полного выздоровления. В Москве ощущается, говорил он, большое напряжение, ты будешь постоянно чем-нибудь внимательно интересоваться, что-то изучать, усиленно думать. Небольшой отдых в Париже, по его мнению, был бы гораздо полезнее для моего здоровья и позволил бы быстрее вернуться к партийной работе.

Пятницкий, к которому Клара Цеткин обратилась с просьбой о моей работе в Женском секретариате, захотел выслушать мое мнение и в итоге одобрил намерение вернуться к работе в КПИ. «Однако,— заметил он серьезным тоном,— прежде всего необходимо полностью выздороветь». Врачи заверили его, что мое полное выздоровление вполне реально, а средиземноморский климат его ускорит. Пятницкий посоветовал мне для отдыха Францию, побережье в районе Ниццы, поскольку, добавил он, «к сожалению, нужно отказаться от Сан-Ремо или Капри».

---

[1] «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. 6, стр. 74.— *Ред.*
[2] Там же, стр. 75.— *Ред.*

Тольятти решил немедленно поставить вопрос о моей замене в Коминтерне. Гриеко по семейным обстоятельствам просил отложить его приезд в Москву на более поздний срок. Таска же был, напротив, очень рад возможности какое-то время прямо поучаствовать в работе Коммунистического Интернационала.

В новый состав Исполкома Коминтерна от Италии были избраны Тольятти и Таска. Гриеко был избран кандидатом (на случай замены), а Таске было поручено представлять партию в Коминтерне.

VII

«ДЕЛО» ТАСКИ

Таска немедленно отправился в Париж, чтобы взять свои вещи, книги, публикации, которые, как он считал, могли пригодиться для работы в Москве.

Тольятти и я выехали из Москвы на несколько дней позже. Тольятти, прежде чем добраться до Базеля, захотел ненадолго заехать в Берлин, где товарищи, работавшие в Западноевропейском бюро Интернационала, информировали его о новом остром кризисе в Коммунистической партии Германии. Правому крылу партии удалось, воспользовавшись эпизодом личного характера, нанести серьезный удар большинству, руководимому Тельманом.

Было созвано заседание Президиума Исполкома Коминтерна с целью вновь рассмотреть этот вопрос.

Тольятти с беспокойством думал о положении, в котором Таска должен был оказаться сразу же в начале работы в Коминтерне. 6 октября он написал ему из Берлина, обращая внимание Таски на трудную внутреннюю обстановку в партии немецких коммунистов.

9 октября Таска ответил Тольятти: «Не беспокойся, что я дам себя втянуть во фракционную борьбу. Я ненавижу ее, как чуму, и никогда не оставлю своих убеждений относительно природы коммунистической партии... Будь спокоен. Я напишу тебе, как пойдут дела».

18 октября Таска написал в Политбюро КПИ письмо, в котором выражал свое несогласие с резолюцией Президиума Исполкома Коминтерна и с вытекающей из резолюции поддержкой политической и организационной линии, проводившейся Тельманом. «В действительности,— писал он,— в резолюции Президиума прослеживается ясная тенденция: ликвидировать, пользуясь тем, что произошло в ЦК Коммунистической партии Германии, то немногое, что было достигнуто после VI конгресса в вопросе

об изменении организационных критериев, особенно в том, что касается процесса формирования руководящих органов коммунистических партий».

Я возвратилась из Москвы больная, с «задачей» полностью выздороветь и прийти в себя. Поэтому по приезде в Базель я не вернулась к работе в секретариате, состоявшем в тот момент из Тольятти, Гриеко, Транквилли, Лонго и Секкья, а сразу же отправилась в Париж, к своему брату Чезаре, чтобы продолжить лечение и полностью отдохнуть. В Париже для меня наконец наступили дни полного отдыха.

Хороший врач следил за мной с заботливым вниманием. Чезаре и Джина [1] окружили меня теплотой и заботой. Врач успокоил их насчет моего здоровья и предсказал относительно быстрое выздоровление.

Во время моего пребывания в Советском Союзе Чезаре с увлечением работал в экономическом отделе КПИ, которым руководил Таска. «Таска,— говорил он мне,— интересуется очень многим, это человек большой энергии и живого ума. Он умеет устанавливать со своими сотрудниками открытые, дружеские отношения. Однако он крайне впечатлителен, эмоционален и непостоянен». Чезаре с беспокойством думал о большой ответственности, которая ложилась на Таску в Коминтерне, о непредсказуемости поступков и действий, на которые его мог толкнуть горячий и легко поддающийся влиянию темперамент. «Тольятти дал ему множество советов,— отвечала я.— Я тоже посоветовала ему не ограничивать себя гостиницей «Люкс» и кабинетами Коминтерна, а стремиться как можно глубже вникнуть в реальность окружающей жизни».

В Париже были расположены некоторые из центральных отделов партии. Кроме экономического, руководство которым Таска оставил после отъезда в Москву, здесь находились отдел печати и пропаганды, где работали Леонетти и Карена, а также отдел по работе среди эмигрантов, состоящий из Трессо, Раваццоли, Бавассано и других.

Мне казалось, что товарищи, работавшие в этих отделах, ощущали некоторую неудовлетворенность, возможно, вследствие своего положения политэмигрантов, в результате условий относительной секретности деятельности отделов.

---

[1] Жена Чезаре Раверы.— *Ред.*

Связи и политические контакты с базельским секретариатом, выполнявшим функции руководящего центра партии, многие считали недостаточными; информация о жизни и деятельности партии в Италии была скудной, недостаточны были и сведения о других партиях Коминтерна.

В своем письме от 4 ноября Таска информировал Политбюро о решениях, принятых ЦК Компартии Германии. Далее Таска сообщал, что его выступление на заседании Секретариата Исполкома Коминтерна соответствовало позиции итальянской делегации на VI конгрессе и содержанию писем, полученных впоследствии от Тольятти.

Он зачитал в Президиуме Исполкома Коминтерна собственное заявление, в котором, возвращаясь к причинам, обусловившим трудности в партии немецких коммунистов, обличал как преступление против партии необоснованное и несправедливое очернение перед широкими массами рабочих авторитета Тельмана. Таска отметил справедливость и необходимость действий Президиума. Однако он заявил, что если бы он присутствовал на обсуждении указанной резолюции, то не одобрил бы ту ее часть, в которой выражалась поддержка политической и организационной линии Тельмана, потому что, как утверждал Таска, необходимо было отвергать все проявления фракционности как с одной, так и с другой стороны. Далее он объявил, что воздерживается от голосования по вопросам, касающимся любых мер, связанных с внутренней обстановкой в Коммунистической партии Германии.

Далее в письме Таски в Политбюро говорилось: «С моей точки зрения, я бы предпочел, чтобы столь большой вопрос возник не в начале моего пребывания в Москве... Партия должна сама решать, как поступить. Я считаю, что ей следует удвоить осторожность, тем более что отсутствие необходимости высказываться, как мне, ежедневно позволяет лучше и более глубоко изучить вопрос».

Некоторые из присутствовавших на заседании Президиума Исполкома Коминтерна заметили Таске, что существуют и контрастно проявляются две проблемы: характер внутрипартийной жизни и борьба против определенных политических позиций правого уклона. Однако Таска в глубине души склонялся именно к этим позициям и его поведение находилось под их влиянием.

16 ноября в Москве открылся пленум Центрального Комитета ВКП(б). Представители различных партий, работавшие в органах Коминтерна, получили приглашение на

заседание. Таска, также присутствовавший на нем, сделал записи по выступлениям участников прений и передал их нам, снабдив небольшим комментарием.

26 ноября он информировал Политбюро о решениях пленума ЦК ВКП(б). Тон его комментариев наводил на мысль, что, несмотря на неоднократные обещания, Таска постепенно начинал гораздо больше внимания уделять именно фракционной борьбе, чем сути разногласий.

Все это начало внушать беспокойство Тольятти, а также и мне.

В начале декабря состоялось заседание Центрального Комитета КПИ. По вопросу о положении в Коммунистической партии Германии выступил Мануильский, представлявший Секретариат Исполкома Коминтерна.

17 декабря Тольятти информировал Таску о решениях заседания ЦК.

Тольятти писал: «Механический перенос русских вопросов в Коминтерн и в составляющие его партии, как это имело место в последнее время в некоторых случаях, является полной противоположностью помощи советским коммунистам. Он ведет к усматриванию в русских вопросах лишь «борьбы групп» и к ориентированию исключительно на развитие этой борьбы».

Это было предупреждение Таске. Однако, когда письмо дошло до адресата, Таска в своих суждениях, действиях и выражениях зашел уже слишком далеко.

14 декабря он написал письмо, целиком посвященное положению в Коммунистической партии Германии. Таска указывал: «По *всем* вопросам, обсуждавшимся здесь в связи с положением в Германии, большинство Исполкома не было согласно со мной... В подобных условиях мое дальнейшее пребывание в Москве не имеет смысла... Вы должны решить вопрос о моей замене другим товарищем, согласным с превалирующей политической линией. Я никогда, пока занимаю это место, не откажусь говорить то, что думаю».

На заседании Президиума Исполкома Коминтерна 19 декабря Сталин подверг резкой критике позиции Таски и общую оценку им немецкого вопроса.

Секретариат Исполкома Коминтерна поддерживал линию большинства, руководимого Тельманом, против которого выступили правые и промежуточная группа «примиренцев». Сталин подчеркивал необходимость решительной борьбы против правых и «примиренцев».

Таска, разумеется, мог высказывать по этим вопросам свое мнение и свое несогласие, с учетом, однако, того, что он всего несколько недель проработал в Коминтерне. Тем не менее, невзирая на свои собственные обещания не втягиваться во фракционную борьбу, на неоднократные рекомендации Тольятти, Таска со свойственными ему порывистостью и поспешностью начинал становиться на позиции одной из сторон, забывая и о своей ответственности перед партией, и даже о правилах, за нарушение которых он сам решительно критиковал других. В проектах документов, в своих выступлениях на заседаниях Секретариата Исполкома Коминтерна он принял тон не только оппозиционера, но даже человека, имеющего принципиальные разногласия, находящегося на грани отхода от Коминтерна. К примеру, в ходе обсуждения одного из документов, предложенного Президиумом Исполкома Коминтерна, он сказал: «Это — документ, вопиюще слабый политически, абсолютно не соответствующий уровню, которым должен отличаться руководящий центр Интернационала, он напоминает протокол, составленный следователем провинциального суда» и т. д.

Хитаров, один из руководителей советского комсомола и Коммунистического Интернационала Молодежи, говорил, что Таска «мобилизует КПИ против Коминтерна».

Суждения Таски приобретали скандальный характер.

25 декабря Таска получил одновременно письмо из Секретариата КПИ от 9 декабря и письмо Тольятти от 17 декабря. Письмо Тольятти было им ошибочно истолковано как одобрение занятых им в Москве позиций.

Это мнимое одобрение удесятерило его рвение. В письме Тольятти от 25 декабря Таска уже просит не о замене, а о присылке помощника, секретаря для работы в Москве.

26 декабря Тольятти написал Таске письмо в тоне, не похожем на тон предыдущих писем. Он, в частности, писал: «Мы получили короткое сообщение от Тоско (Джерманетто), что ты в разговоре с ним и Ромолино (Амадези) заявил, что на сто процентов согласен с немецкими правыми». Далее в письме говорилось: «Из твоего письма от 14 декабря с очевидностью вытекает необходимость твоего участия в заседании нашего ЦК, где ты сделаешь доклад о международном положении и обсудишь его с нами. ЦК мы сможем созвать в конце января, но ты должен прибыть дней на десять раньше. Поставь вопрос пе-

ред комиссией, еще не в форме отзыва из Москвы, а об отъезде для участия в заседании ЦК».

Позиции Таски в Коминтерне волновали также и молодежь, которая в целом была не согласна с его суждениями и ориентацией. 27 декабря Доцца писал по этому поводу Амадези, представлявшему ФКМ в Коммунистическом Интернационале Молодежи: «Занимаемые им позиции несомненно лишают нас возможности влиять на исправление ошибок, которые он критикует, и приводят к результатам, противоположным тем, которых он ждет».

Таска, обеспокоенный, ответил на письмо Тольятти 30 декабря. В целом он отвергал суждения и замечания Тольятти. «Я вижу ясно,— писал он,— и если я обманываюсь, то, значит, в моих глазах нет необходимости».

3 января[1] Секретариат КПИ объявил о созыве ЦК на 20 января. Таска на этом заседании должен был изложить позиции, занятые им в Москве.

Тольятти, ставя меня в известность о созыве ЦК, попросил меня участвовать в нем, если разрешит врач.

Я решила принять участие в заседании ЦК, интересовавшем меня не только из-за «дела» Таски, предполагавшегося в качестве основной темы, а и с точки зрения других вопросов повестки дня, затрагивающих основные моменты текущей итальянской обстановки, вопросы деятельности партии в Италии.

Однако многочисленные аресты в базельском секретариате вынудили нас отложить заседание ЦК.

Итальянская полиция уже давно знала, что часть Заграничного центра КПИ находится в Базеле, и пыталась обвинить итальянских коммунистов, укрывшихся в Швейцарии, в террористической деятельности с целью добиться от швейцарских властей их выдачи. Швейцарскому правительству поступил донос, в котором итальянские коммунисты, проживающие в Швейцарии, были представлены как организаторы покушения на Муссолини.

Швейцарская полиция начала действовать. В один день были арестованы дома или в местах встреч (кафе, рестораны) Гриеко, Доцца, Джиганте, Тольятти, Поцци, Премоли, Дзанелли и Секкья. Федели и некоторые другие избежали ареста.

Вскоре, однако, швейцарская полиция установила, что речь шла не о террористах, а об антифашистах, и освободила арестованных. Лишь товарищи, имевшие поддель-

[1] 1929 года.— *Ред.*

ные швейцарские паспорта, были приговорены к нескольким дням заключения и к высылке со швейцарской территории.

Единственным серьезным ущербом от этих арестов было обнаружение квартиры Гриеко, месторасположения Секретариата КПИ, где находились материалы, относящиеся к организации партии в Италии, которые, возможно, швейцарская полиция передала итальянской.

Из-за арестов пришлось перевести партийное руководство в место, более подходящее для подпольной работы и политической деятельности. В результате этого партийный центр был перенесен в Париж.

Заседание ЦК было вновь назначено на 28 февраля.

В Италии начало 1929 года было отмечено двумя важными событиями.

21 января Муссолини распустил палату депутатов. Ранее, 16 марта 1928 года, был введен в силу новый фашистский избирательный закон. Он установил, что 400 членов палаты депутатов будут избираться в едином национальном масштабе и что список кандидатов составляется Большим фашистским советом по рекомендации фашистских корпораций. Закон предусматривал право голосования только для «активных и полезных элементов нации».

После роспуска палаты депутатов Большой фашистский совет подготовил список 400 кандидатов, который был одобрен 27 февраля и представлен на всеобщие выборы, намеченные на 24 марта.

11 февраля в Латеранском дворце кардинал Гаспарри и Муссолини подписали договор о примирении государства и Святого престола, заключили финансовую конвенцию и конкордат. Этим фашизм превращал церковь в один из своих опорных столпов.

Ватикан кроме «материальных льгот» добился признания «святого характера Вечного города» и обязательства со стороны правительства «препятствовать всему, что в Риме может составлять контраст с указанным характером».

Для Муссолини конкордат был успехом. В глазах темных и обманутых людей он стал «человеком провидения».

Таска выехал из Москвы 17 января. По дороге он сделал недолгую остановку в Берлине. 20 января он написал из Берлина в Секретариат партии длинное письмо. Рана,

нанесенная его самолюбию словами Сталина, который, полемизируя против позиций Таски на заседании Президиума Исполкома Коминтерна 19 декабря 1928 года, сказал, что Таска попал в «болото трусливого оппортунизма» [1], не заживала, и это заставляло его вести себя все более безответственно и бесконтрольно.

Относительно своего доклада на пленуме ЦК Таска писал, что он займет целый день, два заседания. В первой части он намеревался осветить немецкий вопрос и политику Коминтерна, во второй — проблемы русской революции, в третьей — обстановку в некоторых секциях Коминтерна и методы работы международного руководящего центра. Далее Таска просил размножить доклад и распространить его среди товарищей.

Доклад Таски, около трехсот печатных страниц, оказалось возможным распространить среди членов ЦК лишь накануне заседания. Тем не менее коммунисты имели возможность ознакомиться с ним, поскольку обсуждение «вопроса о Таске» стояло в повестке дня последним пунктом и состоялось 3 марта.

Доклад ставил под сомнение основные вопросы всей политической линии Коминтерна. Факты и конкретные проблемы, обсуждавшиеся во время кратковременной работы Таски в Коминтерне, были лишь эпизодами, отдельными моментами общей политической линии, практические указания, а также общую оценку которой он отвергал.

Основу доклада составляли два вопроса: политика и внутренняя жизнь Коминтерна и проблемы строительства социализма в Советском Союзе. Постановка этих вопросов и их общая оценка в докладе выглядели как суровая обвинительная речь против Коминтерна и против руководства ВКП(б).

Таска пробыл в СССР немногим более двух месяцев, причем большую часть времени он провел в здании Коминтерна. Однако в докладе делалась попытка дать законченный план решения всех вопросов, стоящих перед Коминтерном, и в частности экономических вопросов развития Советского Союза, в противовес уже существующим планам.

Накануне заседания ЦК у меня состоялась беседа с Тольятти об общем содержании и значении доклада, подготовленного Таской.

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 294.— *Ред.*

Тольятти был им глубоко огорчен. Таска, говорил он, рассуждает как буржуазно-либеральный экономист, к тому же совершенно запутался в персональных разногласиях и ссорах. А теперь, добавил он, товарищи из парижского бюро считают, что с его ведома Таска взял на себя роль оппозиции в Коминтерне.

Как объяснить поведение Таски, спрашивал себя Тольятти, как объяснить его резкие суждения по столь крупным проблемам, собранные в докладе, импровизированном всего после нескольких недель пребывания в Москве и Коминтерне?

В прошлом у нас имелись политические расхождения с Таской, однако мы никогда не прекращали совместную работу в партии. В последние два года, утверждал Тольятти, работа велась сообща на основе политических позиций, которые считались общими. Поручение представлять партию в Коминтерне было дано Таске с целью сохранить его для руководящего партийного ядра, использовать его способности и преодолеть разногласия, имевшиеся в прошлом. Наши с ним отношения строились на доверии.

Во время VI конгресса Коминтерна Таска не стал на обособленные политические позиции, он участвовал в проводимой совместно дискуссии и в подготовке выступления Тольятти, одобрил его критическую часть, ее содержание и пределы.

Однако, работая в Секретариате Исполкома Коминтерна, Таска не только зашел слишком далеко в критических замечаниях, дал им ошибочное направление и завел в тупик, а скатился на позиции непримиримого несогласия, раскола с Коминтерном и с ВКП(б) в крайне важных вопросах, вступив в полное противоречие с нами.

В подобной обстановке было необходимо не допустить, чтобы позиция КПИ по вопросу о внутрипартийной жизни, вновь подтвержденная Тольятти в выступлении на VI конгрессе, была истолкована как несогласие с политической линией ВКП(б), как смыкание с позициями Таски, отвергнутыми всеми нами решительно и с полным сознанием.

В личных беседах с Таской Тольятти пытался доказать ему, что раскол с Коминтерном был бы серьезнейшей ошибкой, что с этим не согласны широкие партийные массы. Русская революция всегда была и по праву продолжала быть в сознании коммунистов и трудящегося народа величайшим событием века, Коминтерн являлся основой всех

надежд для борьбы рабочего класса в Италии, Москва считалась «Меккой» социализма.

Личные отношения с Таской не изменились, мы стремились заставить его хорошо продумать все еще раз, но он, казалось, вынуждал других товарищей прибегнуть к исключению его из партии.

Пленум ЦК начал свою работу 28 февраля. Присутствовали Тольятти, Гриеко, Камилла Равера, Лонго, Таска, Равацполи, Леонетти, Транквилли, Доцца. Трессо отсутствовал по болезни, Дженнари, Ньюди, Джерманетто и Ди Витторио находились в Москве.

Прения по первым двум пунктам повестки дня — обстановка и работа партии, кампания против войны — были объединены.

Тольятти коротко выступил по первому вопросу. В целом его характеристика положения партии в Италии была такова: «Почти повсюду есть коммунисты, ведущие борьбу... продолжающие чувствовать себя коммунистами и доказывающие это. Они устанавливают между собой связь, и эта связь сейчас заменяет им партию. Разумеется, их активность в настоящее время невелика. Лишь в некоторых случаях они ведут работу по налаживанию контактов с массами. Самым серьезным недостатком этих стихийных формирований является отсутствие связей с массами на предприятиях».

Гриеко сделал обзор международного положения с точки зрения военной опасности и необходимости широкой антивоенной кампании.

Центральный Комитет одобрил доклад Гриеко относительно кампании против войны и назначил комиссию по выработке документа о задачах партии в этой области.

Основной интерес и внимание коммунистов были, однако, привлечены к докладу Таски.

Ожесточенный характер и многочисленность его нападок наводили на мысль о полной оппозиции, о расколе, окончательно созревшем в нем. Его оценка положения в Советском Союзе вызвала единодушную критику всех членов ЦК.

Суждения Таски были твердо отвергнуты всеми.

На заседании 2 марта, посвященном анализу позиций Таски в Коминтерне, ощущалось необычное для наших дискуссий напряжение. Тольятти в своем выступлении,

содержавшем критику и осуждение позиций Таски, использовал необычно суровый тон.

В заседании приняли участие Тольятти, Гриеко, Равера, Таска, Леонетти, Транквилли, Лонго, Раваццоли, Доцца, Секкья, Джоветти и Реммеле[1], представлявший Коммунистическую партию Германии и Коминтерн.

Таска изложил в несколько более умеренной форме содержание своего доклада.

Тольятти, используя убедительную аргументацию, отверг позиции Таски по всем вопросам. Он одобрил линию, которой следовал Коминтерн в решении германского вопроса, генеральную политику Коммунистической партии Германии, борьбу против правых и «примиренцев», а также суждение, данное по поводу Таски Президиумом Исполкома Коминтерна.

Тольятти подробно разъяснил и одобрил политику ВКП(б) и ее борьбу против уступок и нерешительности по отношению к возрождению капиталистических элементов в советской экономике.

В заключение Тольятти сказал: «Борясь за линию Коминтерна... мы всегда боролись и за то, чтобы эта линия правильно выполнялась. Мы вели борьбу в этом направлении с достаточной энергией и без предрассудков.

Для нас возможность оказывать влияние на совершенствование внутренней жизни Коминтерна существует лишь тогда и в той мере, в какой мы безоговорочно и без всякого колебания отвергаем и осуждаем оппортунизм и каждую примиренческую тенденцию по отношению к нему. В силу этого ЦК должен сейчас сделать следующее: отвергнуть и осудить без всякого колебания и оговорок товарища Серру[2]».

Лонго подверг критике оценку общего положения, данную Таской, поддержал линию VI конгресса, подчеркнув в ней суждения, наиболее близкие тем, которые он всегда противопоставлял генеральной линии партии. В особенности он обратил внимание на необходимость усиления связи и сотрудничества между руководящим центром и партий-

---

[1] Реммеле, Герман (1880—1939) — член Компартии Германии, в 1924—1933 годах — член Политбюро ЦК КПГ, до октября 1932 года — член Секретариата ЦК КПГ. В 1926—1929 годах был представителем КПГ при ИККИ, в 1926—1933 годах — член Президиума ИККИ. В 1931—1932 годах возглавлял вместе с Нейманом фракционную, левосектантскую группу в КПГ.— *Ред.*

[2] Серра — А. Таска.— *Ред.*

ными массами, невзирая на сложную обстановку, созданную фашизмом.

Транквилли отметил, что в случае с Таской имелись политические разногласия, а не велась личная борьба.

Леонетти заявил, что позиции Таски следует не только отвергнуть, а повести против них открытую, энергичную борьбу.

Раваццоли отверг интерпретацию современной политики ВКП(б), данную Таской, интерпретацию не социалиста, а буржуазно-либерального экономиста, к тому же сплошь и рядом содержащую противоречивые утверждения.

Таска кратко ответил на заданные ему вопросы, подтверждая свои убеждения.

Завершая дискуссию, Тольятти отметил единство ЦК в осуждении позиций Таски, который в своих взглядах и докладе совершенно отошел от линии Коминтерна и КПИ.

ЦК одобрил заключительную резолюцию, зачитанную Тольятти. Против проголосовал только Таска, обратившийся в президиум заседания ЦК со следующей просьбой: «Прошу ЦК, вследствие выявившихся между нами разногласий, освободить меня от обязанностей члена Политбюро. Эта просьба обусловлена также кампанией, которую ЦК и Политбюро решили провести внутри партии. Оставаясь в Политбюро, я бы находился в фальшивом положении, что осложнило бы совместную работу».

После недолгого обсуждения ЦК постановил не принимать во внимание просьбу товарища Таски. Было вынесено единодушное решение назначить Гриеко представителем партии в Коминтерне.

Мое здоровье улучшалось значительно быстрее, чем я ожидала. Находясь еще на лечебном режиме, я участвовала в заседаниях секретариата и часто встречалась с членами нашего центра, который сейчас целиком обосновался в Париже.

Иногда у меня складывалось впечатление, что разговоры с ними и между ними проходили иначе, чем в годы нашей совместной работы в Италии.

Даже после суровых событий ноября 1926 года, а также в течение всего последующего года партийный центр сохранил прочное единство и вел работу коллективно.

А сейчас я ощущала наличие в нашем центре если не самых настоящих трещин, то различий, неопределенности

в мыслях, в душевном настрое, плохо влияющем на личные отношения и подтачивающем сплоченность руководящего партийного ядра.

У Транквилли открылась давняя болезнь легких, он стал впечатлительным, легко возбудимым, обособился, будто стремясь остаться в стороне. Трессо иногда вновь с упорством возвращался к своим старым бордигианским позициям, оставляя в целом впечатление запутанности и непоследовательности. Раваццоли молчал и слушал, полный сомнений и постоянно в скверном настроении. По профсоюзным вопросам, да и в целом, он находился под влиянием Таски и был в то же время раздражен тем, как Таска уходил, отказываясь от борьбы. Леонетти с трудом выносил создавшуюся атмосферу, которая, как он считал, была результатом недостатков в работе и руководящей деятельности центра. На самом же деле она была обусловлена нашим положением политического центра в эмиграции, оторванного от жизни и реальной деятельности партии в Италии.

Трессо, Леонетти и Раваццоли, хотя и не следовали одной политической линии, все трое занимали критические позиции в отношении секретариата, считавшегося наиболее ответственным партийным органом. Они обвиняли Тольятти в ущербе, нанесенном представительством Таски в Коминтерне, считали, что руководство партией должно осуществляться иначе. Однако у них не было ни собственной ясной платформы, ни политической линии.

Во время VI конгресса Коминтерна партия сохранила верность политической линии, выработанной в Лионе, осталась верна идеям и основным указаниям Грамши, и конгресс в своих решениях одобрил эту линию. В речи на конгрессе Тольятти отверг обобщенное, недифференцированное суждение о «радикализации масс во всех капиталистических странах» и дал точную оценку условий, созданных фашизмом для деятельности партии. Тольятти отвергал возможность быстрой смены обстановки в Италии. Я и Гриеко были согласны с ним. На этой же позиции, казалось, находился Транквилли.

Леонетти и Раваццоли, однако, склонялись к позициям Лонго, которые, по их мнению, больше соответствовали линии VI конгресса. Леонетти считал, что положение фашизма в Италии непрочно, стабильность страны слабее, чем в других капиталистических государствах. Раваццоли выдвигал подобные же мысли...

Врач объявил, что я здорова. Тем не менее он настаивал на необходимости провести еще некоторое время в местности с чистым воздухом для окончательного выздоровления. Однако, учитывая, что я не хотела уезжать далеко от Парижа, он посоветовал мне поселиться в небольшом пансионе, расположенном в парке Сен-Клу. В этом пансионе я провела еще несколько недель, которые позволили мне окончательно набраться сил.

Чезаре доставлял мне последние новости о партийных событиях, а также заезжал за мной в случаях, когда Тольятти считал необходимым мое присутствие на встречах и собраниях.

В первых числах мая я перебралась в Париж. Под видом туристки я остановилась в небольшой гостинице, расположенной недалеко от Люксембургского сада. С этого момента возобновилась моя регулярная работа в секретариате, состоявшем в тот момент из Тольятти, Раверы, Лонго, Транквилли и Секкья, представлявшего коммунистическую молодежь.

После заседания ЦК 3 марта Таска выехал в Берлин: он вместе с Транквилли должен был принимать участие в организованном там антифашистском конгрессе. Затем он ненадолго съездил в Москву, чтобы забрать свои вещи и попрощаться с друзьями.

В Москве у него состоялась беседа с Мануильским, который временно замещал Бухарина в руководстве Коминтерна. Он встречался также с группой Бухарина и троцкистами, обещав им связаться с троцкистами, обосновавшимися во Франции.

По возвращении в Париж Таска уклонялся от прямого участия в нашей работе. Тольятти направил ему, как обычно, сообщение о созыве заседания Политбюро.

4 мая Таска ответил письмом, адресованным мне, которое, однако, содержало ответ всему секретариату.

«Дорогой Микели,— писал Таска,— я получил приглашение участвовать в заседании Политбюро, в состав которого я формально еще вхожу. Невозможность сотрудничества между нами в политическом руководстве настолько очевидна, что единственная разумная, законная и полезная вещь, которую следует сделать, это признать вышесказанное и согласиться с вытекающими отсюда организационными последствиями, касающимися состава нашего руководящего центра...»

В секретариате мы сконцентрировали основное внима-

ние на положении в Италии и на вопросах внутренней обстановки.

Комиссия по выработке задач в области партийной работы, назначенная ЦК 28 февраля, направила 12 апреля свою резолюцию всем членам ЦК, разослав ее также во все отделы и ответственным за областные комитеты, сформированные в Париже.

В резолюции утверждалось: партия сохранила в Италии значительные силы, необходимо налаживать с ними контакт, направлять их деятельность, руководить восстановлением связей с рабочими на предприятиях, воспитывать новые руководящие кадры, снабжать товарищей средствами для печатания листовок, плакатов, газет местного характера.

В резолюции давались, таким образом, практические рекомендации, направленные на уменьшение разрыва между партийной массой и руководством, таившего в себе, с одной стороны, опасность гибели коммунистической организации, а с другой стороны, запоздалость реакции партийного руководства на жизненно важные для страны вопросы, неизбежно влекущую за собой схематизм и абстрактность в разработке и проведении политики партии.

В Италии коммунисты не покинули поле битвы. В пролетарских кварталах Турина слышны были трудовые песни, «подрывные мелодии», как сообщалось в докладе Федели о работе в Турине и в Пьемонте.

Многие коммунистические организации не прекратили свою деятельность, продолжая готовить и распространять рукописные подпольные издания.

1 Мая в Риме было организовано распространение газеты «Унита» и листовок. Полиция произвела множество превентивных арестов, хватала людей при малейшем намеке на манифестации. 3 мая был арестован секретарь федерации.

В Фодже у коммунистов к 1 Мая не было печатных материалов для распространения. Они собрались вместе, по группам, под красным знаменем. Печатный материал был доставлен, но слишком поздно.

Секкья в середине мая удалось побывать в Турине и Милане. В Турине он встретился с рабочими заводов «Савильяно», СПА, «ФИАТ-Чентро», «ФИАТ-Линготто», «Сниа-Вискоза», «Гранди Мотори», «Маццонис». В целом рабочие жаловались на отсутствие печати и политического руководства. Старые коммунисты, принадлежность кото-

рых к компартии была общеизвестна, могли мало что сделать. У молодежи не хватало опыта.

В Милане полицейские репрессии ощущались не столь сильно. Вступление в фашистские профсоюзы, обязательное в Турине, здесь не было обязательным. Среди рабочих росло недовольство условиями труда и низким заработком. На некоторых предприятиях чувство протеста прорвалось наружу, была стихийно остановлена работа. Рабочие, однако, сами утверждали, что их силы были гораздо слабее, чем в 1927 году. Кто-то сказал: «Правительству удалось победить коммунистов: исчезла их печать».

Общее настроение коммунистов выразил один рабочий, сказавший: «Верно, что нам нужно проявлять инициативу, что при необходимости нужно уметь действовать самостоятельно, особенно, когда партийный центр не в состоянии нам помочь. Однако мы хотим иметь руководящий центр. Когда мы были связаны с центром, у нас была газета, дававшая нам повседневные указания. Потом мы неожиданно остались одни, начали терять лучших рядовых активистов. В любой обстановке, невзирая на самые большие трудности, нам нужен центр. Даже если разразится, к примеру, война».

В начале июня Гриеко прислал сообщение из Москвы, что пленум Исполкома Коминтерна назначен на 30 июня.

Тольятти информировал об этом Таску, спрашивая его, когда тот намерен выехать, тем более что Таска являлся членом Исполкома Коминтерна. Таска ответил 12 июня: «Считаю, что мое участие в заседании Исполкома не принесет никакой пользы. Вы в этом убеждены так же, как и я. Бороться не имеет смысла, борьба лишь углубит разногласия, не приведя к положительным результатам. Тем целесообразнее, чтобы одна делегация, составленная из вас, представляла в Москве партию. В противном случае единственным результатом будет лишь то, что масса полезной работы затормозится на долгое время...»

К этому времени в партии было покончено с бордигианством, но среди эмигрантов оставались старые последователи Бордиги, которые шли за Отторино Перроне, находившемся в Бельгии. В течение нескольких месяцев Перроне переписывался с Троцким.

Вопрос о Бордиге возник среди коммунистов, сосланных на остров Понца. Они прочитали в газете «Коррьере

делла сера» антисоветские статьи Троцкого, которые тот продал американскому газетному тресту. Эти статьи вызвали острые споры среди коммунистов. Лишь Бордига и его немногочисленные сторонники разделяли антисоветские, антикоммунистические взгляды Троцкого. И за это ссыльные коммунисты 112 голосами против 29 исключили Бордигу из коллектива коммунистов.

25 июня Берти написал в Секретариат партии о решении коллектива. Секретариат предложил обсудить вопрос об исключении Бордиги из партии на заседании ЦК после освобождения Бордиги из ссылки.

Гриеко понял, что вопрос о Бордиге затруднил позиции КПИ в Коминтерне, и информировал об этом Тольятти. Гриеко также сообщил из Москвы, что товарищам из Коминтерна были известны связи Таски с группами Троцкого и Бухарина. Кроме того, доклад, представленный Таской на заседании нашего ЦК, был им распространен среди других партий и вызвал настоящий скандал.

Содержание доклада противопоставляло Таску ВКП(б) и Коминтерну. Его распространение противоречило нормам внутренней жизни Интернационала. Коминтерн возник и остался в сознании трудящихся мировой партией коммунистов, боровшихся и отстаивавших не только программу освобождения пролетариата, но и нормы участия в Коминтерне, принципы его внутренней жизни, Устав Коминтерна.

Эмбер-Дро, который также не соглашался с позицией Коминтерна по немецкому вопросу и по другим, более общим вопросам, был предупрежден, но продолжал работать в Исполкоме Коминтерна. С Таской же дело обстояло по-другому: его поведение означало разрыв не только с Политбюро, но и со всей партией.

Заседания X пленума Исполкома Коминтерна начались 3 июля и закончились 19 июля. От КПИ в них участвовали Тольятти, Гриеко и Раваццоли.

Обстановка была благоприятной для ВКП(б). Первый пятилетний план осуществлялся при широком и самоотверженном участии народа.

X пленум Исполкома Коминтерна, подчеркнув правильность данной VI конгрессом оценки теперешнего периода послевоенного капитализма, заявил о нарастании общего кризиса капитализма, «ускоренного обострения основных внешних и внутренних противоречий империа-

лизма, ведущих с неизбежностью к империалистским войнам, величайшим классовым конфликтам...» [1].

Исполком охарактеризовал как «типичные черты» обстановки «ускорение процесса радикализации широких рабочих масс», стачки, «принимающие ярко выраженный политический характер» [2]. В официальных документах X пленума Исполкома Коминтерна использовался термин «фашизация социал-демократии».

Отмечалось, что в Германии такая «фашизация» уже началась и что борьба велась в основном между коммунизмом и социал-демократией.

В ходе работы Исполкома руководителей Компартии Италии неоднократно упрекали в том, что они не предприняли организационных шагов, вытекающих из осуждения Таски, в том, что «ренегат» Таска не был исключен из Политбюро как за суждения, несовместимые с принадлежностью к Коминтерну, так и за грубые нарушения дисциплины, им совершенные. КПИ было указано на необходимость внести изменения в политическую и организационную работу.

От имени итальянской делегации в прениях выступил Тольятти. Его выступление было длинным, продуманным, некоторые места были произнесены с болью, однако общий тон отличался уверенностью и достоинством.

Тольятти дал характеристику итальянского фашизма, отметил фазы его развития, описал методы его борьбы и господства, отношения с господствующими экономическими силами, с буржуазными партиями, с католиками и другими общественными слоями, его стремление создать себе опору в массах.

Относительно перспектив Тольятти заявил, что не может ответить на вопрос о том, «когда» падет фашизм. Относительно того, «как» это произойдет, Тольятти ограничился ссылкой на историческую перспективу, избегая вопроса о переходных этапах и их многочисленных и запутанных толкованиях.

Что касается позиций Таски, Тольятти подтвердил, что ЦК партии отрекся от них и подверг осуждению.

В заключение Тольятти ответил на критику, обращенную к партии, указав, что КПИ вынуждена была вынести

---

[1] «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». М., 1933, стр. 876.— *Ред.*

[2] Там же, стр. 882, 883.— *Ред.*

тяжелые удары реакции, преодолеть трудности подполья. Несмотря на все это, ей удалось выстоять и сохранить свою структуру в Северной Италии, а также расширить свою деятельность в центре и на юге страны.

Грieко ответил на критику, в большей степени, чем Тольятти, придерживаясь мнения комиссии Коминтерна.

На пленуме Исполкома Коминтерна от имени итальянской делегации он зачитал заявление по «вопросу о Таске», в котором признавалось, что ЦК КПИ совершил ошибку, не прибегнув к дисциплинарным мерам после политического и идеологического осуждения Таски, и выносилось на обсуждение Коминтерна предложение об условиях, которые необходимо было поставить перед Таской: отмежевание от доклада, представленного им ЦК, принятие решений Коминтерна и ЦК КПИ, разрыв всех связей с правыми группами в ВКП(б) и в других партиях Коминтерна.

Это заявление обязывало итальянскую делегацию поддержать его и на заседании Политбюро и ЦК КПИ.

Заседание Политбюро было назначено на 28 августа.

Из первых кратких бесед с Тольятти и Грieко я поняла, с какими трудностями мы встретимся на заседании Политбюро.

Чувствовалось, что Равацсоли испытывает какую-то общую, бесформенную неудовлетворенность и недоволен Тольятти, который «привел партию к подобному положению в Коминтерне», «полностью изменил прежнюю линию, проводившуюся вопреки мнению Лонго и в согласии с Таской», и т. д. Равацсоли изливал свою душу главным образом Трессо и Леонетти.

Для меня важен был не столько вопрос об отдельных личностях, сколько проблема международного утверждения партии, ее политического руководства, ее дальнейшего пути. В этот период было невозможно по-настоящему посоветоваться с партией, чтобы принять сознательное и ответственное решение. Ответственность за все решения лежала на нас.

В те годы в эмигрировавшей руководящей группировке произошло разделение между партией и молодежью; наметились некоторые разногласия в Политбюро, в руководящих органах партии, состав значительной части которых изменился в результате ряда перестановок и кооптаций. Не хватало тесного и сплоченного руководства, как то, что

сложилось вокруг Грамши в 1925—1926 годах и было затем подтверждено на Лионском съезде.

Критика на X пленуме Исполкома Коминтерна затронула лично Тольятти, и это мимолетное внешнее принижение авторитета Тольятти в Исполкоме Коммунистического Интернационала вводило в заблуждение некоторых членов Политбюро, усиливало уже стихийно возникшие разногласия по политическим и организационным вопросам обстановки в Италии.

Тесная связь с Коминтерном побуждала этих товарищей отмежеваться от «обвиняемого». Однако, сталкиваясь с практическим вопросом о том, «что делать» в Италии, они начинали путаться в противоречиях.

Тольятти приехал как-то навестить меня в отель «Реньяр». Встречи, состоявшиеся с некоторыми членами Политбюро, сильно взволновали его.

— Я устал,— как бы подводя итог, сказал он. И его можно было понять.

— Но битва только начинается,— заметила я, пытаясь смягчить обстановку.— Затем придется создавать новый центр, единый и сплоченный, который ты должен будешь поставить на ноги.

— Они хотят сменить руководство,— сказал Тольятти,— и я решил уйти. Займусь снова основательным изучением этих вопросов, не забивая себе голову мелкими интригами, обидами, подозрениями, которые отвлекают и оскорбляют. Гриеко тоже готов уйти. Он, как и я, да, думаю, и ты тоже, не намерен заявлять, что линия партии до сегодняшнего дня была ошибочной.

— Конечно,— ответила я,— заявить так было бы неверно.

— Они требуют такого заявления, которое, как считает Равацполи, должно быть ясным и искренним.

— Кто еще этого требует?

— Трессо, Леонетти и, несколько иначе и при ином стиле отношений, Лонго.

— Какую же линию они противопоставляют?

— Линия Лонго известна. Остальные, вероятно, ищут ее. Я не интересуюсь этими поисками и не думаю, что должен это делать. Я ухожу.

Наверное, я посмотрела на него глазами, полными страха, потому что он несколько раз провел рукой по волосам, как обычно делал в трудные минуты.

— А партия? — спросила я.

— Да, партия...— грустно повторил Тольятти.

— Не говоря уже о том, что наши позиции обоснованны и мы в них убеждены, мы не должны и не можем ломать политическую линию Грамши и Лионского съезда, которую партия почти повсеместно приняла и по которой она сегодня не имеет возможности высказываться и принимать решения. Мы не должны допустить такую смену руководства, которая вновь привела бы партию на преодоленные с таким трудом максималистские позиции Бордиги или превратила бы КПИ в партию эмигрантов, подобно другим итальянским антифашистским организациям. Это означало бы непоправимое падение престижа партии в глазах итальянского рабочего класса.

— А ты подумала о всех абсурдных противоречиях, стоящих перед нами? Как из них выпутаться, как их разрешить?

— Думаю, что прежде всего их надо решать в рамках той всемирной партии коммунистов, к которой мы принадлежим, ни в коем случае не порывая с Коминтерном.

— В Москве сейчас нас рассматривают как находящихся вне страны и судят о наших делах с глобальной точки зрения, в общемировом масштабе. Считается, что могут быть приняты общие, исторические формулировки в этих рамках. Однако наша политика должна уточняться, развиваться и осуществляться с учетом особенностей нашего нынешнего положения. Оценивать нас ведь будут по результатам нашей работы...

— Нужно объединить все здоровые силы в партии, всех, с кем можно договориться, восстановить то, что еще можно восстановить. Надо преодолеть этот трудный момент, идя во главе партии, вместе с Коминтерном. Вот что нужно сделать.

Это был долгий разговор, продолжавшийся всю вторую половину дня. В сильно изменившейся обстановке, перед лицом совершенно других проблем он напомнил мне о наших беседах в 1923 году, в трудные недели, когда было решено начать переписку с Грамши.

Теперь нас отделяли от Грамши толстые тюремные стены. Как преодолеть их, хотя бы настолько, чтобы можно было иногда, в особо трудные и серьезные моменты, получать от него совет и помощь?

— Эту проблему мы тоже должны будем решить,— сказала я Тольятти.

— Рискуя подвергнуть Антонио новым неприятностям? — заметил он, растерянно взглянув на меня.

Его опасения были справедливыми. Однако необходимо было найти такой способ, который исключал бы любой риск.

— Нам надо осторожно связаться с братьями Антонио Грамши, с Карло. А по политическим вопросам — со Сраффой, потому что с Таней [1] это труднее и рискованнее. А потом и в самих себе мы должны найти нить мысли Грамши.

Тольятти убежденно и уверенно кивнул головой в знак согласия.

— И нельзя потерять руководство партией,— продолжала я.— Это означало бы абсолютно забыть заветы Грамши, означало бы непростительный отказ от его идей и катастрофу для партии.

Тольятти размышлял.

— Это будет нелегко,— заметил он.

— Конечно,— согласилась я,— но нужно победить.

— Да,— сказал Тольятти, неожиданно и решительно поднимаясь.

Попрощался он со мной как-то теплее обычного и, добавив: «В понедельник начнем работу в секретариате вместе», ушел, решившись, как мне показалось, «победить».

---

[1] Таня — сестра Ю. А. Шухт, свояченица А. Грамши. Проживая в Риме, Т. А. Шухт оказывала всяческую помощь А. Грамши в годы его заключения, спасла его ценнейшее литературное наследие — «Тюремные тетради». После смерти А. Грамши Т. А. Шухт вернулась в СССР (умерла в 1943 году).— *Ред.*

VIII

«ПОВОРОТ» И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО ЦЕНТРА

Заседание Политбюро состоялось 28 августа. От Секретариата Исполкома Коминтерна присутствовал товарищ Степанов.

Гриеко сделал доклад о работе и решениях X пленума ИККИ. Тольятти рассказал о положении в Италии и задачах партии. Напомнив, что итальянская комиссия Исполкома Коминтерна настаивала на необходимости уточнить политическую линию и задачи КПИ, он остановился на более детальной формулировке некоторых общих и специальных лозунгов, а также на организационных вопросах работы партии. Затем Тольятти изложил задачи текущего момента, подчеркнув, что следует возобновить работу среди масс итальянских трудящихся и поставить такие цели, которые бы вытекали из сложившегося положения, были неразрывно связаны с общими целями нашей борьбы за социализм, чтобы не было двусмысленности и недопонимания.

В ходе прений оба доклада обсуждались вместе. Были единодушно одобрены решения X пленума Исполкома Коминтерна, осуждены позиции и поведение Таски и приняты условия, которые следовало поставить перед ним для его дальнейшего пребывания в КПИ.

По вопросу о положении и задачах партии критика была направлена против линии, которой КПИ следовала ранее, и главным образом против Тольятти.

Лонго заявил, что полностью поддерживает решения X пленума ИККИ и последовательно подтвердил свои позиции, которых он придерживался в 1927—1928 годах в полемике с руководством партии. Он сказал, что согласен с ныне принятой политической линией, которая исправляет предшествовавшую ей линию, а также с изложенными Тольятти задачами партии.

Леонетти утверждал, что Тольятти представил Коминтерну картину положения в Италии, не соответствовавшую

действительности. Стремление активизировать итальянские массы равносильно желанию прыгнуть выше своих возможностей. Вначале необходимо восстановить связь с массами.

Равацполи выразил сомнение в целесообразности и оправданности терминов «фашизация социал-демократии» и «социал-фашизм». Он подчеркнул, что не следовало забывать о различии, имеющемся между социальной базой социал-демократии и фашизма...

Трессо заявил, что согласен с линией, принятой на X пленуме ИККИ, но против всей прежней политики КПИ. Он поддерживает лозунги «всеобщей политической стачки» и «пролетарской революции» в Италии. Кроме того, он обвинил Тольятти в «таскизме», заострив до крайности позицию Исполкома Коминтерна по вопросу о социал-демократии и распространив ее на проблему объединения антифашистских сил. Однако относительно возможности работы в Италии он был настроен более пессимистически, чем Равацполи.

Я сказала, что согласна с высказываниями и предложениями Грпеко и Тольятти. Мы уже работали некоторое время в том направлении, о котором говорил Тольятти. Мне казалось, что некоторые проблемы, затропутые товарищами в связи с политикой партии, были уже преодолены благодаря нашим действиям и политическим директивам, содержавшимся в наших документах...

Что касается положения в Италии, характеризовавшегося реакционным перерождением государства, то я считала, что не следовало отказываться от демократических требований. Причем не только от тех, относительно которых мы все были согласны (право на организации, на назначение рабочих комиссий и т. п.), но и тех, которые касались права выбирать коммунальные советы, были направлены на придание нашей борьбе массового характера...

Степанов заявил, что положение в Италии и задачи партии должны рассматриваться на фоне существующего международного положения и в связи с рекомендациями, перспективами и задачами, сформулированными X пленумом Исполкома Коминтерна. Он рассказал о положении и борьбе в некоторых странах: тяжелой, растущей безработице в Англии и Германии, широкой борьбе немецких рабочих, столкновении между политическими и социальными силами в Австрии, борьбе рабочих во Франции, росте движения колониальных народов за национальное осво-

бождение. Степанов также подчеркнул существующую опасность новых империалистических войн и необходимость развертывания широкой кампании против войны. В заключение он призвал товарищей восстановить и укрепить единство в Политбюро и ЦК КПИ.

В своем ответном слове Тольятти подтвердил единодушное согласие Политбюро с линией и решениями X пленума ИККИ, а также по вопросу о позиции Таски.

30 августа Таска направил письмо в Центральный Комитет КПИ. «Несколько дней назад,— говорилось в нем,— мне сообщили новые условия моего пребывания в партии, наиболее важное из которых требует, чтобы я отказался от принципов, изложенных в мартовском докладе. Я не могу сделать этого, так как по многим из них я не изменил своего мнения: например, по всей первой части доклада (немецкий вопрос и политические проблемы Коминтерна). Если же мне пришлось бы переписать сейчас вторую часть (проблемы социалистического строительства в России), то я внес бы туда существенные изменения как по причине того, что некоторые споры по этим вопросам уже устарели, так и потому, что постановка ряда проблем была — в пылу полемики — односторонней, а значит, часто ошибочной...»

Далее в письме вновь кратко излагались позиции, которые Таска отстаивал в первой части своего доклада.

Заседание ЦК состоялось в первых числах сентября. На нем рассматривались работа X пленума ИККИ, «дело» Таски и организационные вопросы.

По «делу» Таски обсуждение открыл Гриеко. Объяснив необходимость борьбы против правых, он сказал, что партия ошиблась, оставив Таску в составе Политбюро после мартовской дискуссии, и информировал о том, как оценил позиции и непоследовательное поведение Таски X пленум Исполкома Коминтерна.

Гриеко, однако, вел полемику в спокойном тоне: еще сохранялась надежда, что Таска, несмотря на свое письмо от 30 августа, согласится выполнить выдвинутые перед ним требования:

1) забрать документ, представленный им на мартовское заседание ЦК КПИ, и признать перед всей партией содержащиеся в нем ошибочные позиции; признать правильность критики со стороны ЦК партии и Исполкома Коминтерна;

2) безоговорочно признавать все решения Коминтерна и партии и выполнять их;

3) порвать все политические и организационные связи с представителями оппортунистических течений, существовавших в других партиях Коминтерна, и в частности с оппортунистами, выступавшими против ВКП(б).

Таска отвечал спокойным голосом, так же как говорил Гриеко, но подтвердил свою оценку положения и свои позиции. Таска заявил, что если его исключат из партии, то он не будет вести против нее борьбу и отвечать на критику, которую партия ведет против его позиций. «Пусть партия проводит свою линию,— сказал он.— Я не буду вмешиваться. Повторяю, я ничего предпринимать не буду».

Официально предложение об исключении Таски из партии внесли Лонго, Леонетти, Равацдоли, Ди Витторио, Доцца, Реккья, и ЦК единогласно принял его.

Центральный Комитет КПИ решил также, что Лонго войдет в состав Политбюро, а Гриеко возобновит свою работу в Коминтерне. В ЦК были кооптированы товарищи Сантиа́, Фраузин и Джиганте. Транквилли, находившийся в Швейцарии ввиду плохого состояния здоровья, должен был пройти курс лечения в санатории.

Дискуссию по организационным вопросам открыл Лонго. Из его доклада явствовало, что в Пьемонте мы имели связь со всеми провинциальными федерациями, кроме Новары; в Ломбардии — с Миланом и Бергамо; в Венето — с Удине; в Венеции-Джулии мы имели связь со всеми четко работающими организациями. В Эмилии мы были связаны с Болоньей и Реджо-Эмилией, а также косвенно с Пармой, Феррарой, Равенной и рядом более мелких организаций; в Лигурии — с Савоной и косвенно с Генуей; в Тоскане — с Ливорно, Эмполи и косвенно с Флоренцией. Контакты с Югом пока были случайными. По приблизительным подсчетам, мы могли рассчитывать в Северной Италии на 3—4 тысячи коммунистов, к которым следовало прибавить еще 2—3 тысячи молодежи.

Мертвая точка была позади, и теперь вставал вопрос хотя еще и не о создании настоящего Внутреннего центра, но уже о создании областных центров в Италии. Один должен был охватывать Пьемонт, Ломбардию и Лигурию, второй — Венецию-Джулию, Венето и Эмилию, а третий — Центральную и Южную Италию. Речь шла о том, чтобы

постепенно перевести в Италию часть Заграничного центра КПИ: некоторых членов Политбюро и Центрального Комитета.

Раваццоли выразил несогласие с предложением Лонго. «Мы не можем,— сказал он,— подвергать наши немногочисленные партийные кадры риску быть арестованными. А мы знаем, что, когда кто-то из нас едет в Италию, на 50% есть вероятность, что он больше не вернется...»

Трессо, хотя и заявил о своем полном согласии с оценками и указаниями X пленума ИККИ, привел те же возражения, что и Раваццоли.

Я остановилась на некоторых актуальных вопросах нашей работы: о более рациональном функционировании областных комитетов партии, работавших в Париже, о борьбе с провокаторами, о необходимости развивать массовую работу...

Что касается работы в Италии, то я считала: туда необходимо послать членов Политбюро и ЦК; при решении этого вопроса, может быть, требуется больше мужества, чем для того, чтобы самому поехать в Италию. Но это нужно по политическим соображениям: для создания в стране Внутреннего политического центра необходимо присутствие там нескольких членов Политбюро, а поэтому следует принять предложение Лонго.

Тольятти сказал: «Мы не думаем, что завтра, когда встанет вопрос о руководстве массовым движением, мы сможем отдать все руководство политической и организационной деятельностью низовым партийным кадрам, что эти силы будут работать без нас, а мы, нынешние руководящие работники партии, будем смотреть на них со стороны...»

Возобновив работу в Секретариате КПИ, мы особое внимание стали уделять восстановлению связей с партийными организациями в Италии. Туда отправлялись наши «инспекторы», специально подготовленные и получившие конкретные задания, инструкции и директивы. Необходимо было оживить фабрично-заводские партийные организации, партийные ячейки по месту жительства. Безусловно, первые контакты должны были устанавливаться с соблюдением всех норм конспирации и с большой осторожностью.

Некоторые товарищи, одними из первых поехавшие с этой опасной миссией в Италию, попали в полицейские ловушки: Джино Джоветти, Армандо Федели. Однако уже

были подготовлены коммунисты, которые должны прийти на смену арестованным. Так постепенно подпольная сеть партии вновь пришла в действие.

В секретариате мы внимательно изучали и обсуждали отчеты «инспекторов», обрабатывали и суммировали содержавшиеся в них данные, помогавшие нам оценивать обстановку и принимать решения.

В целом партия сумела сохранить свою немногочисленную, но прочную организационную структуру. Партийные ячейки не исчезли, они существовали на многих предприятиях, но насчитывали мало членов и вели ограниченную работу.

Наши товарищи сообщали, что коммунистическая партия пользовалась большим авторитетом среди трудящихся, которые из рук в руки передавали наши газеты и листовки. Коммунистическую печать читали многие рабочие, и это давало свои плоды.

Организованный авангард рабочего класса должен был восстановить свою ведущую, направляющую и руководящую роль. Отступление продолжалось слишком долго.

К концу 1929 года задачи, поставленные руководством партии, были в основном выполнены. Были вновь созданы партийные секретариаты, а там, где возможно,— областные комитеты партии. В Пьемонте работу партии возглавил Сантиа́, в Ломбардии — Джиганте, в Венеции — Фраузин, в Тоскане — Борги, в Эмилии — Эцио Дзанелли.

Лонго утверждал, что местонахождением партийного аппарата должна стать Италия. Нужно, говорил он, покончить с тем, что весь аппарат находится за границей, заседания, встречи с рядовыми коммунистами происходят за рубежом. Такое положение продолжается почти два года.

В соответствии с этим 28 декабря он от имени Секретариата партии направил в Политбюро свои организационные предложения.

На заседании Политбюро присутствовали Тольятти, Камилла Равера, Лонго, Леонетти, Трессо, Секкья, представлявший молодежь, а также Джузеппе Берти, который, освободившись из ссылки, сумел присоединиться к Заграничному центру.

Лонго объяснил причины, в силу которых он считал необходимым вновь поставить на повестку дня вопрос

о воссоздании Внутреннего центра партии. Он указал как на политические причины, обусловленные обстановкой, так и на организационные и рабочие мотивы. Он сказал, что общим направлением должно стать максимальное приближение к стране всех партийных органов.

Леонетти признал необходимость анализа организационных вопросов. Однако он не согласился с предложениями, содержавшимися в проекте, представленном в Политбюро. По его мнению, они представляли собой скачок, в то время как было необходимо с осторожностью подходить к вопросам обстановки в Италии.

Трессо заявил, что не согласен со многими из предложений Лонго, а также с общим духом его проекта. В частности, он сказал: «Не подлежит сомнению, что степень нашего присутствия в Италии нужно увеличить. Однако директивы, содержащиеся в проекте Лонго, в этом вопросе не окажут нам помощи. Напротив, их осуществление привело бы к быстрой ликвидации того, что у нас еще осталось от партии».

Тольятти заявил: «Мы должны учитывать сегодняшнюю политическую обстановку. Необходимо отдавать себе отчет о возможности ее обострения... Наши усилия должны быть направлены на максимальное сближение с итальянской обстановкой, на тесный контакт между партийным центром, аппаратом и рядовыми коммунистами с целью сделать работу партии в массах более активной и действенной. Необходимо уже сейчас начинать действия в этом направлении. Чем дольше мы будем ждать, тем больше трудностей возникнет на пути: наступит момент, когда станет ясно, что, не начав сейчас, позже мы уже ничего не сможем сделать...»

В итоге Тольятти поддержал предложения Лонго.

Я заявила, что согласна с предложениями Лонго. Перенос Внутреннего центра за границу, осуществленный в 1928 году, был обусловлен крайней трудностью обстановки, представлял собой временное отступление.

Леонетти сказал, что он не против намеченных общих директив. Вопрос не в том, какова общая линия, а в том, как ее осуществлять. Здесь начинается мое несогласие, сказал он далее.

Трессо не согласился с темпами предложенных мер по реорганизации партии. Товарищи, заявил он, предлагают их скорое осуществление, скачок. Но методы работы должны остаться такими, как до сих пор.

Политбюро отложило на два дня принятие решений. Тем временем Лонго, Трессо и Леонетти пункт за пунктом изучат проект Лонго с целью уточнения возникших расхождений.

Трессо оставил за собой право внести свои «контрпредложения».

Политбюро вновь собралось 31 декабря. На заседании присутствовали Тольятти, Равера, Лонго, Трессо, Леонетти, Секкья и Берти в качестве приглашенного.

Лонго сообщил, что товарищ Трессо представил свой «контрпроект», полностью несовместимый с проектом Политбюро.

Леонетти подготовил заявление компромиссного характера.

Тольятти сказал: «Попытка Леонетти примирить различные мнения заслуживает похвалы. Однако она неприемлема, ибо обсуждаемые вопросы настолько важны, что если мы не проясним их до конца, то партийная работа не продвинется вперед ни на шаг. В силу этого необходимо заслушать мнение ЦК. При обсуждении в ЦК, естественно, будет взят за основу проект Лонго, одобренный Политбюро. Члены ЦК будут ознакомлены с «контрпроектом» Трессо и с заявлением Леонетти».

Гриеко сообщил из Москвы, что Президиум Исполкома Коминтерна пожелал обсудить с итальянскими товарищами вопросы, по которым в Политбюро КПИ возникли разногласия. Было решено созвать в Москве заседание Президиума Исполкома Коминтерна с участием руководителей КПИ, находящихся в Москве, и, кроме них, Тольятти, Раваццоли, Фраузина, Джиганте, Секкья. Транквилли, не имевший возможности оставить клинику, изложил свое мнение в письме, адресованном ЦК, с которым были ознакомлены участники московского заседания.

В этом письме Транквилли отзывался о политике партии как о чем-то «труднодоступном, открытом пониманию лишь небольшого числа товарищей» [1].

Президиум Исполкома Коминтерна, собрав в Москве представителей КПИ, поставил своей целью сгладить расхождения, возникшие в Политбюро КПИ, сохранить един-

---

[1] *P. Spriano*. Op. cit., vol. II, p. 241.

ство руководящего центра партии. На это были направлены выступления, прозвучавшие в ходе заседания, которое прошло в атмосфере сердечности и братства. Мануильский и Молотов отдельно встретились с Равацроли и, по их мнению, смогли убедить его отказаться от своих позиций по отношению к Политбюро и к «контрпроекту» Трессо.

Заседание Президиума Исполкома Коминтерна в итоге осудило заявление Транквилли и отрицательно отозвалось об организационных предложениях Трессо в силу их тенденции «впадать в доктрину стихийного развития революции и, следовательно, недооценивать руководящую роль партии» [1].

8 марта [2], по возвращении из Москвы участников заседания Президиума Исполкома Коминтерна, было созвано заседание Политбюро. В нем участвовали Тольятти, Камилла Равера, Лонго, Трессо, Леонетти, Равацроли, Секкья и Берти.

Тольятти информировал о содержании и итогах дискуссий в Москве.

Равацроли в своем выступлении заявил, что «атмосфера в Москве искусственно подогрета и поэтому неблагоприятна для несогласных и для Транквилли».

Выступление Равацроли взволновало присутствовавших на заседании. Большинство Политбюро решило вынести все вопросы на обсуждение ЦК.

В повестке дня заседания ЦК значилось:

1. Международная и внутренняя обстановка и задачи партии (докладчик Тольятти).

2. Сообщение об организации сосланных на острове Понца и «дело Бордиги» (докладчик Берти).

3. План работы партии (докладчик Лонго).

4. Разное.

В поведении Равацроли, Трессо и Леонетти ясно усматривалось стремление к расколу, к замене руководства партии. Неясной оставалась позиция Транквилли. Как выяснилось позднее, по определенным вопросам он был согласен с тремя оппозиционерами.

ЦК собрался в Льеже 20—22 марта 1930 года.

Транквилли направил в ЦК новое послание, еще более расплывчатое, пессимистическое и ироническое, чем предыдущее. Тем не менее оно не носило столь ка-

---

[1] *P. Spriano*. Op. cit., vol. II, p. 245.
[2] 1930 года.— *Ред.*

тегоричного характера, как оппозиция Леонетти, Равацоли и Трессо.

На заседании ЦК присутствовали товарищи Тольятти, Камилла Равера, Гриеко, Лонго, Раваццоли, Леонетти, Трессо, Сантиа́, Фраузин, Джиганте, Тереза Ноче, Ньюди; Доцца, Секкья, Дзанелли, Гини, Амадези — от молодежной федерации; Тосин в качестве протоколиста.

Отсутствовали: Бордига, больные Чериана и Транквилли, находившиеся в Москве Дженнари, Джерманетто и Ди Витторио.

На заседании председательствовал Ньюди.

Тольятти проиллюстрировал экономическую и политическую обстановку на основе анализа и выводов, сделанных в предыдущих дискуссиях.

Трессо в заключение своего выступления заявил, что снимает свой организационный проект и соглашается с решениями Коминтерна, обязуясь следовать им везде, где потребует партия.

Лонго подчеркнул противоречивость позиций раскольников: «Они говорят, что не согласны с проектом Лонго, но одобряют резолюцию Коминтерна. Но ведь эта резолюция одобрила проект Лонго». «Тройку», как называли оппозиционеров, объединяло несогласие с «организационным проектом» Лонго, внесенным от имени секретариата; иными словами, несогласие с организационным «поворотом», принятым большинством Политбюро, рекомендованным Коминтерном и еще раз одобренным в ходе встречи в Москве. Именно это несогласие явилось причиной расхождений в Политбюро и обусловило их сущность.

В заключение большинство ЦК решило исключить из Политбюро Раваццоли, Леонетти, Трессо и Транквилли, а также вывести из состава ЦК Раваццоли, Транквилли, Терезу Реккья.

ЦК рассмотрел также вопрос об Амадео Бордиге. Формально он еще являлся членом ЦК, избранного на Лионском съезде.

После освобождения из ссылки Бордига был приглашен в руководящий центр партии для объяснения своего поведения. Он не ответил и не возобновил контактов с партией.

ЦК единодушно постановил исключить из партии Бордигу за «поддержку и приверженность позициям троцкистской оппозиции, за фракционную деятельность и за поведение, недостойное коммуниста».

Это заседание ЦК осталось в моей памяти как один из самых трудных и печальных моментов в моей партийной работе. Все дискуссии тех месяцев проходили в нездоровой обстановке, обусловленной столкновениями интересов, маневрами, постановкой абсурдных целей.

Манера, тон, язык некоторых выступлений замутили обсуждение, отравили взаимоотношения. Спутались воедино две отдельные проблемы: выработка суждений об итальянской и международной обстановке и вопрос о природе и постоянной роли партии рабочего класса.

Что касается организационного вопроса, который, в сущности, являлся принципиальным политическим вопросом, то с самого начала прений он был поставлен так, как в ноябре 1926 года: превратиться ли нам в партию эмигрантов, как другие, или в любых условиях оставаться партией рабочего класса вместе с рабочим классом в стране, где ширится борьба масс, признающих партию своей, среди которых она осуществляет свою ведущую и руководящую роль.

Независимо от оценки политических перспектив вопрос о нашем возвращении к политической деятельности в Италии надо было ставить так, как его ставили мы. За 20-летний период господства фашизма в Италии в деятельности нашей партии в стране были спады и подъемы, срывы и успехи, но мы неизменно следовали принципу политического присутствия и работы партии в Италии. Были недостатки и в руководстве этой стороной нашей деятельности, но мы всегда старались исправлять их. В 1940 году в Париже Тольятти вновь напомнил товарищам о необходимости восстановить в Италии Внутренний центр. Внутренний центр был восстановлен. В 1943 году он организовал и возглавил широкие антифашистские забастовки.

Когда на секретариате мы поставили вопрос о практическом восстановлении Внутреннего центра, Секретариат КПИ состоял из Тольятти, Раверы, Лонго и Секкья от молодежи.

Я выступила первой: «Один из нас должен отправиться в Италию». Сомнений по этому вопросу ни у кого не возникло. Я сразу же исключила Тольятти: его надо было сохранить в резерве во что бы то ни стало. Из оставшихся трех кандидатур Секкья был центральным руководителем коммунистической молодежи, но ему не хватало еще необходимого опыта и авторитета, чтобы руководить партий-

ным центром в Италии. То же самое можно было сказать и о Лонго. Некоторое время назад он перешел из молодежной федерации в партию, но его недостаточно хорошо знали в стране как партийного руководителя.

«Первой предлагаю послать в Италию меня,— обратилась я к товарищам.— Из нас четверых у меня самый большой опыт подпольной работы, в том числе руководящей. Кроме того, может быть, для меня это безопаснее, потому что я женщина, да и полиция меня как следует не знает, тем более под именем Микели».

Секкья сказал, что он согласен. У Лонго тоже не было возражений, зато Тольятти засомневался, но потом решил: «Поедешь ненадолго, только чтобы начать работу». И уточнил некоторые детали: по его мнению, до моего отъезда было необходимо хотя бы минимально укрепить уже существующие в Италии партийные комитеты; мне вместе с Лонго разработать оперативный план моей работы в стране, причем максимально ограничить мои непосредственные контакты с рядовыми членами партии и низовыми организациями; меня повсюду должна была сопровождать моя связная, надежная коммунистка, и т. д.

Затем под руководством Тольятти мы перешли к практической подготовке моего переезда в Италию, начали готовить документы и т. п.

За день до моего отъезда в Италию, 27 мая 1930 года, состоялось заседание Политбюро КПИ, на котором присутствовали Тольятти, Камилла Равера, Лонго, Секкья, Фраузин и Сантиá.

Политбюро обсудило положение в Италии и некоторые вопросы нашей работы, а также постановило восстановить Внутренний центр. Руководить им должна была Камилла Равера при помощи Баттисты Сантиá и Эцио Дзанелли, руководителя Молодежного внутреннего центра. Тольятти лично дал особые указания Эрджените Джилли о ее работе вместе со мной.

В тот момент нашему Внутреннему центру должны были подчиняться: Бруно Тосин, секретарь межобластного комитета по Пьемонту и Лигурии; Эрос Векки, секретарь такого же комитета по Ломбардии и Венето; Доменико Чуфоли, межобластной секретарь в Центральной Италии; Антонио Чикалини, руководитель технической службы партии, и Джулио Кьярелли, занимавшийся работой среди молодежи.

Переезд в Италию прошел без трудностей и непредвиденных происшествий, и вот мы с Джилли уже прогуливаемся по Милану, не в силах сдержать радость от возвращения в свою страну. Стояла прекрасная погода, на безоблачном лазурном и казавшемся таким далеким небе ярко сияло солнце.

— Как красива Италия! — повторяла Джилли.— И ведь мы еще только в Милане, далеко не самом красивом городе.— И, сменив тему разговора, продолжала: — Тольятти мне сказал, что ты должна будешь оставаться здесь лишь семь-восемь недель, а потом тебя заменят.

— Это не окончательное решение,— ответила я.— За семь или восемь недель удастся сделать и узнать слишком мало. Очевидно, мы будем работать вместе дольше.

Так началась наша совместная жизнь и работа в Италии. Это была трудная и опасная деятельность, постоянно приходилось соблюдать большую осторожность, чтобы не попасть в руки полиции.

Коммунистическая партия сохранила в Северной и Центральной Италии силы, которые можно было считать по тем временам значительными. Но часто с ними не было прямой связи, и они действовали по своей инициативе, нередко взаимодействуя с представителями других политических течений. Надо было вновь взять руководство ими в свои руки, помочь им в работе, предоставить новые технические средства для подпольной печати, снабдить информационными и политическими материалами, а главное — услышать мнение товарищей об обстановке, о возможных перспективах, узнать их настроения, мысли и чувства рабочих и народных масс, чтобы вместе восстанавливать организационную сеть партии: широкую, разветвленную, но объединенную и сплоченную под единым руководством.

Этой работой я занималась с секретарями областных комитетов партии, начиная с наиболее сильных и постепенно переходя к слабым и более изолированным.

Из Парижа регулярно приезжал связной. Он привозил нам деньги, клише для печатания «Униты», экземпляры журнала «Стато операйо» и короткие сообщения о фракционной деятельности «тройки». «Тройка» воспользовалась троцкистской печатью в Париже, чтобы выступать с нападками на руководство КПИ. Стало известно, что, еще находясь в руководстве партии, они имели связи с Троцким и сообщали ему, что их группа образовалась

в сентябре 1929 года для борьбы против руководства КПИ, воплощенного в Тольятти.

Принадлежность к троцкистскому течению влекла за собой исключение из партии, и 9 июня 1930 года «тройку» и Терезу Реккья, которая поддерживала их, исключили из партии.

Молодые коммунисты в районе Варезе еще раньше организовали типографию, где печатали газету «Авангардиа». Теперь типография перешла к партии, и в ней печатали «Униту» и другие материалы. Типографией руководил Эрос Векки, который как секретарь Ломбардии и Венето занимался и подпольной печатью в этих областях. Мне он казался очень серьезным, активным и скрупулезным в работе, в выполнении и передаче директив центральных органов партии.

Но однажды мне сообщили, что товарищи из Турина жалуются на Векки, который грубо нарушает правила конспирации, рискуя поставить под удар партийные явки и связи. Например, Векки послал по почте в Турин и Венецию клише для печатания заголовков «Униты», направив их в картонных коробках на самые засекреченные явки, что, естественно, вызвало крайнее возмущение товарищей.

Сам Векки решительно отрицал, что он мог поступить так неосмотрительно, и просил глубоко разобраться в этом деле. «От моего имени мог действовать провокатор,— говорил он,— и его необходимо раскрыть». Для уточнения некоторых обстоятельств по этому делу Векки попросил разрешить ему встретиться с Тосиным в моем присутствии.

В плане моей работы, разработанном в Париже, предусматривалось, что я встречусь с Тосиным в Ароне 10 июля в полдень у книжного киоска на пристани. На встречу я решила привести и Векки, которому устно в присутствии только Джилли сообщила о месте и времени встречи, куда каждый из нас должен был добираться самостоятельно.

IX

В ТЮРЬМЕ

Утром 10 июля мы с Джилли выехали из дома в Арону. Для обоих секретарей обкомов мы везли по пакету с материалами для нового подпольного выпуска «Униты» от 1 августа, отредактированным мной текстом газеты «Казерма» для солдат и суммой денег, которую мы на каждой встрече передавали местным товарищам от Заграничного центра для печати, распространения подпольных изданий и для помощи жертвам репрессий.

Сойдя с парохода в Ароне, мы, как всегда, уничтожили проездные билеты и пошли по направлению к условленному месту встречи. С другой стороны к книжному киоску приближался Тосин. Векки не было. Чтобы подождать несколько минут, я взяла посмотреть какую-то книгу, но не успела раскрыть ее, как увидела, что к нам быстрым шагом, почти бегом, направляется группа мужчин. Через мгновение мы были окружены, и каждый из нас оказался зажат между двумя из этих типов.

Самый пожилой из группы властно приказал предъявить документы.

— В чем дело? — спросила я.

— Я комиссар полиции. Мы должны проверить документы. Простая формальность.

Получив документы, он приказал нам следовать за ним. За углом ожидали три автомашины. Нас рассадили по одному в каждую машину в окружении полицейских, задержавших нас.

Нас привезли в близлежащую казарму и ввели в большую комнату, которая, как мне показалось, была подготовлена к нашему приезду: письменный стол в углу и напротив него — три стула, расставленные далеко друг от друга. Оказавшись в дверях на секунду рядом с Джилли, я успела шепнуть: «Нас здесь ждали». В знак подтверждения она кивнула головой.

Бросив быстрый взгляд на наши документы, пожилой мужчина начал задавать мне вопросы: кто я, откуда родом,

почему приехала в Арону и тому подобное. Я ответила, что приехала из Швейцарии, и повторила данные, записанные в «моем» швейцарском паспорте, из которого следовало, что я швейцарская подданная. Так же поступили и Джилли с Тосиным. Допрос длился долго. В комнату то и дело входили возбужденные агенты. Мы были очень спокойны. Около двух часов я спросила у комиссара, чем ему не нравится мой паспорт.

— Мы уверены, что ваше настоящее имя не соответствует написанному в паспорте,— ответил тот.

— Обратитесь в швейцарское консульство,— посоветовала я.

— Непременно,— внешне спокойно обронил комиссар, но было видно, что он начинает нервничать.

Подойдя к двери, комиссар нетерпеливым голосом не то отдал приказ, не то попросил о чем-то. Через несколько минут, подталкиваемый полицейским, в дверях появился Джонна. Лицо его было перекошено от страха, руками он упирался в дверную коробку, сопротивляясь полицейскому, который пытался втолкнуть его в комнату. Увидев меня, он хрипло выкрикнул: «Да, это она». Когда Джонну увели, в комнату вошел какой-то мужчина. Комиссар вытянулся при его появлении и уступил ему место за столом, а сам сел рядом. С любопытством посмотрев на меня, незнакомец сказал: «Ну вот ваша личность и установлена». И приказал комиссару: «Пусть он подойдет поближе», указывая на Тосина. «Да,— ответила я громко, чтобы дать понять Тосину, что он может называть мое имя, и тем избавить его от побоев,— да, меня зовут Камилла Равера».

— По кличке Сильвия, или Микели, прибыла в Италию с целью восстановить коммунистический центр в сопровождении...— начал допрашивающий.

— ...Эрдженитe Джилли,— закончила за него моя подруга.

— Я должен объявить вас арестованными и препроводить в тюрьму.

После этого нас долго обыскивали, составляли опись вещей, находившихся у нас в сумочках и подлежащих изъятию, и только глубокой ночью привезли в тюрьму Варезе.

Всю эту первую бессонную ночь в тюрьме я непрерывно и мучительно думала, как полиция напала на наш след. О предполагавшейся встрече знали только мы четверо: я, Джилли, Тосин и Векки. Было ясно, что Джонна не мог

знать о встрече у киоска, и потом, почему нам его показали? Скорее всего, Джонна только должен был «прикрывать» кого-то.

С утра начались длинные допросы, которые затем продолжались каждый день. Во время допросов я была очень внимательна и пыталась понять, что о нас известно полиции. Одно я узнала точно: полицейским не удалось найти мое жилище и в связи с нашим арестом «провалов» не было.

Каждый день я подавала новое прошение, чтобы мне разрешили написать домой. Только 8 августа мне было позволено написать коротко об аресте и о моем «хорошем состоянии здоровья». Свидания с родными мне, однако, не разрешили.

Неожиданно меня и Джилли раздельно перевезли в римскую тюрьму Мантеллате. На ежедневных допросах следователь Особого трибунала напоминал о вменявшихся мне в вину преступлениях и о решениях судебных процессов прошлых лет, на которых я должна была бы присутствовать как обвиняемая.

30 декабря 1922 года Муссолини лично отдал приказ арестовать меня вместе с Бордигой, Грамши, Скоччимарро, Таской, Аркуно, Пелузо, Презутти, Натанджело — делегатами IV конгресса Коминтерна. Я возразила, что тогда я поехала в Москву с нормально оформленным паспортом и процесс закончился оправданием обвиняемых.

Судья брал другую папку: 22 ноября 1926 года вышло постановление арестовать меня и выслать на 5 лет под надзор полиции за «подрывную деятельность», которую я якобы проводила с 1922 по 1926 год.

Наконец в марте 1927 года я была включена в большой судебный процесс над руководителями КПИ: Грамши, Террачини, Тольятти, Гриеко, Скоччимарро и другими членами ЦК партии. Гриеко, Тольятти и я были объявлены «скрывающимися от правосудия».

На основании допросов, проводившихся полицией в Варезе и следователем Особого трибунала в Риме, я сделала вывод, что полиции известны только мои действия, связанные с Векки, или о которых Векки мог легко узнать от кого-нибудь из моих миланских товарищей. Более того, не раз следователь приводил детали, о которых мог говорить только Векки. Например, в Варезе, пытаясь установить, где находится мое жилище, полицейский пошел на обман: «Мы обнаружили ваш дом. У вас прекрасная гости-

ная. А какой вид! Все озеро Комо как на ладони». Это он повторил мои слова, которые я шутя сказала Векки, ведь на самом деле это было абсолютной неправдой. И подобные случаи повторялись не раз. Адвокат сказал мне, что Векки не арестован. Полиции якобы не известно его местопребывание. Так в результате долгих раздумий и сопоставлений я пришла к мысли, что Векки мог быть провокатором. Но как предупредить товарищей? Эта мысль не давала мне покоя.

Как-то я вспомнила, что мой брат Чезаре все время называл Векки «педагогом», может быть из-за его манеры разговаривать с товарищами, и 11 сентября я написала письмо Чезаре, в котором, говоря о здоровье сына Чезаре, добавила: «По фотографии мне кажется, что ребенок чувствует себя хорошо. Но когда начнет говорить, не торопитесь учить его сразу многим вещам. А особенно держите его подальше от нашего «знаменитого» педагога, над которым всегда подтрунивал Чезаре и который, по-моему, достоин презрения».

Я с нетерпением ожидала результата моей первой попытки. 18 сентября в новом письме домой я спрашивала: «Послушался ли Чезаре моего совета насчет педагога?»

Впоследствии я узнала, что мое предупреждение было передано товарищами в Париж и Заграничный центр решил проверить Векки. В результате оперативной проверки было установлено, что Векки часто имел встречи с агентами полиции и ОВРА в Италии, а затем и в Париже, куда он переехал по своей просьбе. Допрошенный товарищами в Париже, он совершенно запутался в своих показаниях и в конце концов под давлением собранных улик признал, что работал на полицию и в Ароне нас арестовали по его сообщению.

Кто-то из молодых коммунистов, присутствовавших при допросе, выстрелил в предателя. Векки был ранен, но притворился мертвым и, когда все покинули место, где происходил допрос, сумел добраться до дороги. Подобравшим его прохожим Векки рассказал, что его пытались убить политические противники, коммунисты. Дело приобрело широкую огласку, французская печать много об этом писала.

10 октября начался суд. Процесс проходил сверхбыстро. Буквально в течение нескольких минут прошел допрос обвиняемых, то есть меня, Тосина и Джилли, затем суд

выслушал короткие показания сотрудников полиции, были прочитаны документы и протоколы, представленные обвинением, и наконец суд удалился на совещание.

В ожидании приговора нас поместили втроем в одну из подвальных камер Дворца правосудия. Охранявшие нас карабинеры не мешали разговаривать, и я поделилась с товарищами своими подозрениями насчет Векки. Джилли придерживалась относительно него такого же мнения, а Тосин, как оказалось, мало знавший Векки, попался в обычную ловушку: вместе с ним в камеру поместили заключенного, которого должны были освободить, и тот вызвался передать на волю письмо. Тосин написал товарищам о присутствии Джонны при нашем аресте и считал, что в провале был повинен именно Джонна. Письмо дошло до Заграничного центра, и это послужило для нас косвенным доказательством, что роль Джонны в данном случае сводилась к тому, чтобы быть «прикрытием» для Векки, «информатора, внедрившегося в руководящие органы коммунистической партии».

Через два часа нам объявили приговор: за деятельность, направленную на восстановление коммунистической партии, я была приговорена к 15 годам и 6 месяцам тюремного заключения, Тосин — к 14 годам и Джилли — 10 годам и 6 месяцам тюрьмы.

Вечером 29 ноября мне сказали, что я буду отбывать заключение в тюрьме города Трани, куда меня и повезли на следующее утро. Джилли была отправлена в Венецию.

О ВОСПОМИНАНИЯХ КАМИЛЛЫ РАВЕРЫ

Воспоминания старейшей деятельницы Итальянской коммунистической партии Камиллы Раверы, несомненно, заинтересуют советского читателя. В них он найдет богатый материал по истории становления этой крупнейшей и одной из самых влиятельных компартий за пределами социалистического мира.

В книге показана героическая борьба итальянских трудящихся, прежде всего коммунистов, против фашизма. Активная участница этой борьбы, К. Равера рассказывает о том, как складывалось руководство партии, как коммунисты во главе с Грамши и Тольятти преодолевали с помощью Коминтерна ошибочные левацкие установки Бордиги и вырабатывали четкую линию антифашистской борьбы, укрепления связи с массами. От внимательных глаз читателя не ускользнут, конечно, сильные стороны этой книги, на страницах которой ярко запечатлено влияние Великой Октябрьской социалистической революции на поиски итальянскими «советистами» конкретного пути к социальным преобразованиям, к завоеванию власти рабочими и построению социализма в своей стране.

«Трудящиеся,— отмечает К. Равера,— связывавшие революцию с именем Ленина, восприняли ее как начало крушения всей капиталистической системы, вызывавшей социальное неравноправие и губительные войны». Один из основателей Итальянской компартии, Антонио Грамши, видел в российской революции «наступление нового строя», а для туринских рабочих она служила примером, которому надо следовать. «Сделать, как в России» — таков был лозунг, быстро распространившийся среди итальянских рабочих.

Выдвижение этого требования в условиях тогдашней Италии было вполне закономерным. Страна переживала жесточайший кризис, революционное брожение среди трудящихся привело к дезорганизации и расстройству всей системы буржуазно-парламентского государства. Рабочий класс и крестьянство вступали в противоборство с буржуазией и помещиками-феодалами. «В Италии,— отмечает К. Равера,— это движение было бурным и мощным, а в Турине по своему характеру и целям — явно революционным». Итальянская буржуазия понимала, что назревают большие и глубокие потрясения. Создание в 1921 году Итальянской коммунистической партии ознаменовало собой появление новой, подлинно революционной силы, доказавшей свою способность повести за собой трудящихся Италии.

В стране назревала революционная ситуация. Именно поэтому столь притягательным для итальянских революционеров в тот период был пример Советской России.

В этой обстановке итальянская буржуазия пошла на отказ от старых методов господства, перейдя к террористической, фашистской диктатуре. Главный удар при этом был направлен против молодой коммунистической партии. Тысячи коммунистов были брошены в тюрьмы. Судебные процессы против них стали обычным явлением. Заслугой коммунистов, и прежде всего Грамши, Тольятти, Лонго, было то, что в этот сложнейший период деятельности компартии они выдвинули лозунг антифашистской демократической революции. Партия призвала коммунистов настойчиво работать над укреплением союза антифашистских сил, над усилением влияния партии в массах, что позволило на заключительном этапе этой революционной борьбы оказать вооруженный отпор фашистской диктатуре.

Книга К. Раверы представляет интерес не только для историка. Она актуальна в прямом смысле этого слова. Свои воспоминания коммунистка писала с позиций сегодняшнего дня. Это чувствуется и по авторским комментариям к событиям прошлого, и по прямому использованию в тексте ряда положений современной платформы итальянских коммунистов.

И с этой точки зрения книга Раверы — полноправная участница обсуждения тех вопросов, которые волнуют сейчас трудящихся и коммунистов Италии.

Главнейший из этих вопросов — пути и средства ломки старого общества и построения социализма. Мы уже видели, что в условиях революционной ситуации, назревавшей в Италии в 20-е годы, на первый план выдвигался советский опыт. Возникавшие в обстановке общего бурления фабрично-заводские советы, концепция которых, как отметил позднее А. Грамши, берет свое начало в историческом опыте русского пролетариата, в целом осуществляли «контроль и вместе с ним подготовку рабочего класса к завоеванию власти». Ленинские идеи легли в основу разработанных Грамши положений о руководящей роли партии, о гегемонии пролетариата, о союзе рабочего класса с крестьянством (в специфической для итальянских условий форме — союза промышленных рабочих Севера с крестьянскими массами Юга), о роли движения фабрично-заводских советов и т. д.

Из воспоминаний К. Раверы ясно видно, как развивался и совершенствовался в Италии ленинский принцип широких политических и социальных союзов. Если в настоящее время Итальянская коммунистическая партия ведет курс на создание и усиление союза тех масс трудящихся, которые ориентируются на три основных политических течения современной Италии — коммунистов, социалистов и католиков, то в период перехода буржуазии к открытой фашистской диктатуре очень важно было обеспечить позиции компартии не только среди католических масс, но и непосредственно в фашистских организациях.

Книга К. Раверы позволяет представить, как итальянские коммунисты начали разрабатывать концепцию пути Италии к социализму.

Воспоминания показывают, что и в период подъема борьбы итальянских трудящихся, и в период спада рабочего движения и наступления фашистской реакции Итальянская коммунистическая партия никогда не теряла из виду главную цель своей деятель-

ности — революционное преобразование общества, борьбу за демократию и социализм. И в этом великим примером служила им также в те годы Советская Россия. Вспомним, к примеру, те страницы, когда Гриеко под влиянием Таски обнаруживает слабость и подписывает документ, призывающий коммунистов затаиться на весь период фашистской диктатуры и лишь культивировать втайне социалистические идеи. Стоило ему затем встретиться с одним из советских работников и услышать его оценку: это не большевистский документ, как он внезапно прозревает, рвет постыдное обращение и вместе с другими коммунистами продолжает борьбу.

Книга К. Раверы не позволяет, к сожалению, судить о более поздних этапах борьбы Итальянской компартии. Повествование в ней заканчивается на раннем этапе становления ИКП. Но и сейчас мы видим, что главный ориентир борьбы (хотя формы его достижения и меняются) остается все тем же. В условиях, когда страна втиснута в жесткие рамки Атлантического союза, когда на итальянской территории размещены иностранные военные базы, лозунг «Сделать, как в России» не может быть механически перенесен в современность. Однако изо дня в день становится все более очевидным углубляющийся кризис капитализма, все более выясняется неспособность правящих буржуазных классов обеспечить развитие общества. Поэтому итальянские коммунисты ставят сейчас акцент на необходимости развертывания нового этапа революционной борьбы, названного «вторым этапом демократической и антифашистской революции», основным содержанием которого должны стать, по их замыслу, антифашистские и демократические преобразования. В ходе их осуществления, как было заявлено на XIV съезде ИКП в марте 1975 года, можно будет «постепенно преодолеть логику механизма капиталистической системы» и добиться «руководящей и общенациональной роли рабочего класса и всех трудящихся».

В книге К. Раверы затрагивается еще один вопрос, имеющий непосредственное отношение к ведущимся ныне дискуссиям. Это вопрос о «буржуазных свободах» и об отношении к ним коммунистов. На материале воспоминаний К. Раверы очень интересно проследить, как формировалось отношение грамшианцев, например, к свободе печати. С большой симпатией приводит К. Равера высказывание В. И. Ленина, привлекшее внимание А. Грамши: «Чтобы завоевать действительное равенство и настоящую демократию для трудящихся... надо сначала отнять у капитала возможность нанимать писателей, покупать издательства и подкупать газеты... Капиталисты называют свободой печати свободу подкупа печати богатыми, свободу использовать богатство для фабрикации и подделки так называемого общественного мнения» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 495).

Читая эти ленинские строки, воспроизведенные в книге итальянской коммунистки, трудно отделаться от впечатления, что они написаны для сегодняшних дней, когда буржуазная пресса делает все для извращения правды о Советском Союзе и других странах социализма. Ленинские слова звучат предупреждением для тех, кто в наши дни попадается на приманку буржуазной пропаганды, кто, подобно Платоне в эпизоде с освещением в «Ордине нуово» сенсационного убийства, стремится потрафить «нездоровому, болезненному любопытству, разжигаемому рекламой, печатью и другими средствами информации, которые определяют и направляют в определенное русло мысли людей и их эмоции».

К. Равера не призывает замалчивать отрицательные явления жизни, но она солидарна с А. Грамши, который говорил: «...мы коммунисты и поэтому должны говорить о действительности с серьезностью и правдивостью коммунистов, на основе наших идей об обществе и с уважением к человеку, не забывая, когда это необходимо, выступать с отличным от других мнением и даже идти против этого мнения».

Воспоминания К. Раверы ценны для нас и тем, что в них раскрывается образ руководителей компартии — Грамши, Тольятти, Лонго и других. Особый интерес представляет рассказ К. Раверы об Антонио Грамши, с которым она познакомилась еще в Турине в самом начале своей партийной деятельности. Личные встречи с одним из основателей компартии, рассказы о нем, услышанные от товарищей по борьбе, передают нам многие черточки его характера и мировоззрения, которые дополняют и обогащают наше представление об этом революционере-ленинце.

Ярко и впечатляюще написаны страницы о пребывании К. Раверы в Москве. С неподдельным волнением рассказывает она о переезде границы, отделявшей Советскую Россию от капиталистического мира, о работе в Коминтерне, о встрече с В. И. Лениным.

И еще одно обстоятельство, о котором, быть может, надо было упомянуть в самом начале. Когда знакомишься с жизнью Камиллы Раверы, практически перелистываешь историю образования Итальянской коммунистической партии, главнейшие страницы борьбы и побед итальянского рабочего движения.

«С первых лет вашей деятельности в партии,— отмечал председатель ИКП тов. Луиджи Лонго в приветственном послании по случаю 80-летия К. Раверы,— когда вы «с любовью и гордостью» сблизились с рабочим классом Турина, начиная с ваших встреч с Грамши в «Ордине нуово», с Лениным и Кларой Цеткин в Москве во время работы IV конгресса Коминтерна, в дни счастливого спасения рукописи Грамши «Южный вопрос», в драматические дни ареста вождя нашей партии и вплоть до начала столь значительной нелегальной организационной работы, предпринятой вами сразу же после принятия чрезвычайных законов,— нить вашей жизни все тесней переплетается с деятельностью и борьбой партии итальянского пролетариата».

Вот почему жизнеописание К. Раверы приобретает смысл не частной биографии, а одной из лучших страниц истории Итальянской компартии.

Сама Камилла Равера постоянно ощущала необходимость существования и деятельности коммунистической партии. Для нее это была потребность в классовой организации, созданной для трудящихся классов, для всего народа, организации, без которой нельзя было победить фашизм и добиться продвижения Италии по пути демократии и социализма.

Особенно это проявилось в первые и самые трудные годы существования коммунистической партии в Италии, в годы, когда Грамши, Скоччимарро, Террачини и многие другие руководители компартии оказались брошенными в фашистские застенки, когда было трудно, почти невозможно собрать за короткое время пленумы Центрального Комитета, как бы ни был узок его состав в те тяжелые времена.

О тяжести ударов, нанесенных фашистской реакцией по организациям коммунистов, социалистов и вообще «подрывных» элементов, красноречиво свидетельствуют данные, приведенные в

книге К. Раверы. В письме, направленном 16 ноября 1926 года П. Тольятти, она писала, что в результате террора, развязанного фашистами в те дни, в одном только Милане было арестовано около 2 тысяч человек, 151 из них были жестоко избиты, другие вследствие побоев были доставлены в больницы в тяжелом состоянии.

Самое худшее заключалось, однако, в том, что конца этим преследованиям не было видно. «Это было время,— пишет П. Сприано в книге «История Итальянской коммунистической партии»,— когда изо дня в день коммунистов сажали в тюрьмы». По его оценке, к концу 1926 года треть итальянских коммунистов оказалась в фашистских застенках.

В этих условиях от подпольщиков-коммунистов требовались недюжинная смелость, убежденность в правоте своего дела, несгибаемая воля к победе. Сама жизнь производила в то время суровый отбор, отделяя сильных от слабых, уверенных от сомневающихся. Вот почему фигура женщины-коммунистки, не отрекшейся от своих идеалов, смело вступившей в борьбу с могущественной государственной машиной фашистского режима, вызывает у нас такое восхищение. «В разгар этой бури,— отмечал Пьетро Секкья,— хрупкая, слабая женщина-коммунистка показала, что она не является слабым ростком, покорным всем ветрам и порывам, что она сознает невозможность отказа от знамени партии, которая должна продолжать свою борьбу в Италии».

С 1926 года К. Равера развивает активную деятельность в качестве одной из руководительниц Внутреннего центра компартии в фашистской Италии. Вместе с другими товарищами она выполняет трудную работу по реорганизации партийного центра. Именно к этому периоду относятся ее многочисленные сообщения в Заграничный центр о положении в стране, о состоянии партийных организаций, о трудностях и преодоленных препятствиях. Когда к началу 1927 года состоялись первые совещания коллегиальных руководящих органов КПИ на территории Италии, то стало ясно, что, несмотря на громадные потери, уже достигнуты определенные успехи. В разных провинциях насчитывается около 5 тысяч коммунистов, так или иначе связанных с руководством в Генуе и Милане. В этом немалая заслуга и Камиллы Раверы. Вновь вернувшись в страну в 1930 году, она по-прежнему продолжает свою неутомимую деятельность. Арест застает ее при выполнении очередного партийного поручения.

Однако долгие годы тюремного заключения (13 лет в тюрьме и ссылке), опровергнувшие, по выражению П. Секкья, миф о женской «хрупкости», не сломили ее воли к борьбе. Начиная с лета 1930 года Камилла Равера мужественно переносит тюремное заключение и ссылку: сначала в Трани и Перудже, в Монтальбано Йонико и Сан-Джорджо Лукано, затем на островах Понца и Вентотене.

Это были тяжелые годы. Хотя в женских тюрьмах порядки были менее строгими, но в них не было такой атмосферы товарищества, как в мужских. Ощущалось тягостное давление на психику женщин со стороны тюремщиков и монахинь, видевших свою задачу в том, чтобы вернуть на «путь истинный» закоренелых «бунтовщиц». Самым страшным наказанием было, однако, заключение в одиночной камере. Товарищ Раверы по темнице в Трани и Перудже, итальянская коммунистка Аделе Беи (всего в фашистские тюрьмы попало более 80 женщин-коммунисток), вспоминает, насколько тяжело было томиться «целый год в одиночке, не имея

даже возможности подышать свежим воздухом». К Камилле Равере, однако, относились с большим почтением. «Меня считали,— писала она впоследствии,— обреченной на вечные мучения... Фанатички-монахини, как, например, в Трани, входили ко мне в камеру, не выпуская из рук распятия». Но и в этих условиях несгибаемая коммунистка находит в себе силы не падать духом: она продолжает самообразование, интересуется известиями с воли.

После освобождения и восстановления буржуазно-демократических порядков в стране Камилла Равера с новой энергией продолжает свою деятельность коммунистки. Она страстно выступает в защиту прав итальянских женщин-тружениц, за их свободу и равноправие. В 1945 году К. Равера участвует в Учредительном конгрессе Международной демократической федерации женщин. Она активно работает в родном городе Турине, где ее избирают советником муниципалитета и членом руководящего комитета федерации ИКП. Начиная с 1948 года Камилла Равера в течение десяти лет занимается парламентской деятельностью. На V съезде ИКП ее избирают в члены Центрального Комитета, с VII съезда партии и по настоящее время она член Центральной контрольной комиссии ИКП.

Камилла Равера много пишет. Она автор статей и исследований о положении и борьбе женщин в Италии за свое освобождение. В 1952 году вышел в свет ее значительный труд «Итальянская женщина в период между первым и вторым Рисорджименто». Данная книга воспоминаний охватывает первый период жизни и деятельности автора.

Г. П. Смирнов

СОДЕРЖАНИЕ

КАМИЛЛА РАВЕРА
ВОСПОМИНАНИЯ

*Сокращенный перевод
с итальянского
В. А. Воронцова, С. В. Миронова,
Г. П. Смирнова и Ю. А. Суворова*

Заведующий редакцией
К. Н. Сванидзе

Редактор
Н. В. Попов

Младший редактор
Н. С. Коблякова

Художник
Е. А. Андрусенко

Художественный редактор
В. И. Терещенко

Технический редактор
Н. П. Межерицкая

Сдано в набор 15 января 1976 г. Подписано в печать 31 марта 1976 г. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 14,39. Учетно-изд. л. 15,25. Тираж 70 тыс. экз. Заказ № 353. Цена 85 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

85 коп.

КАМИЛЛА РАВЕРА • ВОСПОМИНАНИЯ